Кадетская
ПЕРЕКЛИЧКА

№ 49

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США

No. 49 Нью-Йорк Ноябрь 1990

«CADETS ROLLCALL»

Library of Congress Card No. 79-642319

Periodical Magazine

Published by Association of Russian Cadets graduated outside of Russia

New York, USA

—

Editor

Nicholas W. Koziakin

—

Administrator

Eugene Girs

85-59, 88th Street

Woodhaven, N.Y.

11421

—

ОГЛАВЛЕНИЕ

НАРОДНАЯ СВЯТЫНЯ

К 150-летию закладки храма Христа Спасителя в Москве

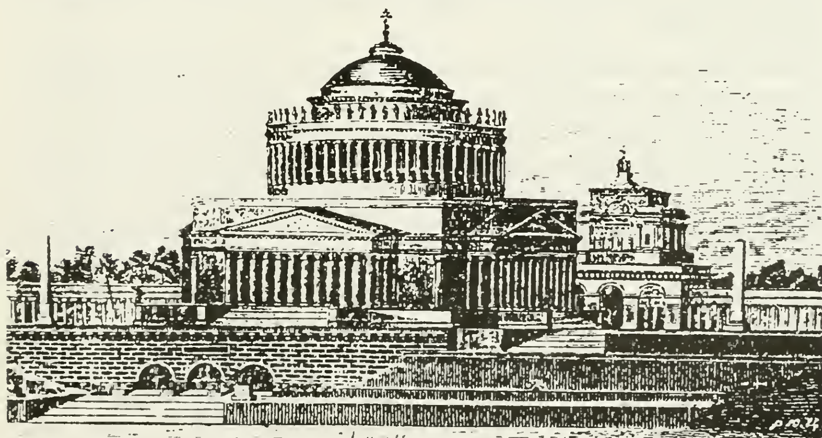
Журнал „Московская Патриархия", ноябрь 1989

(Печатается с сокращениями)

Создание Храма

На Рождество 1812 года, когда последний французский солдат был изгнан с Русской земли, император Александр I издал манифест „О построении в Москве церкви во имя Христа Спасителя в ознаменование благодарности к Промыслу Божию за спасение России от врагов". Тогда молодой, но уже известный выпускник Академии Художеств Александр Лаврентиевич Витберг (1787-1855) получил задание написать несколько картин, посвященных войне, и портреты прославившихся военачальников. Выполняя этот заказ, Витберг спроектировал и храм-памятник. Посвятив три года изучению архитектуры, он в 1816 году представил проект храма, в котором ощущалось явное западноевропейское влияние. Император одобрил проект и назначил Витберга руководителем строительства.

Храм был заложен 12 октября 1817 года, в годовщину бегства французов из Москвы, на Воробьевых горах, между Смоленской и алужской дорогами (по первой французы вошли в Москву, по

Первоначальный проект храма-памятника

второй — бежали из нее). Вынули около миллиона кубометров грунта, но так и не дошли до пород, позволявших заложить фундамент. После смерти Александра I работы приостановили. Специальный комитет, созданный по приказу Николая I, изучив проект и свойства грунта, нашел строительство невозможным, и в 1828 году его прекратили.

В связи с приближением 25-летия Бородинской битвы снова возник вопрос о храме. В 1832 году Николай I утвердил другой проект — известного архитектора Константина Андреевича Тона (1794-1881), строителя большого Кремлевского дворца, многих церквей и общественных зданий в столице и провинции, невских набережных, памятника Державину в Казани. В те годы Тон возглавлял школу русских зодчих.

Новый храм решили строить на берегу реки Москвы, в том месте, где находился Алексеевский женский монастырь, который пришлось перевести в Красное село, близ Сокольничьей рощи. В 1837 году начались земляные работы. Углубив фундамент на 10-13 метров, вынули 106 тысяч кубометров грунта, при этом прошли два кладбища, находившиеся одно под другим. Фундамент представлял собой сплошную, без промежутков каменную массу: большие, в несколько слоев, глыбы бута, привезенного из с. Григорова Руззского уезда под Москвой. 10 сентября 1839 года „собственною рукою императора Николая Павловича" был заложен камень в основание храма. Молебен служил митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов; 1782-1867). „Господи Спасителю наш! Призри с высоты Святыя Твоея на место сие, избери его в жилище Себе и благослови дело рук наших", - было выбито на закладной доске.

Место для храма выбрали очень удачно. С восточной стороны, обращенной к улице Ленивке, хорошо смотрелся Кремль; но расстояние было достаточно велико, и громада нового храма не „спорила" с московской святыней. Южная сторона выходила к Москве-реке, где построили новую набережную. Западная сторона была обращена к современному Саймоновскому проезду, северная — к Пречистенскому (ныне Гоголескому) бульвару и улице Волхонке.

Храм строился в традиционном византийско-русском стиле, что дало Витбергу повод назвать проект Тона „большой деревенской церковью". Вопреки пристрастной оценке современники одобряли архитектуру храма, хотя некоторые находили в нем „сухость", свойственную, по их мнению, и другим творениям Тона. Автор этих строк видел храм в 1917 году, когда в нем еще совершались

богослужения, а позже прожил три года рядом, на углу Пречистенского бульвара и Волхонки; храм представлялся великолепным и величественным сооружением, символизирующим мощь и величие России. Наружная лепка и горельефы украшали стены, а богатое внутреннее убранство, выполненное с безупречным вкусом и большим тактом лучшими нашими мастерами, сообщало храму особую торжественность.

Храм не казался громадным, несмотря на весьма внушительные размеры: под главным куполом поместилась бы знаменитая колокольня Ивана Великого. Высота от основания храма до завершения креста на главном куполе — 103,5 метра. Площадь храма составляла 6828 квадратных метров, объем — 102 тысячи кубометров. В плане он имел форму равноконечного креста. Внутри здание поддерживали четыре колоссальных столба-пилона. Храм вмещал до 10 тысяч человек.

Над центральном куполом диаметром 29,9 метра, на шаре диаметром 2,1 метра возвышался крест высотой 8,5 метра; так же были увенчены и малые купола. На позолоту куполов и крестов пошло 422 килограмма золота.

Металлические части глав, служившие молниеотводом, соединялись с крышей медными полосами, которые через водосточные трубы шли до самой реки Москвы; эту систему предложил профессор Московского университета М. Спасский.

Водосточные трубы были спрятаны внутри храма, чтобы не портить фасад. Для предохранения свода от сырости на железных стропилах медной главы были устроены 52 ящика, в которые, не касаясь свода, стекала вода, а из них по трубам поступала на крышу. Чтобы не было потеков с окон по стенам, от отверстий в подоконниках внутри стен к скрытым водостокам шли медные трубочки. Их общая протяженность составляла 478 погонных метра.

Везде, где стены могли отсыревать, штукатурка накладывалась особым способом: в кирпичные стены забивали деревянные пробки, а в них — железные луженые костыли, которые переплетались луженой проволокой в виде сетки, перевитой пенькой, служившей основой для штукатурки. Таким образом, между штукатуркой и каменной стеной оставалось пространство для циркуляции воздуха и сырость стен не вредила живописи. Дневной свет проникал в храм через 60 окон высотой 8,5 метра. В них были вставлены бронзовые рамы. Для вечернего освещения использовались 35 люстр с 1484 свечами, а на баллюстраде хоров — 264 подсвечника. В малых куполах висело 28 колоколов, самый большой весил 27 тонн.

Храм Христа Спасителя

Центральная часть храма площадью 4000 квадратных метров вмещала 7200 человек. Пол, выложенный плитами лабрадора, шокшинского порфира и итальянского мрамора, напоминал красивый ковер с причудливо расположенными кругами, звездами,

ромбами. Изнутри храм был отделан полированным мрамором.

Главный алтарь храма, освященный в честь Рождества Христова, представлял собой белую мраморную восьмигранную часовню с инкрустацией из разных пород мрамора, с бронзовым, суживающимся кверху вызолоченным шатром, с большими царскими вратами. На западной стене укреплены были мраморные доски, на одной из которых было выбито:

"Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу. Завещал Император Александр Первый. Заложил Император Николай Первый. 10 сентября 1839 года".

Надпись на второй гласила:

Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии. Довершил Император Александр Второй. Освятил Император Александр Третий. 26 мая 1883 года".

Храм имел две стены: наружную толщиной 3,2 метра и внутреннюю толщиной 1,4 метра. Между ними вокруг всего храма шел коридор шириной до 4,3 метра, по которому в плохую погоду совершались крестные ходы.

Память об Отечественной войне 1812 года хранили 177 мраморных досок с перечислением 71 сражения на Русской земле и 87 сражений во время парижского похода, манифестами, которые выходили в то время, с указанием воинских частей, числа погибших солдат, убитых и раненых офицеров и офицеров, удостоенных высших наград, и солдат — кавалеров ордена святого великомученика Георгия. Над каждой доской был изображен святой, память которого празднуется в день, когда происходило сражение.

Верхнюю часть коридора составляли хоры с двумя приделами — в честь Святителя Николая и святого благоверного князя Александра Невского. Все строительные и художественные работы в храме выполняли русские мастера. Тону помогали 20 архитекторов и скульпторов, среди них — Бенуа и Жилярди. В росписи стен, разработке бронзовых украшений и церковной утвари участвовали 39 художников, в том числе Ф.А. Бруни, П.К. Клодт, К.Е. Маковский, Г.И. Семирадский, В.И. Суриков, Ф.П. Толстой.

Богатейшая роспись храма охватывала все главные события Священной истории с множеством изображений Спасителя и Его Пречистой Матери, святых Вселенской и Русской Церкви. Самое большое из них распологалась в главном куполе: Бог Саваоф с Сыном Божиим в образе Младенца и Духом Святым в виде голубя; размер главной фигуры — 15 метров. Профессор живописи А.Т. Марков писал эту работу 5 лет. Ему помогали И.Н. Крамской, Н.А.

Кошелев и К.Б. Вениг. На восточной стене алтаря размещалось „Рождество Христово" кисти профессора В.П. Верещагина размером 123 квадратных метра. На стенах храма можно было увидеть сюжеты: „Основание Киево-Печерской Лавры", „Помазание Давида на царство пророком Самуилом", „Закладка Успенского собора святителем Петром, Митрополитом Московским, и великим князем Иоаном Даниловичем Калитой", „Сретение иконы Владимирской Божией Матери", а также сцены из Апокалипсиса, изображения святых творцов Божественных песнопений. Фрески в приделе во имя святителя Николая представляли историю Вселенской Церкви с I по X век. Те из них, которые изображали первые четыре Вселенских Собора были исполнены В.И. Суриковым. Роспись придела во имя святого великого князя Александра Невского рассказывала о святых, способствовавших собиранию Русской земли, и об укреплении в нашем Отечестве Православной веры.

Пояс главного купола — Небесная, торжествующая Церковь — расписывался дважды. Первый вариант признали неудовлетворительным, и весь пояс расписал заново академик Н.А. Кошелев. Иконы четвертого яруса главного иконостаса (праотцы и пророки Ветхого завета) также лишь во втором варианте удовлетворили создателей храма. Храм выглядел одинаково со всех четырех сторон. В каждой стене имелось три бронзовых золоченых двери: большая высотой 9.6 метра и весом 13,9 тонн и две малых. На папертях с 15 ступенями шириной 85 метров стояло по две мраморных колонны и по четыре бронзовых фонарных столба. Позже около храма разбили небольшой сквер.

Снаружи, понизу храм был облицован гранитом; для покрытия стен и для горельефов использовался белый мрамор, найденный при селе Протопопове Коломенского уезда. Сюжеты для горельефов выбирал митрополит Филарет: „Явление Архистратига Михаила Иисусу Навину", „Давид, встречаемый сонмом жен после победы над Голиафом", „Преподобный Сергий благословляет Димитрия Донского на брань с татарами". В четырех главных арках наверху располагались образ благославляющего Спасителя, икона Божией матери Смоленская (в память сражения под Бородином 26 августа 1812 года) и Иверская, выполненная А.В. Логановским, Н.А. Рамазановым и П.К Клодтом. На четырех фасадах храма читались рельефные надписи: *„Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его", „Господи, силою Твоею возвеселится Царь", „Господь сил с нами, заступник наш — Бог", „С нами Бог, разумейте языцы, и покаряйтеся, яко с нами Бог".*

Расходы на строительство храма, продолжавшееся больше сорока лет, составили 15 миллионов рублей. 26 мая 1883 года, в праздник Вознесения Господня, в присуствии Императора Александра Третьего состоялось освящение храма. В 1912 году у его юго-восточной части был сооружен памятник Императору Александру Третьему, созданный скульптором А.М. Опекушиным.

Храм просуществовал всего чуть более сорока лет. 5 декабря 1931 года несколькими взрывами он был уничтожен.

Н. Малов

Разрушение Храма

В судьбе храма Христа Спасителя, в первые годы советской власти ставшего центром церковной жизни, как в зеркале отразилась судьба русского народа, печальная и трагичная. 5(18) ноября 1917 года в этом храме Поместный Собор Русской Православной Церкви избрал Патриарха Московского и всея Руси.

„К сожалению, Успенский собор в Кремле, где по традиции должна была совершаться церемония избрания Патриарха был недоступен, — вспоминал А.В. Карташов. — А потому торжество назначено было в храме Христа Спасителя. Но для связи со старомосковскими святынями сюда, не без больших препятствий, привезена была из Успенского кремлевского собора древняя чудотворная икона Владимирской Богоматери. Газет уже не существовало. Спокойно известить запуганное население о происходящем не было возможности. Поэтому все члены Собора старались передать извещение отдельным приходским священникам, а те в храмах осведомляли богомольцев. 5 ноября торжество состоялось. Литургию совершал митрополит Киевский Владимир. Перед началом ее, он, при особых соборных свидетелях, вписал имена трех избранных кандидатов на патриаршество на три жребия, вложил их в специальный ковчежец, перевязал его лентой и, запечатав, поставил перед иконой Владимирской Божьей Матери".

Оогромный храм был переполнен народом. пел полный хор синодальных певчих. „Все с трепетом ждали, кого назовет Господь... По окончании молебна митрополит Владимир подошел к аналою, взял ларец, благословил им народ, разорвал шнур, которым ларец был перевязан, и снял печати. Из алтаря вышел глубокий старец —

иеросхимонах Алексий, затворник Зосимовской пустыни (недалеко от Троице-Сергиевой Лавры), ради церковного послушания участвующий в Соборе. Он трижды перекрестился и, не глядя, вынул из ларца записку. Митрополит Владимир внятно прочел: „Тихон, митрополит Московский". Словно электрическая искра пробежала по молящимся... Раздался возглас митрополита: *Аксиос!* — который потонул в единодушном *Аксиос!.. Аксиос!..* духовенства и народа. Хор вместе с молящимися запел: *Тебе Бога хвалим...* У многих на глазах были слезы. Чувствовалось, что избрание Патриарха — для всех радость обретения в дни русской смуты заступника, предстателя и молитвенника за русский народ... Всем хотелось верить, что с Патриархом раздоры как-то изживутся..." (Из воспоминаний митрополита Евлогия Георгиевского).

Увы, эти раздоры коснулись и Церкви. И сей храм Христа, где сейчас, во время избрания Главы Русской Православной Церкви, в сердце каждого христианина жила надежда и вера на грядущее примирение, оказался в 20-х годах в руках обновленцев. В 1923 году 29 апреля здесь даже открылся „Второй поместный Собор Православной Российской Церкви", в котором участвовали несколько обновленческих групп...

Литургическая жизнь храма была тесно связана с событиями того неспокойного времени. 12 ноября 1917 года состоялось соборное моление обо всех убитых в дни переворота. В обращении к москвичам говорилось: „Жители Москвы — богатые, и знатные, и простые, и военные, и не военные — все приглашаются забыв всякую партийную рознь и помня только завет великой любви, объединиться в церковной молитве о блаженном упокоении почивших".

1918 год в храме Христа Спасителя начался новогодним молебном. Возглавлявший богослужение Святейший Патриарх Тихон обратился к пастве со словом вразумления и увещания: „Минувший год был годом строительства Российской державы. Но, увы! Не напоминает ли он нам печальный опыт Вавилонского строительства?.. Забыли мы Господа... *прилежати же о душе, вещи бессмертней* - совсем забываем. Оттого и наши заботы о создании *храмин и житниц* постигает неудача". Святейший патриарх призвал чад Русской Православной Церкви к сохранению живой веры, как условия успеха их деятельности на благо Родины.

11 марта 1918 года в храме Христа Спасителя была совершена панихида по убитом в Киеве митрополите Владимире (Богоявленском). В своей проповеди перед многотысячной аудиторией митрополит Харьковский Антоний с горечью говорил о

происходящем ослаблении и даже утрате веры и нравственных начал многими представителями русского общества, следствием чего и являются события, подобные происходившим.

С течением времени в стране нарастала волна массовых репрессий. Речь шла о том, чтобы сбросить с корабля революции старый мир, основанием которого считали религию. Разрушались храмы, сжигались иконы, происходило глумление над чувствами верующих. Заметками об „антирождественских" и „антипасхальных" демонстрациях, „похоронах религии" и „классовой борьбе" пестрели газетные полосы. Жертвами классовой борьбы наряду с миллионами советских людей стали и служители Церкви. В их числе клирики храма Христа Спасителя. Его настоятель, протопресвитер Николай Арсеньев, осужденный в 1937 году на десять лет без права переписки исчез бесследно. Ключарь храма протопресвитер Александр Хотовицкий в том же году расстрелян. Ризничий протоиерей Илья Зотиков расстрелян во Владимире в 1930 году...

И вот: Средь Москвы, средь союзного — не белокаменного,
Краснокаменного — сердца-града
Воздвигается нами мировая эстрада
Трибуна трибун,
В героическом взлете стремительно-бурное
Воплощение архитектурное
Пролетарского чуда,
Всесоюзная вышка, откуда -
Назначение вышки не таково ли?
Мощным кличем не раз на весь мир прогремит
Наших слов динамит,
Динамит нашей творческой воли...,—

писал Демьян Бедный. О какой же „трибуне трибун" говорил поэт? 18 июля 1931 года советские газеты объявили о предстоящем в Москве строительстве Дворца Советов. Стоит взглянуть на выбранный Сталиным проект Б.М. Иофана. Высота дворца вместе со стометровой статуей Ленина должна была составлять 415 метров. Статуя вождя должна была превзойти американскую статую Свободы по высоте в три раза и по весу в 2,5 раза. Предусматривалась анфилада залов: зал Героики строительства социализма, Орденский зал, зал Героики гражданской войны и так далее. Со стороны Кремля ко Дворцу Советов должна была подходить парадная лестница в 115 метров шириной. По обеим сторонам от нее возвышались бы изваяния Сен-Симона, Фурье, Чернышевского и т.д., у главного входа — памятники Марксу и

Энгельсу. За колоннами должен был находиться зал Сталинской Конституции.

„Дворец Советов, в целях наибольшей доступности трудящимся массам, будет расположен в центре города Москвы — на набережной Москвы-реки, на площади между Саймоновским проездом, Волхонкой и Ленивкой, со сносом храма Христа Спасителя и соседних строений..."

Итак, приговор храму был произнесен... Приведем здесь отрывки из воспоминаний очевидца разрушения храма.

„Когда весь он (храм. — *Ред*) оказался в окружении замкнувшейся ограды, мы увидели на золоте большого среднего купола, почти под самым яблоком креста, небольшой черный зияющий квадратик. В бинокль мы разглядели открытый лаз, можно было даже различить темные силуэты людишек, то подходивших к краю, то скрывавшихся в глубине купола. Можно было также разобрать, как людишки эти, привязанные канатами и сидевшие на досках, работали по разрезке, снятию и уборке золоченых листов, представлявших большую ценность. Разговоры о золоте купола были, несомненно, приувеличены, но какое-то содержание чистого золота в медной обшивке наличествовало — снятые листы уносились бережно через лаз во внутрь.

Работа шла четко и быстро. На следующее утро нас встретил уже не зияющий в золоте лаз, а целый пояс обнаженных ребер в паутине распорок и раскосов. Новенькие грузовые автомобили остановились вдоль троттуара, отделявшего Всесвятский проезд от площади. Шоферы вышли из кабин и, покуривая, о чем-то спорили, показывая руками на стену храма...

Оба каната своими концами, для нас невидимо, были приторочены к большому черному кресту среднего купола храма. Когда все было подготовлено, и к тем же канатам была закреплена одна из машин, шофер дал ей задний ход к стене храма, а затем - самый полный вперед. Машина, яростно взревев, ринулась к проезду, но не дойдя до троттуара, внезапно, задрожав и как бы брыкнув, вздернулась в воздух, схваченная, как тетивой, натянувшимся канатом. Не успели мы и глазом моргнуть, как происшедшее приняло свой обычный вид: машина плотно стояла на всех четырех колесах на мостовой; канат, подрожав и попружинив, снова провис. Шофер, ошеломленный, вытирая пот со лба, вылез из кабины и стал проверять машину и крепления канатов.

Такого афронта никто, естественно, не ожидал; он напугал шофера. Все ждали падения креста. Он же стоял невредимый. После некоторого перекура и обычной в таких обстоятельствах взаимной

перебранки, шоферы решили повторить акцию, усилив быстроту и натиск рывка... а крест даже не погнулся. Тогда шоферы удвоили мощь тяги: подвели второй грузовик. Крест согнулся — и только, но еще не упал.

В конце концов его добили, и — Боже! — сколько искр посыпалось вокруг целыми каскадами, сколько лязга и скрежета раздалось, покуда крест скользил, цепляясь за каждую зацепку ребер и переплета каркаса, все еще привязанный к автомобилям, отъезжающим к проезду... До самого конца зрелище было полно драматического трагизма борьбы и умирания. Живая мощь была разбита и раздавлена холодной грубостью механизма. Во всем увиденном читался невысказанный, но ясно чувствуемый исторический приговор всему прошлому всем настоящим; прошлое лежало в пыли, в кусках разбитого, смятого и покореженного железа.

А потом, ото дня ко дню, продолжалось постепенное исчезновение чего-нибудь еще. Весь куб хирел, с него снималось все, что имело еще хоть какую-нибудь ценность: то скульптура, то профили карнизов, то даже гранитная и белокаменная облицовка... Однажды в переулке, почти под нашими окнами, стали рыть какую-то глубокую траншею, а затем к ней прибавили еще квадратную яму. Мы вскоре узнали, что в яме расположилась аппаратура сейсмографического наблюдения, а затем нас предупредили, что такого-то числа и в такой-то ранний утренний час, когда жизнь города еще не просыпается, будет произведен взрыв храма такой-то силы. Боялись, что от взрыва камни и куски разбитых стен могут обрушиться на наш двор и дом.

В назначенное время взрыв был действительно произведен; как говорили, сейсмограф был силой взрыва испорчен... Подобие землятресения ощущалось на большом расстоянии, ибо взрыв был весьма мощен. Но... куб камня — храм целиком — как стоял раньше, так и остался стоять плотным кубом. Где-то что-то рассеялось, что-то внутри обвалилось и осыпалось, в одном или двух местах прошли, как зигзаг молнии, трещины, сквозные, от карниза и до цоколя; обрушились внутри какие-то второстепенные своды, но объем устоял не поддавшись.

Тогда ст[illegible] подрывать в отдельности, не большими участками, отдельные опоры, частыми, но ограниченными взрывами, чтобы расшатать здание и нарушить в нем общее сопротивление. Наконец, было решено снова испробовать силу общего взрыва большой мощности. В назначенное время часть жильцов, и мы в их числе, собрались на плоской крыше нашего дома поглядеть, как это

произойдет. Минута в минуту раздался удар взрыва, наш дом здорово тряхнуло, над храмом поднялась вверх огромная красно-черная туча пыли, газа и мелкого щебня, собой все скрывавшая; она медленно, большими клубами, колеблясь, вздымалась кверху, постепенно расходясь в небе зонтом над площадью. Постепенно над ним просветлялось чистое пространство; а где храм? Поверженный, он лежал громадной горой битого щебня и огромных обломков стен, столбов и сводов, переброшенных с места на место невероятной силой взрывной волны...

Вместо всего былого, полного жизни, воцарилась черная земля, по которой ползали, как жуки-могильщики взад и вперед, туда и сюда автомобили разных видов и марок, призванные все равнять, все убирать.... От раза к разу мы видели постепенное исчезновение прошлого. Бывшая площадь стала, наконец, местом забоя железобетонных свай... затем с еще более размеренной постепенностью и не спеша появлялись металлические торчки ребер и подкосов колоссального в будущем каркаса дворца. Но до будущей громады здания дело так и не дошло — началась и все перекрыла — всю жизнь и все деяния — долгая и тяжкая война..."

Каркас постепенно разбирали для восстановления разрушенных мостов и зданий, и к концу войны от него не осталось и следа. Этим был, собственно, и положен конец постройке дворца — к ней более не возвращались. На старом фундаменте, в 60-ые годы был устроен плавательный бассейн...

Исчез с лица земли Храм — наша боль и трагедия. Задумаемся. И как знать, не отразились ли те взрывы разрушения и грохот низвергнутых крестов на наших душах, нравственности, любви?

Е. Туркина

После разрушения Храма

По окончании Второй Мировой Войны судьба забросила меня в США, где я вернулся к своей основной профессии инженера-строителя. Та же судьба свела меня с известной в мировом масштабе инженерно-проектной фирмой Моран-Проктор и Фриман, специализировавшейся по тяжелым фундаментам и морским сооружениям. Как-то, разрабатывая проект глубоких фундаментов и подземных сейфов для небоскреба одного из крупнейших банков страны, я набрел в архивах фирмы на разработанный фирмой проект

постройки фундамента для предполагаемого здания Дворца Советов в Москве, который заинтересовал меня, кроме причин национального характера, также и профессиональными проблемами, возникшими при разработке проекта и связанными с геологической формацией грунта на месте предполагаемой постройки. Грунт Москвы в районе строительства сталинской „Вавилонской башни" состоит из верхнего насыпного слоя над двенадцатиметровым слоем ледниковых отложений с последующими горизонтально перемежающимися слоями девятиметрового растрескавшегося известняка, девятиметрового слоя известковых отложений смешанных с глиной, затем шести-восьмиметрового слоя сплошного известняка, под которым находится также по толщине не равномерный (от 5 до 8 метров) слой известковых отложений и глины, лежащий на глубоком прочном слое известняка. Фундамент решено было заложить на втором слое известняка, так как более глубокий выкоп представлял бы большие трудности из-за грунтовых вод. Различная толщина лежащих ниже основания фундамента слоев могла быть причиной неравномерных осадков фундамента, способных вызвать нежелательные напряжения в элементах стального надземного каркаса этого необычного здания. Расчет фундамента учел эту возможность и соответственно с этим распределил нагрузку на второй известковый слой, чтобы избежать опасности осадки.

Проект Дворца Советов определял высоту здания в 1400 футов (427 метров), то есть на 150 футов выше самого высокого в то время здания в мире „Импайр Стейтс Бильдинга" в Нью Йорке. Основной цилиндр здания имел 150 метровый диаметр, по которому были распределены 36 наружных колонн, поддерживающих купол здания, увенчанный статуей Ленина в 100 метров вышины (выше статуи Свободы в Нью Йорке).

Внутренних колонн не предвиделось, так что наружные колонны несли на фундамент всю нагрузку здания, измерявшуюся в 11.000 тонн на каждую колонну. Второй слой известняка, который должен был принять и распределить эту нагрузку, находился на глубине 28 метров. Проект предусматривал сооружение двух параллельных фундаментальных стен 22-х метровой высоты по окружности здания, расположенных на 140 и 160-метровых диаметрах, каждая толщиной немногим менее четырех метров, подпиравшие фундаментальные плиты под основанием колонн основного наружного каркаса здания, поддерживающих верхний купол, увенчанный статуей. Распределение давления всего сооружения на квадратный метр несущего слоя известняка определялось в 195 тонн.

Постройка началась осенью 1935 года и прекратилась только лишь в результате нападения Германии на СССР.

Интересно отметить, что строительство фундаментов под предполагаемым зданием Дворца Советов очевидно было полностью закончено. Фотография, взятая мною из одного из американских технических журналов 1939 года это подтверждает, так как статья в этом журнале указывает, что уже приступлено к установке на стенах фундамента плит для опоры колонн. Подтверждает это и вышеприведенная статья г-жи Е. Туркиной.

FOUNDATION FOR WORLD'S TALLEST BUILDING NEARS COMPLETION

Нам неизвестно, сохранились ли в грунте фундаменты храма и возможно ли их использовать для его восстановления. На месте храма теперь находится купальный бассейн „Москва". Сооружение фундаментов „вавилонской башни" могло повредить старые фундаменты храма, заложенные, вероятно, не так глубоко. Во всяком случае, московские фундаменты тяжелых зданий, по всей вероятности, в смете общей стоимости сооружения, отмечены высоким процентом и возможность использования старых фундаментов может значительно сократить расходы по восстановлению Храма. Использование фундамента Дворца Советов при восстановлении храма Христа Спасителя сомнительна. Однако сама возможность, хотя бы частичного использования, должна быть внимательно исследована.

Н.В. Козякин

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ [1858 — 1915]

(К 75-летию со дня кончины)

Его Императорское Высочество
Великий Князь Константин
Константинович

На предстоящем XII съезде кадет, в ознаменование памяти Вел. Кн. Константина Константиновича, будет прочитан доклад, подробно освещающий его жизненный путь. Доклад этот будет напечатан у нас в журнале, который, вероятно, выйдет из печати только в начале следующего года. Желая все-таки отметить своевременно годовщину кончины Вел. Князя мы публикуем эту статью, ограничивая ее обзором основных вех обозначивщих духовный облик этого великого русского патриота, посвятившего свою жизнь воспитанию русской военной молодежи, а также кратким анализом его поэтического творчества и деятельности в поддержку российской науки.

Великий князь родился в пригороде Скт Петербурга Стрельне 22 августа 1858 года (все даты приводятся по новому стилю). Скончался 15 июня 1915 года в Павловске. Был женат на принцессе Елизавете Маврикиевне Саксен-Альтенбургской.

Великий Князь Константин Константинович жил в семье, где светилась любовь, уважение к ближнему и беспредельная вера в промысел Божий. С ранних лет он увлекался поэзией, музыкой, был восприимчивым, чутким и отзывчивым. В зрелые годы эти качества стали фундаментом, на котором выросла и окрепла его любовь к России, преданность дому и чувство ответственности в исполнении принятых на себя обязательств. Как писал его сын Е.В. Гавриил Константинович: „Его жизнь выходила далеко за пределы семьи. Основное в его жизни было вне ее. Он принадлежал России".

Свою военную службу он начал на Императорском флоте и участвовал в Балканской войне. Затем перевелся в гвардию, где служил в лейб-гвардии Измайловском полку. Там он создал „измайловские досуги", основной мыслью создания которых было стремление поднять уровень русского офицера, хорошего „служаки-солдата" к уровню образованного и культурного человека, способного воспитать новобранца и осмыслить его службу. Досуги эти знакомили офицеров полка с произведениями русских писателей и композиторов и демонстрировали таланты офицеров в их собственных произведениях и различных дискуссиях. Там же Великий Князь читал и свои поэтические произведения, мно из которых были переложены на музыку Чайковским. Кто не помнит мелодий на слова: „Мне снилось", „Сирень", „Колокола", „Плыви моя гондола". А разве можно забыть „Отворил я окно, стало грустно невмочь, опустился пред ним на колени"... Сколько лирики, сколько любви к природе в следующем его стихотворении:

Я сбегаю в широкое поле
Где волнуется нива кругом
Где хлеба дозревают на воле
Наливается колос зерном
Где кружится рой пчел золотистых
Копошатся привольно жуки
Где, пестрея во ржи колосистой,
С алым маком цветут васильки.

Вся Россия знала поэта подписывавшего свои произведения инициалами К.Р. Его религиозная мистерия „Царь Иудейский" является не только значительным литературным произведением, но и гимном Веры, открывающим глубину религиозных чувств автора.

Вероято успех „Измайловских досугов" послужил поводом к назначению Великого Князя генерал-инспектором военно-учебных заведений. В письме своей сестре, королеве эллинов, с которой он был очень дружен, он писал: Ты угадала. Должность начальника военно-учебных заведений как нельзя более мне по душе, и я с радостью ее займу". Свой взгляд на воспитание юношества он изложил в знаменитом приказе от 24 февраля 1901 года: „Поддерживая все свои требования со строгостью и устанавливая над вновь поступающими самый бдительн ый надзор, закрытое заведение обязано, по мере нравственного роста своих воспитанников, постепенно поднимать в них сознание человеческого достоинства и бережно устранять все то, что может оскорбить или унизить это достоинство. Только при этом условии, воспитанники старших классов могут стать тем, чем они должны быть — цветом и гордостью своих заведений, друзьями своих воспитателей и разумными направителями общественного мнения всей массы воспитанников в добрую сторону". В 1907 году введены были в военных училищах новые программы, целью которых было: приблизить военные знания юнкеров к воинской жизни и подготовить их к обязанности воспитателя и учителя солдат и к роли руководителя вверенной ему малой части. В стихотворении посвященном кадетам Вел. Князь говорит:

Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой
Ты не один — орлиная вас стая.

Вел. Князь Константин Константинович часто посещал кадетские корпуса и военные училища и, обладая изумительной памятью, помнил имена многих кадет и юнкеров. Много случаев сохранила нам военная летопись, когда он по отечески помогал попавшим в беду кадетам. Молодежь это ценила, глубоко его уважала и считала „отцом кадет". Память о нем передавалась из поколения в поколение в военно-учебных заведениях вплоть до их ликвидации в 1918 году. Покинувшие родину училища и корпуса продолжали жить на чужбине по его заветам до своего расформирования.

Есть еще одна область, в которой Великий Князь оставил глубокий след. Его энергичная деятельность на посту Председателя Российской Императорской Академии Наук привела к коренному преобразованию методики работы этого учреждения. Он начал расширять круг ответственности Академии в сторону привлечения в ее кругозор людей, не имевших научных степеней, но обладающих

достаточными академическими знаниями и умеющими сочетать их с полезным практическим применением.

Примером тому может служить проект постройки мощного ледокола „Ермак", предложенный адмиралом Российского Флота Макаровым, который тщетно пытался протолкнуть его через каналы морского ведомства и, натолкнувшись на безразличие и непонимание, в конце концов, обратился к Великому Князю Президенту Академии наук. В.К. Константин Константинович предложил ему представить свой проект группе академиков и специалистов. Доклад был поддержан академией и проект осуществлен.

Следует также отметить его либеральный, а правильнее сказать — человечный, подход к установленным университетами правилам запрещающим женщинам не только занимать кафедры в университетах, но и учиться в оных. В качестве первого шага на пути обретения женщинами права на образование, он учредил Высшие Женские Курсы. Его открытая борьба за отмену этих устаревших правил началась после того, когда русскую женщину, ученого математика с мировым именем С.В. Ковалевскую, получившую докторскую степень в Геттингенском университете и специальные премии от Парижской и Шведской Академий Наук, не допустили до занятия кафедры в русских университетах. Вел. Кн. Константин Константинович начинает борьбу обходным путем. Он предлагает нашей Академии избрать С.В. Ковалевскую членом-корреспондентом. Этим создавалась возможность избрать ее действительным членом при следующем открытии вакансии. А для действительных членов Академии не было препятствий занять кафедру в любом универститете страны. К сожалению Ковалевская не стала первой русской женщиной избранной действительным членом Академии наук, ибо через пол года после ее избрания членом-корреспондентом она скончалась от простуды в возрасте 40 лет.

След, оставленный Великим Князем Константином Константиновичем во всех областях его деятельности, неизгладим. Он служит нам всем примером истинного человеколюбия, уважения к ближнему и бескомпромиссной справедливости.

Составил: Н.В. К.

Источники: доклады С. Дурилина, П. Пагануцци и Н. Протопопова (см. КП № 18)

КОНСТАНТИНОВИЧИ

Дети Великого Князя Константина Константиновича и Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны

(Даты по новому стилю)

Августейшие Дети Их Императорских Высочеств Великого Князя Константина Константиновича и Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны

Иоанн: Родился в Павловске 5.7.1886. I кад. корпуса; Николаевского кав. уч.; л.-гв. Конн. Е.В. полка. Живым сброшен в шахту под Алапаевском 18.7. 1918. Супруга: Королевна Елена Петровна Сербская; род. в Риеке 5.11. 84; скон. 16.10. 1967 в Ницце. дети: Всеволод: род. 20.1. 1914, скон. 16.6. 1973; Екатерина: род. 25.7. 1915.

Гавриил: Род. в Павловске 15.7. 1887. I Моск. Имп. Екатерины II кад. корп.; Николаевское кав. уч.; л.-гв. Е.В. Гусарского полка. Скон. 28.2. 1955 в Париже. Супруга: Ирина Николаевна Куракина; род. 22.9. 1903.

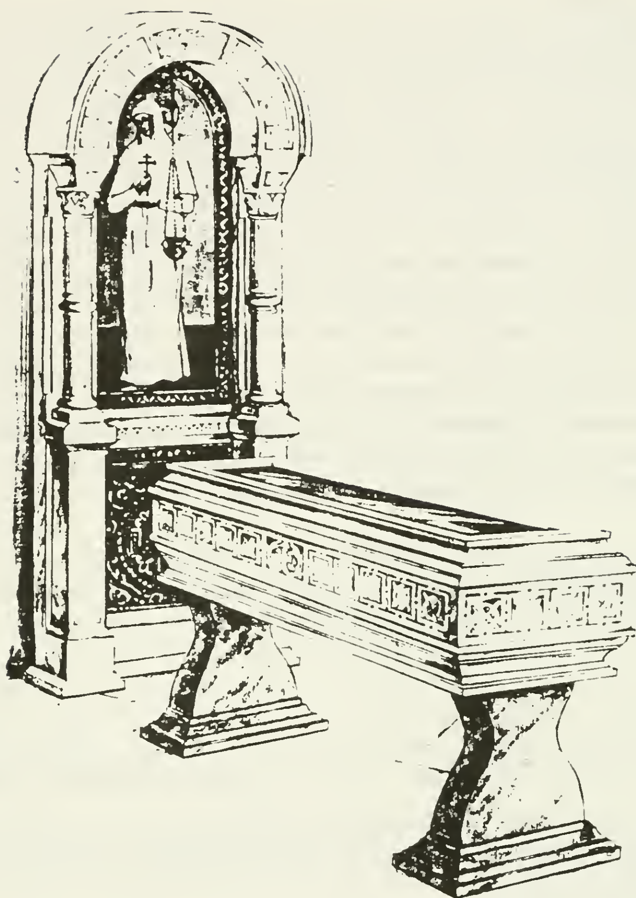
Татьяна: Род. в СПБ 23.1. 1890.; скон. в Иерусалиме 28.8.1979. После Второй Мировой войны ушла в монастырь в Гефсиманию, а затем была игуменией Елеонского монастыря. В иночестве носила имя Тамары. Супруг: кн. Константин Александрович Багратион-Мухранский; род.в Тифлисе 14.3. 1889; Пажеского корп.; л.-гв. Кавалерг. полка. В I Мировую войну лейб-Эриванск. полк. Убит под Лембергом (Львовом) 19.5.15. Дети: сын кн. Теймураз Константинович род. 21.8.1912 в Павловске. Крымский и I Руск. Вел. Кн. Константина Константиновича кад. корп.; Югославское воен. уч.; Королевск. артиллерия. Супруга сына: Ирина Сергеевна граф. Чернышева-Безобразова; род. в Нейи (Париж) 26.9. 1925. Дочь Наталия Константиновна: род 19.4. 1914; скон. 26.8. 1984.

Константин:	Род. в СПБ 1.1. 1891; Нижегородского гр. Аракчеева кад. корп.; Пажеского Е.В. корпуса; л.-гв. Измайловского полка; кав. орд. Св. Влкм. Георгия IV степ. Живым сброшен в шахту под Алапаевском 18.7. 1918.
Олег:	Род. в СПБ 27.11. 1892; Полоцк. кад. корп. и Александр. лицея; л.-гв. Гусарского Е.В. полка; смертельно ранен под Владиславовым; ск. от раны 12.10. 1914 в Вильно; кав. орд. Св. Влкм. Георгия IV степ.
Игорь:	Род. в Стрельне 10.6. 1894; Петровско-Полтавского кад. и Пажеского корп.; л.-гв. Гусарского Е.В. полка; Золотое оружие и Владимир IV степ. с мечами. Сброшен живым в шахту под Алапаевском 18.7. 1918
Георгий:	Род. в СПБ 23.6. 1903; Орловского Бахтина кад. корп. Скончался в Нью Йорке 7.9. 1938
Наталия:	Род. в СПБ 23.3. 1905; скон. от менингита 23.5. 1905.
Вера:	Род. в Павловске 24.4. 1906; училась дома. В 1918 году покинула Россию с матерью, братом Георгием, детьми брата Иоанна, их бонной, камеристкой матери и кн. Шаховскими на предпоследнем пароходе в Стокгольм. В Швеции и Бельгии жили до 1920 года., а затем, мать переехала к брату в Альтенбург, Германия. После смерти матери в 1927 году жила два года в Лондоне, где был брат Георгий. В 1929 году вернулась в Альтенбург. В 1945 году пешком ушла с двоюродным братом Фридрихом Саксен-Альтенбургским в Баварию. На рождество 1946 года приехала в Гамбург, где работала у англичан. С 1951 года - в США, в Нью Йорке; работала в Об-ве помощи русским детям за рубежом и в Попечительстве о русской Зарубежной церкви при Синоде до выхода на пенсию в 65 лет. Жила в Нью Йорке. С 1983 года живет на Толстовской ферме и Бога благодарит за все и вся.

Православное Палестинское Общество в США

Правление Нью Йорского отделения Православного Павлестинского Общества сердечно поздравляет дорогих членов и благотворителей с великим праздником Рождества Христова. Да пошлет Вам Господь мира душевного, сил и здравия!

Хотя за последние несколько лет жизнь в Святой земле из-за политических волнений в Израиле продолжает быть трудной и опасной, но в наших русских православных монастырях и владениях наступили спокойствие и порядок с назначением из Австралии

постоянного начальника Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Алексия (Розентул).

Возвратившись в октябре из Святой земли князь Т.К. Багратион-Мухранский, председатель Нью Йорского отдела, привез самые утешительные вести. За короткое время архим. Алексий смог не только подбодрить и укрепить монашествующих, но и начать улучшения и хозяйственные работы. В Гефсиманском саду он построил часовню в пещере, где по преданию останавливался Господь Иисус Христос с учениками. В Вифании были проведены ремонт школьных зданий и началась постройка стены вокруг монастыря у мамрийского Дуба. Со временем будет также сооружена стена в конце сада в Елеонской обители, чтобы оградить обитель от нежелаемых посетителей.

В этом году о. Алексий разработал план и приступил к сооружению мраморных рак для великих и драгоценных сокровищ нашей Зарубежной Церкви — Святых Мощей Новомучениц Великий Княгине Елизаветы Федоровны и инокини Варвары, находящихся в Гефсиманской обители. Мрамор уже заказан. Раки будут одинаковые из белого и зеленого мрамора в стиле иконостаса св. равноап. Марии Магдалины и будут стоять по обеим его сторонам.

Для Вашего сведения посылаем схему рак и очень просим Вас помочь нам закончить скорее это начатое святое дело. Любая сумма будет принята с большой благодарностью.

Судя по сведениям, которые поступают к нам из России, там уже идут разговоры о прославлении Великой Княгини Елизаветы. Будем надеяться, что это осуществится, и когда, как и в прошлые времена, потекут из свободной России православные паломники во Святую Землю, то они смогут поклоняться святым мощам, которые будут находиться в достойных для них раках.

Декабрь 1989г.

Правление

Чеки просьба выписывать на ORTODOX PALESTINE SOCIETY

Пожертвования направляйте по адресу казначея: Mr. Alexander Kulesha, Treasurer. Ortodox Palestine Society, 13 Valley Way, West Orange NJ 07052

УБИЙСТВО В АЛАПАЕВСКЕ

В связи с сообщением Палестинского общества (которое мы по техническим причинам, к сожалению, помещаем со значительным запозданием) считаем нужным освежить в памяти читателей события более чем семидесятилетней давности, когда захватившие власть интернационалисты большевики, ненавистники Православного Российского государства, начали процесс физического уничтожения культурных и экономических корней национальной России и

геноцида населяющих ее народов и в первую очередь славянских.

Этот геноцид начался 17 июля 1918 года со злодейского убийства Августейшей Семьи в Екатеринбурге, городе, доныне носящем имя Свердлова, главного организатора этого злодеяния. На следующий день 18 июля последовало убийство членов Дома Романовых в городке Алапаевске находящемся недалеко от Екатеринбурга. В колодец старой заборошенной шахты были скинуты живыми Великий Князь Сергей Михайлович, его секретарь Федор Михайлович Ремез, отказавшийся покинуть Великого Князя; князья Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи; князь Владимир Палей, отказавшийся отречься по требованию Урицкого, председателя Петроградской ЧК, от своего отца Великого Князя Павла Александровича; Великая Княгиня Елизавета Федоровна, настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия и ее сподвижница инокиня Варвара, отказавшаяся от предложенной ей свободы, чтобы добровольно разделить участь своей настоятельницы.

Ниже мы приводим выдержки из книги Любови Миллер „Святая Мученица Российская Великая Княгиня Елизавета Федоровна", вышедшей в издательстве „Посев", а также письмо доктора Петра Судакова посланное игуменье Тамаре (Е.В. Кн. Татьяне Константиновне) 12 сентября 1964 года, присланное нам кн. Т.К. Багратион- Мухранским вместе с фотографией гробов новомучеников Вел. Князя Сергея Михайловича и князей Иоанна и Константина Константиновичей.

В своем письме к нам кн. Багратион-Мухранский пишет, что покойный Владыка Иоанн Шанхайский говорил матушке Тамаре о перезахоронении гробов Вел. Князя Сергея Михайловича и князей Иоанна и Константина с приданием их земле, перед взятиям Пекина красными. Князь предполагает, что отсуствие гроба с останками кн. Игоря в Пекине объясняется его захоронением вместе в прахом кн. Палей на кладбище.

Редакция

* *
*

Л. Миллер. Отрывки из книги

Св. Мученица Российская Вел. Кн. Елизавета Федоровна

Рано утром, 18 июля, путем обмена телеграммами между чекистами Абрамовым и Белобородовым из Екатеринбурга, была распространена ложь, что на школу напала „неизвестная банда".

В этих телеграммах, по заранее установленному плану, а также и в советских газетах, имени Великой княгине не упоминалось. Это было сделано по приказу Ленина из Москвы, с целью оградить себя от возможных неприятностей со стороны немцев. Дело состояло в том, что после убийства графа Мирбаха, немецкие власти хотели ввести в Москву батальон своих войск. Когда большевики отказали, немцы пошли на уступки и стали требовать от коммунистов гарантии, что жизни Александры Федоровны, наследника и Великой Княгини Елизаветы Федоровны будут сохранены.

Когда произошло убийство Императорской Семьи в Екатеринбурге, Свердлов, боясь немцев, говорил только о „казни" Царя, особо выделяя, что Императрица и Наследник живы. По этой же причине коммунисты не упоминали имени Елизаветы Федоровны, зная, что немцы не поверят их сообщению об увозее ее Белыми. Адское злодеяние Алапаевска произошло в ночь на 18 июля, когда Православная Церковь празднует память Преподобного Сергия Радонежского. Это был день Ангела покойного супруга Елизаветы Федоровны, Великого Князя Сергея Александровича.

Узников разбудили ночью и повезли в нескольких повозках в направлении деревни Синячихи. Надалеко от этой дороги, приблизительно в 18 километрах от Алапаевска, находился заброшенный железный рудник. Одна из шахт рудника Нижняя Селимская, которую выбрали чекисты для своего зверского плана, была в 60 метров глубиной. Она состояла из двух отделений: рабочего, где раньше добывалась руда, и машинного, где когда-то стояли насосы для откачки воды. Стены шахты были выложены бревнами, которые торчали теперь полусгнившие в разных направлениях.

С площадной руганью палачи стали бросать в бездонную яму свои жертвы, избивая их прикладами. Эта свирепая расправа с невинными была до того страшна, что даже двое ее участников не выдержали и сошли с ума... Вблизи этой шахты случайно находился местный

крестьянин, который видел, как к шахте подвезли группу узников и побросали их живыми в шахту.

Первой столкнули в зияющую чернотой яму Великую Княгиню Елизавету. Она громко молилась и крестилась, говоря: „Господи, прости им, не ведают что творят!” Потом стали бросать остальных. Всех столкнули живыми, кроме Великого Князя Сергея Михайловича. Он единственный был мертвым, прежде чем достиг дна шахты. В последний момент он стал бороться с палачами и схватил одного из них за горло. Тогда, выстрелом из револьвера в голову он был убит. Когда все жертвы были уже в шахте, чекисты стали бросать туда ручные гранаты. Они хотели взрывами засыпать шахту и скрыть следы своего злодеяния. Только один мученик Федор Ремез был убит гранатой. Его тело, извлеченное из шахты оказалось сильно поврежденное взрывом. Остальные мученики умерли в страшных страданиях от жажды, голода и ранений, полученных при падении.

Святая Великая Княгиня Елизавета упала не на дно шахты, а на выступ, который находился на глубине 15 метров. С ней рядом нашли князя Иоанна с перевязанной раной на голове. Это Елизавета Федоровна, сама сильно ушибленная и с повреждениями в области головы, сделала ему в темноте перевязку, употребив свой апостольник.

Свидетель крестьянин слышал, как из глубины шахты стала раздаваться Херувимская песнь. Это пели мученики во главе с Елизаветой Федоровной. Святая Великая Княгиня пела молитвы и укрепляла других до тех пор, пока ее душа не отошла от тела и к ней навстречу понеслись другие райские напевы и над ее главой ни засиял мученический венец.

Письмо д-ра Петра Судакова

Глубокоуважаемая Игуменья Тамара!

Мне передали, что Вы хотели бы узнать, что сталось с останками Ваших братьев, которые были вывезены в Пекин. Так как я имел некоторое отношение к ним, то я позволю себе рассказать, что я знаю.

В 1918 году, как скоро Колчаковские войска заняли Алапаевск, тела Великих Князей были извлечены из шахты, положены в гробы и, с согласия китайского правительства, были привезены в Пекин и

поставлены в склеп церкви при русском кладбище. Тела сопровождал г-н Соколов, который расследовал убийство Государя и Августейшей Семьи. Гробы Великой Княгини Елизаветы Федоровны и послушницы Варвары были отправлены в Палестину в сопровождении вышеупомянутого Соколова.

В 1928 году Общество Ветеранов Великой Войны, узнав, что наружные покровы из листового железа стали крошиться, заготовили три медных гроба. Они испросили разрешение Владыки Инокентия, главы Русской Православной миссии в Пекине, переложить тела князей в эти гробы. Господа офицеры и Владыка обратились ко мне, бывшему врачу Императорской дипломатической миссии в Пекине с просьбой взять на себя труды по переложению. Прошло 10 лет со дня их смерти и я не представлял в каком состоянии я найду тела. Я обратился за помощью к моему другу профессору патанатомии Peking Union Medical College, Rockfeller Foundation, который охотно согласился поехать со мной на кладбище. Когда мы приехали туда, то застали делегацию офицеров и духовенства. Три гроба были перенесены из подвала в церковь. Один из гробов был большего размера, чем два других. Когда сняли железный покров, то под ним оказался деревянный гроб из массивных досок. Вскрыли доски. Пред нами предстало тело богатыря, покрытого шелковым драпри. Распахнули саван. Лицо было серого цвета, обросшее бородой. Не было признака тления, что меня удивило. При ближайшем рассмотрении я увидел, что тело было вскрыто и бальзамировано, чем и объясняется сохранение тела. Лицо настолько хорошо сохранилось, что легко было узнать Вел. Кн. Сергея Михайловича. Я дотронулся до черепа и нащупал трещины. Тело его переложили в заготовленный гроб и окутали саваном. Затем мы переложили тела Ваших двух братьев. Я забыл, как их звали. Тела их находились в таком же хорошем состоянии и они тоже были бальзамированы. У одного из них был разбит череп, а у другого сломаны ребра на одной стороне. Тело Палея было предано земле по распоряжению его матери.

Через некоторое время тела Ваших братьев и Сергея Михайловича были перевезены в поместье Духовной миссии и погребены в склепе церкви Мучеников (православных албазинцев, убитых „боксерами" китайцами в 1900 году) Когда советское посольство поселилось в этой усадьбе, то тела всех погребенных в склепе были перенесены на Русское кладбище. Я знаю, что племянница покойного князя Н.А. Кудашева, последнего посланника нашего, ныне мать Серафима, опубликовала, что тело Елизаветы Федоровны издавало благоухание и было мироточиво, тогда как от остальных тел

исходил смрад. Как вы видите я видел тела Ваших братьев десять лет после кончины и нашел их бальзамированными и нетленными.

Рад был поделиться известными мне фактами. Да упокоит Господь Бог их души в селении праведных. С глубоким к Вам почтением

Петр Судаков

P.S. Я забыл сказать, что отец Василий освятил гробы и совершил панихиду.

12 сентября 1964

Сергей Третьяков

ОПОРЫ ГРЯДУЩЕЙ РОССИИ

Культура каждой нации имеет на пути своего развития некие духовные опоры, которые выявляют сущность данного народа. Это тот фундамент, на котором строются все верования и формы его быта. Многие восточные народы такими основами приняли учение о мужском и женском начале, как главных сил окружающей нас природы. Их гармоническое содружество или борьба и составляют основу всего мироздания. В европейском мышлении Христианство окончательно утвердило не дуализм, а идею троичности. Особенно этим пропитана, с самой глубокой древности, духовная жизнь русского народа. Еще запорожцы, принимая в Сечь, задавали три вопроса: Веришь ли в Бога — значит, не язычник; веришь ли в Св. Троицу — значит, христианин; и, наконец, перекрестись — значить, не поляк, а православный, свой, русский. Также не случайность, что из всех икон написанных Андреем Рублевым, этим Рафаэлем русской живописи, сохранилась, бесспорно, как творение его кисти, только одна икона Св. Троицы. На ней он изобразил единственное явление троичного Бога в человеческом образе трех Ангелов у Маврикийского дуба. Остатки этого дуба возле Иерусалима по сей день являются одной из главных святынь Православия. Идеей троичности пронизан весь наш исторический путь и творения лучших

наших умов. Это подтверждают такие девизы, как "За Веру, Царя и Отечество"; „Православие, Самодержавие, Народность"; и даже основа Бердяевской Русской идеи — „Вера, Надежда, Любовь". Задумываясь о возможных опорах новой России созвучных ее историческому пути и могущих быть тем цементом, который укрепит связь между ее составными частями, напрашивается новая триада: **Язык, Православие, Патриотизм**.

Русский язык уже перешагнул границы своей родины и занимает третье место в мире, после китайского и английского по количеству людей, говорящих на нем. Он, безусловно, самый богатый и самый развитый из всех языков и наречий, бытующих на территории нынешнего Советского Союза. Сама жизнь сделала его средством общения между всеми национальностями Союза. Его уже не надо искусственно вводить в употребление, так как теперь его знает весь так называемый „советский народ". Процесс русификации, имевший место в течение последних многих лет, пожалуй, был печальным явлением, так как ценны все самобытные культуры. Но для единства будущего Российского государства это сыграет, в перспективе положительную роль, облегчив процесс становления русского языка в качестве общегосударственного языка Российской державы, что, однако, не помешает каждой нации, проживающей на ее территории, пользоваться в своих границах расселения своим национальным языком. А его значение, как общего знаменателя, поможет всем народам и народностям России в их культурных и экономических сношениях с внешним миром. Ведь вряд ли Организация Объединенных Наций признает в своем употреблении полноправным, скажем, эстонский или башкирский язык. Даже украинский, с его сорокамиллионным населением не получил международного признания: украинская миссия в ООН ведет все свое делопроизводство на русском языке.

Сейчас русский язык, как и все другие проявления советской жизни, переживает период упадка. Он засоряется полуцензурными, блатными и иностранными словами. А уровень его писателей, за немногими исключениями, не поднимается выше уровня третьеразрядных авторов Золотого и Серебрянного веков русской литературы. Той литературы, которая с древнейших времен была как бы непрерывной цепью одних и тех же установок, идеалов и стремлений. Теперь наш великий, свободный, правдивый и могучий язык, под пером большинства современных литераторов, зачастую превращается в газетный жаргон. Многим из таких журналистов и поэтов русский язык не близок по духу и не является опорой и залогом возрождения нашего отечества, и нет к нему бережного

отношения. Не удивительно, что такие „русские патриоты" все чаще переходят на иностранные языки. Это можно только приветствовать, и будем надеяться, что вместе с ними исчезнут из нашего языка все эти „брифинги, тесты, стрессы, истаблишменты" и т.п. Тогда новая Русская литература опять станет учить наш народ, как нужно писать и как надо говорить. И мы опять сможем с гордостью сказать, что такой язык мог быть дан только великому народу.

Люди всех направлений, от церковной иерархии до Горбачева и его приближенных, сетуют и скорбят о падении морали в советском обществе. Преступность, бессовестное отношение к своим обязанностям, грубость нравов и нежелание честно работать являются вопиющим злом советской действительности. Ленинизм, разрушив все прежние моральные устои, не смог привить своим гражданам качества честности и трудолюбия, необходимые для благоденствия будущих поколений в „светлом царстве коммунизма". Поправить такое положение может только христианская религия, для русских же — в ее привычном оформлении — Православии. Это понимает даже Горбачев, вставший на путь поблажек и освобождения всех религий. Во время своего визита к Римскому Папе, в своей приветственной речи, он признал коммунистические ошибки в примитивном, упрощенном отношении к религии. Теперь его правительство начинает понимать недопустимость вмешательства в вопросы совести своих сограждан. И даже больше: он подтвердил, что в течение столетий религия воплощала в себе и проповедывала всем другим основополагающие моральные ценности. Поэтому она сможет и ныне помочь их возрождению на нашей родине. Несмотря на многие десятилетия гонений, унижений, искоренения и физического уничтожения лучших иерархов, Православие не погибло. Оно ожило в Горбачевский период и тем доказало свои глубокие корни в подсознании Российского народа.

Однако теперь, помимо атеистического правительства ему грозят, с помощью Запада, новые опасности. Пользуясь гласностью и перестройкой, наступают униатская и автокефальная украинские Церкви. Наступают баптисты и другие протестанские деноминации. Да и самой Патриаршей Церкви грозит раскол, а второго раскола Православие не переживет. Поэтому все православные должны отбросить все, что нас разъединяет, и делать упор на то, что может нас объединить. Будем помнить, что без сильной Православной Церкви погибнет наша культура, а с ней и вся Россия.

Это хорошо выразил молодой советский поэт Глеб Горбовский: „Если б мы на небо косо не смотрели столько лет, не дошло бы до вопроса: быть России или нет". Сейчас именно в существовании сильной Православной Церкви и заключается главный вопрос. По всем признакам Патриаршая Церковь выходит на новый путь и нуждается в нашей поддержке. Ведь другие Православные Церкви уже получают нужную им поддержку. Например, национальное движение в Грузии, вопреки желанию отделиться от Российского содружества, в своей программе будущего государственного устройства, ставит краеугольным камнем Православие. Они называют такую политическую систему теодемократией. Статья третья Национально-Демократической партии Грузии гласит: „Идеологической основой партии является теодемократия, что наряду с традиционными демократическим ценностями, подразумевает приоритет Церкви в моральных вопросах и контроле над политикой". Развивая эту мысль, грузинские идеологи отбрасывают обычный в западном мире принцип отделения Церкви от государства. Они приближаются к положению бывшему в Российской империи, провозглашая Православие государственной религией. Такой поучительный пример православной Грузии заслуживает серьезного внимания и изучения всеми, некогда глубоко православными народами нынешнего Советского Союза.

В применении к самой России, это не значит, что наша Церковь опять станет одним из департаментов административной власти. Она должна быть отдельной ветвью государственного аппарата в ведении которого будут все вопросы духовного порядка, разрешаемые на основах христианской морали. Также должен быть слышен ее голос во всех вопросах христианского воспитания и обучения. Только атеистические учения и содружества будут отделены от государства, но будут иметь свободу проповеди в рамках нравственности и христианской морали. Чтобы как можно скорее поднять нравственный уровень подсоветского населения, мы должны дать Православию возможность активного участия в регулировании духовной жизни народа. Быть может придется поручить православной Церкви, в содружестве с некоторыми другими христианскими деноминациями, цензуру с позиции морали всех интеллектуальных активностей, включая свободу печати, слова и собраний. Все свои рекомендации Церковь должна будет согласовывать с другими органами управления. Однако, в ее руках останется право вето всякой деятельности, проповедующей разврат и извращения. Эти основные вехи указывают на важность участия религии в общем оздоровлении нашего народа. В это русло могут

включиться другие христианские религии, которым созвучна идея такой программы, хотя Православие и занимает центральное место в нашей триаде.

Избрание Патриархом митрополита Ленинградского и Новгородского Алексея, судя по его первому посланию, вселяет надежду, что Русская Православная Церковь избирает новый более активный путь по защите интересов Православия и по религиозно-нравственному оздоровлению русских людей. В этом послании патриарх Алексей намечает следующий путь активности Русской Православной Церкви: Церковь будет настаивать на добровольном религиозном обучении детей в государственных школах; Церковь поведет борьбу за моральное оздоровление народа; Церковь будет бороться со всяческими проявлениями местного национализма и шовинизма. Церковь примет участие в общественной жизни страны и будет широко заниматься милосердием. До сих пор церковная деятельность была ограничена стенами храма, — теперь же, она выйдет с проповедью в народ. И если все это будет доказано действием, а не останется только словами, мы сможем констатировать, что в Московской патриархии лед тронулся.

До 1917 года национализм был одной из важных установок всех российских „почвенников". Однако, после Второй мировой войны, нацизм набросил мрачную тень на его сущность. По современным понятиям национализм принял агрессивный характер близкий шовинизму, и многими воспринимается как угроза национальным меньшинствам. Такая его сущность чужда христианству и идет от Дарвина через Ницше к Гитлеру. Действительно, если принять теорию эволюции, то, согласно Ницше, разные нации могут быть сейчас на разных ступенях своего эволюционного развития. Отсюда один шаг до расизма и теории чистой крови. Такое учение совершенно чуждо русскому мировозрению. Русский народ, как никакой другой в мире, смешивался с различными инородцами. Сначала в него вливалась кровь финских племен, затем татарская, голландская, немецкая, шведская, французская, и даже еврейская, несмотря на все разговоры о „дискриминации". Вспомним барона Шафирова, который в XVIII веке породнился, благодаря своим пяти дочерям, с самыми знатными русским семьями. Да и теперь: Надсон, Пастернак, Франк, Левитан по своей культуре могут считаться русскими, несмотря на разный процент еврейской крови. А главное, современное содержание национализма несовместимо с христианским учением, по которому все люди созданы по образу и подобию Божьему. Всякое различие объясняется лишь разным культурным уровнем, духовным развитием и бытовыми условиями

жизни. Во многонациональном советском государстве, благодаря гласности, ярко проявился именно такой современный национализм почти во всех республиках. Он полон ненависти и отталкивания от всех остальных. Он обвиняет все другие нации во всех своих трудностях, хотя и „строили коммунизм" все вместе. Одним словом, такой национализм потерял все прежние черты и, более справедливо, должен быть назван шовинизмом. На такой основе нельзя строить будущее Российское государство, и потому правильнее для нас опираться на патриотизм, который много раз спасал нас от полного исчезновения. Так было во времена татарского нашествия, так было при Александре Невском, при Димитрии Донском, при Александре Первом и во Вторую мировую войну. Приняв патриотизм как чувство любви к своему народу и к своему отечеству и готовность его защищать, не жалея живота своего, от всех внутренних и внешних врагов, все национальности могут спокойно и впредь, как было уже исторически доказано, на него опереться в минуты любой опасности. А очень большие опасности нас ждут на длинной дороге к окончательному возврату на наш исторический путь. Одна из них — еврейский вопрос, который грозит большими неприятностями еврейскому народу в СССР, а за рубежом сплачивает все силы на дело ослабления и расчленения Российского государства. О другой опасности нас предупреждает ученый с мировым именем, крупный математик, академик Игорь Ростиславович Шафаревич в своей нашумевшей серьезной статье „Русофобия".

Основная мысль его статьи заключается в том, что в жизни каждого народа, особенно в переломные периоды, формируется маленькая группа, отличная от основной массы населения. Она носит разные названия: элита, интеллигенция, диссиденты, избранный народ и тд. Так как они все имеют общие черты по их отношению к общей массе населения, Шафаревич называет их „малым народом". Это название он заимствовал у исследователя французской революции Огюста Кошена. По Кошену, этот круг народа, сложившийся в философских обществах, академиях, клубах и массонских ложах, сыграл решающую роль во французской революции. Развивая эту мысль, Шафаревич показывает наличне такого „малого народа" в Веймарской республики, в России во второй половине XIX века, перед октябрьским переворотом и в наше время. Такой „малый народ" относится враждебно ко всем ценностям нации, которые составляют его духовный костяк. Если в большом народе все должно проверяться историческим опытом, то здесь решает общее мнение. Истинно то, что они говорят, хорошо то, что они одобряют. Чтобы принадлежать к „малому народу" сначала

надо отбросить все законы старого мира. „Малый народ" относится с презрением ко всем ценностям остальной массы населения и не видит ничего хорошего ни в его характере, ни в его истории. Чернышевский и иже с ним уверяли даже, что Пушкин, Лермонтов, Гоголь — бездарны и без всяких своих мыслей. Но все они говорят, что рабство — в крови русских, что народ туп и потому пассивен. Подобные взгляды высказываются и сейчас в русско-язычной зарубежной печати. Логично, что такие мнения распространяются и на политические программы „малого народа". Считается, что нужно отбросить весь исторический опыт России, так как в нем нет ничего светлого и достойного подражания. Только классическая западная демократия заслужила того, чтобы к ней стремиться, вопреки здравому смыслу, как к единственно возможной замене тоталитарного режима. Шафаревич категорически против такой концепции. Неправильно делать выбор только между двумя крайностями: абсолютной демократией западного образца и тоталитаризмом. Между ними существует множество разных форм государственной власти, да и сама демократия имеет много вариантов. А самое главное, замеченное еще Платоном и Аристотелем, это неустойчивое равновесие идеальной демократии. Она зачастую переходит в диктатуру различных оттенков. Так было во Франции в период революции, в Испании при Франко, в Германии при Веймарской республике и в России в 17-ом году. Гораздо устойчивее политический режим, установленный на продолжении традиционного исторического пути, особенно, если он покоится на точках опоры, созвучных его духовным стремлениям. Поскольку мы согласны с Шафаревичем по этому вопросу, нашей задачей является найти между двумя крайностями такую промежуточную точку государственного устройства, которая бы не отклонялась от русского исторического пути. Поскольку в 1917 году резко оборвался наш традиционный политический строй, логично продолжить эволюционный путь российской монархии, приняв, разумеется, во внимание реальности современных условий жизни.Одна из них заключается в том, что наш старый российский бело-сине-красный стяг может быть символом лишь самой России, то есть государства возникшего на базе Московской Руси. Во всероссийском же масштабе его заменой, наряду с национальными флагами мог бы быть Андреевский стяг, о чем пора всем подумать.

Еще одна опасность, при установлении западной демократии заключается в том, что наша страна может рассыпаться на мелкие, враждебные друг-другу государства. Это пророчествует и современный „малый народ". Но еще страшнее, по Шафаревичу,

внушение, „согласно которому русские - это народ рабов, всегда преклонявшихся перед жестокостью и пресмыкавшихся перед сильной властью, ненавидящих все чужое и враждебных культуре. Россия — вечный рассадник деспотизма и тоталитаризма, опасный для всего мира. Ведь если такая концепция впитается в национальное сознание, то это будет равносильно духовной смерти. Народ, так оценивающий свою историю, существовать не может".

В наш переломный век уже сформировался „малый народ" и пророчит гибель России, если мы не выстанем на путь подражания западным ценностям. Он не видит ничего хорошего в нашем „большом народе". Не видит потому, что он и не пробует искать положительные черты русского народа в его народном эпосе: сказках, былинах, религиозных сказаниях. Он их просто игнорирует. А где же, если не в подлинниках народного творчества, мы найдем золото народной души, в чистом виде, без всякой иноземной примеси? Об одном из самых ярких сказаний о граде Китеже, нам напоминает в предисловии к его сказке-мистерии „Красота ненаглядная" Евгений Чириков. В этой легенде выражена вся тоска русского человека по праведной жизни. Жизни по заветам Иисуса Христа:

„Был на Руси град праведный, осеянный благодатью Господа, град Китеж. Когда на Русь обрушилась татарва поганая и разрушая и оскверняя грады, веси и храмы Божии, предавая позорному насилию чистоту и целомудрие христианских жен и дев, насильственно обращая огнем и мечом в басурманскую веру православных, — подступила к возлюбленному господом граду Китежу, Господь не отдал его на позор, насилие и поругание татарве поганой: град со всеми жителями тихо опустился в недра земли и покрылся озером. Татарва поганая металась вокруг в поисках святого города. Исходила все окрестности вдоль и поперек, но града не нашла и схлынула прочь в великом смятении".

Эта легенда пророчески описывает современный страдный путь Православия, как бы ушедшего в глубь русской души, спасаясь от преследования коммунистических безбожников. До самой февральской революции народ помнил это сказание и мог показать то озеро, которое покрыло сказочный град Китеж. Каждый год к „Иванову дню" к озеру Святояру, в бывшей Нижегородской губернии, стекалось великое множество сектантов и других религиозных людей: тут и люди „древляго благочестия", тут и православный люд ревнующий о правде Божией. Чирикову посчастливилось посетить озеро Святояр в последний 1913 год и

днем и ночью он слушал беседы о Боге, о вере; споры о толковании Евангельских слов и библейских легенд. Слушал чтение старинных священных книг, пение духовных стихов и песен, рассказы о святом граде Китеже. Тысячи народу перебывали здесь за эти три дня и три ночи. Непередаваемое сказочное зрелище: по ночам пылают костры в сосновых лесистых оврагах вокруг озера, по берегу его двигаются огоньки восковых свечей: то припадают к земле верующие с молитвами о ниспослании им Божией милости — услышать колокольные звоны невидимого града Китежа; а по озеру плывают огоньки: то верующие прикрепив горящую свечку к обрубку дерева или сухому сучку, посылают их к образам храмов града сокрытых озером. В тиши летней ночи слышится вдали пение духовных стихов — то слепые с поводырем:

„Помоги нам. матушка, слепеньким рабам твоим,
Выведи нас из лесу в Светлыя обители..."

И восклицает Чириков: „О, какая ненасытная жажда народная выйти из дремучих лесов темноты и тяжкой доли к Светлой обители. И вот представьте: некоторые из верующих удостаиваются Божьей милости. Припав ухом к земле, на берегу озера, начинают слышать гудение соборного колокола во граде Китеже. Такова сила веры в эту легенду.

Но остальным православным еще не слышен звон колоколов цекрквей града Китежа. Видно еще длинна и трудна дорога, по которой придется пройти русскому народу. Лишь изредка появляются знамения, как вехи пройденного пути. Так в ночь на первое января 1990 года десятки тысяч москвичей, собравшихся на Красной площади, впервые после 1922 года, услышали звон колоколов со звонниц храма Василия Блаженного. Будем верить, что этот перезвон также был символически услышан Русской Православной Церковью и поможет ей встать на путь митрополита Московского Филиппа и патриарха Гермогена. На путь смелой защиты и укрепления наших духовных ценностей.

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ РЕСПУБЛИК СВОБОДНЫХ...

Их всего пятнадцать, этих „свободных" республик, с упоминания которых начинается советский гимн. Честно признаюсь: почти половину своей жизни я этого не знал. Для меня Российская Империя включала еще Царство Польское и Великое княжество Финляндское, отделившиеся после революции. Отделились и три прибалтийские республики, а Румыния захватила Бессарабию. В Азии империя владела Сибирью, Туркестаном и Закавказьем, в составе которого числились Грузия и Армения.

Если меня упрекнут в ущербном образовании, я с этим охотно соглашусь, напомнив лишь, что в те очень уже далекие годы, проведенные мной в стенах кадетского корпуса, сама Советская Россия еще плохо разбиралась в своей географии, что именовалась она поначалу РСФСР — „Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика" и лишь позже приняла название „Союза Советских Социалистических Республик" — СССР. Теперь РСФСР - это собственно Россия или Великороссия со включением в нее многочисленных народностей, таких как волжские татары, мордва, кавказские племена и многие другие, перечислить которые, каюсь, и до сего дня я не в силах.

Пятнадцать же республик, входящие сейчас в „нерушимый союз", можно разделить на пять групп, принимая во внимание их географическое положение. Это три славянские республики: РСФСР, Украина и Белоруссия; три прибалтийских: Эстония, Латвия и Литва; три кавказских: Грузия, Армения и Азербайджан; пять азиатских: Узбекистан, Туркменистан, Киргизия, Таджикистан, и Казахстан; и, наконец, Молдавия, которую никуда не приклеишь.

Российская Империя казалась воистину неделимой, но революция это представление сильно пошатнула. Кроме Польши и Финляндии отделилась также Прибалтика, а Украина, Белоруссия, Грузия и Армения объявили было о своей самостоятельности, но в конце концов оказались проглоченными большевиками. Гражданская война и последующее утверждение советской власти во всех областях, кроме отделившихся, больше чем на полвека отдалили возможность помыслить о выходе из Советского Союза какой-либо нации или народности. Было сделано все возможное, чтобы искоренить среди народов самую мысль об их национальной принадлежности. Укоренилось безликое понятие „советский",

обязательное для всех граждан Союза и прежде всего для русских.

Такое положение длилось долгие десятилетия, пока в кремле сидели тиран Сталин, „волюнтарист" Хрущев, „застойщик" Брежнев и два полутрупа: Андропов и Черненко. Но стоило последнему возлечь под кремлевской стеной, как произошло внезапное явление — Deus ex machina - Горбачев, и события на нашей родине и во всей коммунистической орбите начали развиваться галопирующим темпом, наскакивая одно на другое. Трудно стало высказывать свои прогнозы по поводу происходящих событий. Особенно, в статьях таких „медленных" периодических изданий, как наша Кадетская Перекличка. Всякий прогноз, высказанный сегодня, завтра уже может оказаться опровергнутым, или устаревшим. И все же писать и делать прогнозы нужно, хотя бы для обмена мнениями между единомышленниками, хотя бы для того, чтобы помочь нашему редактору сделать журнал современным, отзывающимся на события, столь стремительно происходящие.

Имя Горбачева неразрывно связано с двумя словами им же самим выбранными из словарного запаса русского языка: „перестройка" и „гласность". Еще рано говорить о результатах перестройки. Сам ее инициатор утверждает, что она проходит успешно и уже дает существенные результаты. Блажен, кто верует. И вести, доходящие оттуда, и свидетельства очевидцев, посещающих Советский Союз, говорят, скорее, противное. Оно и понятно. Пока тамошние властители не признáют открыто, что коммунистическая доктрина потерпела полное фиаско, как признаю́т это новые вожди в бывших странах-сателлитах, пока не будет полностью восстановлена частная собственность, пока народ не осознáет, что при новом положении он сам хозяин своего будущего, — ждать коренных изменений в экономическом положении страны не приходится.

Сознает ли это Горбачев? Мне кажется, что он настолько разумный человек, что отлично понимает создавшееся положение. Почему же он не принимает решительных мер? Да просто потому, что не решается рубить коммунистический сук, на котором сидит. Коммунист ли он? Думаю, что сейчас, кроме сотни другой замшелых догматиков,заслуженных чекистов-пенсионеров во всей стране не осталось никого верующего в постулаты этой утопии. Но признание в этом повлечет лишения власти, всех благ из нее проистекающих, может быть судебную ответственность за все накопленные преступления против народа, не личные — их, кажется, у Горбачева нет, или во всяком случае, не много, а той клики, которая его выдвинула и которую он возглавляет.

Анатоль Франс как-то сказал, что общее благополучие состоит в ущемлении интересов отдельных лиц. Ясно, что наибольшему ущемлению должны подвергнуться интересы тех лиц, привилегии которых несравнимы с большинством народа.

Нет, коммунисты свои позиции так легко не уступят. Даже в странах Восточной Европы, где еще помнят о том, что без коммунистов жить не только можно, но живется гораздо лучше, даже там их полностью из состава новых правительств не исключают, полагая, повидимому,, что до создания и стабилизации новых политических группировок, правительствам необходимо опираться на уже существующие организации, а при тамошних порядках единственной политической организацией является коммунистическая партия, теперь воленс-ноленс, обретающая „человеческое лицо".

Другой козырь Горбачева, о котором все время напоминают, это — „гласность". Что-ж, нужно признать, что она действительно существует, правда, в наморднике. О прошлом можно писать и говорить почти все, а о настоящем, всего лишь до недавнего времени приходилось проявлять крайнюю осторожность. Лишь самые решительные редакторы отваживаются публиковать суровую критику современных событий или персонажей у власти или пессимистические прогнозы на будущее. И редакторы и публицисты помнят о том, что партия и органы КГБ как и прежде существуют и, конечно же, не дремлют.

Товарищь, верь, пройдет она,
Так называемая гласность.
Россия вспрянет ото сна
И вот тогда Госбезопасность
Припомнит наши имена.

Мы в эмиграции уже 70 лет. Вплоть до прихода к власти Горбачева у нас практически не было надежд на возрождение России. Мы, конечно же верили в него, ждали каких-то перемен, гадали о том, как произойдет провал коммунизма. Шли разговоры о „толчке извне", связанном с войной, о военном перевороте. Обсуждалось даже гипотетеическое появление некоего „комкора Сидорчука" и наше отношение к этому появлению. И только очень немногие уповали на „спуск на тормозах", сиречь внутренню эволюцию советской власти. Председатель первого российского парламента — Государственной Думы первого созыва, Муромцев, как-то обмолвился следующим четверостишьем:

Кто в сорок лет не пессимист,
А в пятьдесят не мизантроп,
Тот, может быть, и сердцем чист,
Но дураком он ляжет в гроб.

Безотносительно к мнению Муромцева, я и многие мои сверстники, уже утеряли надежду дождаться конца коммуниститческой вивиксенции народов Советского Союза. Тем отрадее для нас было появление Горбачева, о котором американский журналист Велкер сказал: „Советский народ начинает понимать, что в Кремле находится человек, который всего несколько лет тому назад вероятно был бы признан врагом народа".

Нет, мы не уверовали в Горбачева. Мы, столько лет обжигавшиеся на молоке, не можем не дуть на воду. Мы понимаем, что его, пока еще весьма куцые реформы не смогут вывести нашу родину из болота коммунистической системы, в котором она погрязла. Но мы видим, что толчок дан, что самосознание нашего народа выведено из состояния инерции и что возврата к этому состоянию уже не может быть. За это я желаю успеха его начинаниям, хотя и очень опасаюсь за будущее.

Крепко ли сидит Горбачев в своем кресле? Это наверное знают только его приспешники, в первую очередь — члены политбюро. Несомненно одно: врагов у него больше, чем друзей. Враги — вся номенклатура, все партбюрократы, от самых больших, до самых незначительных. Враги — все кегебешники, все армейские замполиты, профессиональные пропагандисты, все партработники. Реформы Горбачева угрожают их благосостоянию. Все они видят реальную угрозу быть оттертыми от корыта — партийной кормушки. Также зреет недовольство и в основной массе населения, обеспечение которой предметами первой необходимости катастрофически ухудшилось в результате начавшегося перевода промышленности на другие рельсы. Плагиат частной собственности — пресловутые кооперативы тоже не вызывают энтузиазма. Уже слышны голоса, протестующие против обогащения успешных кооператоров, в стране, где все привыкли жить в единообразной бедности, кроме коммунистических иерархов и связанных с ними дельцов черного рынка.

Я не предвижу возможности замены Горбачева каким-либо либеральным и дальновидным правителем. По логике вещей, свергнуть Горбачева могут только его противники, верные, если и не самим коммунистическим традициям, то тем своим привилегиям, которые они уже свыше 70 лет черпают из коммунистической идеологии. Вполне реально может это сделать армия, чей немыслимо

раздутый генералитет является самой консервативной силой в стране. В Советском Союзе еще нет своего Леха Валенсы или чешского Гавела, но если бы он даже и был, то надеяться на нейтралитет армии, на мой взгляд, пока еще не приходится. Армия все еще способна воевать в Афганистане или усмирять азербайджанцев или грузин. Вполне допускаю возможность и того, что военные возьмут власть в свои руки в случае падения Горбачева, но, привыкшие к комунистической идеологии, они от нее не откажутся, а даже наоборот, закрутят гайки до предела, соответственно своему понятию о дисциплине - матери порядка. Одна надежда на то, что, по словам Талейрана, опереться на штык можно, а сидеть на нем нельзя.

Самый же опасный дух, выпущенный из бутылки гласностью, это — пробудившийся ультранационализм советских народов, являющийся скорее продуктом протеста против сложившейся системы насильного коммунистического „братства", но выражающийся в форме стремления к полной политической и экономической независимости как от центра так и от соседей. Я начал эту статью упоминанием о пятнадцати „свободных" республиках, входящих в состав СССР. Наличие этих республик позволяет иностранцам утверждать, что Союз — это последняя колониальная империя в мире. Так ли это? Одним из определений понятия „колония" является утверждение, что они присоединяются к стране-гегемону силой оружия. Из всех четырнадцати нынешних республик, вошедших в состав Российской империи, три — Украина, Грузия, Армения присоединились добровольно. Белоруссия никогда раньше не имела своей государственности и была присоедена как православная **этнически русская** область, тяготевшая к матери-России и искавшая у нее защиты от угнетавших ее католиков. Бессарабия (нынешняя Молдавская ССР) была присоединена к России по окончанию войны с Турцией в 1812 году, как **освобожденная часть турецких владений населенных преимущественно православным, угнетаемым турками населением**, к тому же с многочисленным славянским этносом. (Румынии, как самостоятельного, независимого государства, к тому же тогда еще не существовало). Азербайджан также не имел самостоятельности и был присоединен, как закавказская область со смешанным армянским, грузинским и, как тогда называли, татарским населением. Признание азебайджанцев как нации произошло только в советское время , когда в 1936 году Закавказская Советская Социалистическая Республика, объединявшая Армению, Грузию и Азербайджан в одно республиканское формирование была

разделена на три союзные республики: Армянскую, Грузинскую и Азербайджанскую. Необходимо отметить, что армяно-азербайджанская вражда уходит своими корнями глубоко в историю. Еще в старой России периодически вспыхивали кровавые, как тогда называли „армяно-татарские" столкновения.

Пять средне-азиатских республик вряд ли можно рассматривать, как присоединение государственных формирований. Теперешняя Казахская пустынная республика и, ранее известная под именем Ферганской области территория, были населены полукочевыми племенами тюрско-монгольских народностей: узбеков, киргизов, туркменов и др. разбросанных между двумя ханствами: Хивой и Бухарой. Ханства поддерживали набеги племен на русскую территорию, а договоры, заключаемые с ханствами не способствовали умиротворению кочевников. В результате военных действий оба ханства были поставлены под русский протекторат с сохранением ханской власти, а на землях, не подчиненных ханствам, был положен конец безначалию и беззаконию. Умиротворение края было достигнуто установлением порядка среди беспокойных и нецивилизованных племен. Культурная деятельность России в Средней Азии является одной из славнейших страниц в истории царствования Императора Александра II. Национальное признание народы этих областей получили: Узбекская и Туркменская ССР в 1934 году; Таджикская в 1929; Казахская и Киргизская ССР только лишь в 1936 году. Современные события, происходящие в некоторых из этих республик, внушают сомнение в их готовности к самостоятельному управлению.

Особое положение занимают прибалтийские страны. Они входили в состав Империи еще с начала XVIII века но национальными себя не ощущали. Правящий класс там составляли немцы, к которым, с годами прибавлялись и русские. Местное же население являлось крестьянским или рабочим классом. Это русская революция позволила латышам, литовцам и эстонцам заявить о своих национальных претензиях и потребовать государственной самостоятельности. Латыши, правда, внесли свой кровавый вклад в дело становления советской власти. В Риге, на набережной Двины и поныне высится памятник красным латышским стрелкам в виде трех комиссаров, стоящих друг к другу спиной и с суровой решительностью смотрящих в разные стороны. Латышские стрелки были лучшими частями красной армии, а в составе войск ЧеКа (поменявшей впоследствии свою абревиатуру на ГПУ, НКВД, МГБ и, наконец, КГБ) латыши и китайцы были широко известны своей фанатической преданностью большевизму и жестокостью. Но

добронамеренному населению Прибалтики удалось в период русской революционной разрухи, при поддержки немецких штыков обрести государственную независимость.

Двадцать лет прибалтийские страны прожили мирно, сделав очень много для укрепления своей экономики и национального самосознания. Этот, столь короткий в исторической перспективе срок, оказался достаточным, чтобы мир признал их жизнеспособность, а, следовательно, и право на самостоятельность. Но пришло время, когда эти три маленькие республики оказались между нацистским молотом и советской наковальней, и в результате тайной сделки между Гитлером и Сталиным отошли к „советской сфере влияния". Поднявшие голову местные коммунисты помогли их включить в состав СССР, где они и пребывают уже ровно пол века.

Этот беглый обзор присоединения окраинных земель к Российской Империи, основанный на исторических фактах, приводит нас к убеждению, что назвать Россию колониальной державой может только недобросовестный политик, намеренно извращающий общепринятую терминологию. Колонии не имеют общих границ с метрополиями. Земли же, приобретенные расширением границ страны в результате мирных договоров являются легально присоединенными территориями (как немецкие земли, отошедшие к Польше после Второй мировой войны) или, если они не закреплены мирным договором, — оккупированными территориями (как арабские земли захваченные Израилем). В обоих случаях ни Польша, ни Израиль не являются колониальными державами.

Земли, присоединенные к России имели еще одну особенность, отличавшую их от колониальных приобретений: граждане преобретенных земель имели равные права и обязанности со всеми остальными жителями страны. К тому же никогда на протяжении всей своей истории наша страна не эксплуатировала присоединенные народы в пользу великороссов, как это делали „просвещенные" нации — Англия, Франция, Голландия в покоренных ими колониях. Отношение русских людей к „азиатам" или „туземцам" никогда не могло быть сравнено с отношением европийцев к неграм или арабам, и утверждение Шопенгауэра, что не существует нации, которая бьы не призирала все остальные, никак не подходит к нам, русским.

Более того, уже во времена Империи началась, а при советской власти расцвела махровым цветом, тенденция удовлетворять нужды и интересы народностей за счет России. Нужды же и интересы русского народа оказались в СССР на последнем месте. К тому же не

следует забывать и того, что в остальных четырнадцати республиках русский народ несправедливо рассматривается как олицетворение и главный проводник интересов правящей камарильи. Удивительно, что эта заведомая грязная ложь распространяется также и теми, кто еще недавно жил в СССР и отлично знает, что русские люди — это первая и наиболее пострадавшая жертва коммунистического эксперимента.

Мы всесердно стараемся доказать, что коммунизм проводился на местах представителями всех народов, что явление это интернационально по самой своей сути. Но наши усилия имеют успех только лишь у людей вдумчивых, обладающих минимальными познаниями мировой истории и широким кругозором. Для обывателей же главным виновником и проводником идей коммунизма остается русский народ. Замалчивание деяний своих национальных коммунистов есть непристойная попытка самовыгораживания, а огульное обвинение русских людей во всех грехах коммунизма — шулерский политический козырь.

Эту гнусную ложь усиленно муссируют все вожди и вождишки четырнадцати республик, всеми силами старающиеся сухими выбраться из воды и превратиться из главных лицедеев в „жертву русского произвола". Вот главный источник питающий все и всякие „самостийности" разжигающие ненависть к русскому народу.

Не забудем и другой факт. Приобщение окраинных областей к русской культуре поощрялось еще Российской Империей, но делалось это без давления, хотя официальным языком повсеместно считался русский, что, впрочем, совершенно естественно: страна должна иметь общий официальный язык. Религия не преследовалась нигде, хотя правительство и покровительствовало Православной Церкви. Среди многих российских народов эта политика имела успех. Послушаем Ивана Солоневича, одного из наиболее талантливых публицистов зарубежья, большого русского патриота, по происхождению белорусса: „Рад, что учили меня русскому языку, а не белорусской „мове". Пушкина не заменит Янка Купала, а уездный патриотизм — просторы Империи... Если мне русская культура открыла дорогу в широкий мир, то почему мне не хотеть этого для всех сородичей?"

При советской власти поначалу было объявлено равноправие всех народов Советского Союза. Все языки были признаны полноправными, все культуры, имеющими право на расцвет. Но сами же местные власти открывали мало школ на национальных языках; к тому же само местное начальство, да и многие простые люди, предпочитали отдавать своих детей в русские школы, чтобы

шире открывать им дорогу в жизнь. Количество русских школ в некоторых республиках стало резко увеличиваться, поэтому некоторые национальные языки, как, например, тот же белорусский, оказались на грани вымирания. И эту самопроизвольно сложившуюся ситуацию тоже пытаются приписать „злонамеренности" русских.

А каково же отношение русских людей к другим национальностям, населяющим Советский Союз? До прихода к власти Горбачева, говорить об этих отношениях вообще было строжайше запрещено. Советские вожди объявили, что благое пожелание нашего великого поэта: „Народы, распри позабыв, в великую семью сольются", уже достигнуто, а, значит, и говорить не о чем, а нужно петь „осанна" партийному руководству. Однако, национальные чувства росли у всех народов, включая, понятно, и русский. Отсюда и взрыв этих чувств, как только Горбачев приоткрыл своей гласностью этот паровой котел. Отсюда все наростающие требования самостоятельности, начавшиеся с пожелания экономической и культурной автономии, дошедшие сейчас до провозглашения отделения национальных коммунистических партий от КПСС — единой партии Советского Союза, требований вывода союзных войск с национальных территорий и полной самостоятельности.

Как же реагирует на это русский народ? Ведь ему не нужно требовать автономии, отделения, самостоятельности. Ведь он кровно заинтересован и в судьбе своих соплеменников, переселенных в другие края, находящихся под угрозой оказаться на положении нежелательных иностранцев. Переселенцы эти протестуют, объявляют забастовки, объединяются в партии и национальные фронты, отстаивают свои права. Но основная масса русского народа в самой России пока безмолвствует.

Национальные чувства русского народа, однако, возрождаются с тем большей силой, чем грубее они были угнетены и растоптаны в течении минувших десятилетий. Отсюда — возникновение обществ типа „Память", резкое пробуждение интереса к историческому прошлому, радикальная переоценка отношения к Белому делу, к Монархии и русской национальной и военной символике. Уже никого не удивляют на улицах больших русских городов группы молодежи с трехцветными и андреевскими флагами, собирающие перед телевизионными камерами подписи за восстановление русских государственных символов, или появляющиеся в самых людных местах в самодельных мундирах имитирующих форму различных

полков Российской Императорской или Добровольческой Армий. Не удивляет уже никого и показ подобных манифестаций в теленовостях, иногда даже (впрочем, далеко еще не всегда) сопровождаемый сочувственными коментариями.

Недавно промелькнула в газете заметка о том, что в Риге организован отряд „11-го Рижского Драгунского студенческого полка", которым командует „поручик" при помощи „прапорщика", чем явно подчеркнута преемственность этого начинания от Императорской Армии. Отряд носит форму Рижских драгун, вероятно состоящую из голубой фуражки и погон с номером 11. Милые юноши — рижане! Они и выбрали полк, носивший имя их города, вероятно не зная, а может быть и игнорируя факт, что Рижский полк был расквартирован где-то в Царстве Польском, а в Риге стоял 16-й Гусарский Иркутский полк. Тем не менее, местная газетка напечатала статью, выражающую возмущение появлением военной формы, схожей с Добровольческой Армией, что, по мнению журналиста, являлось оскорблением „памяти революционеров".

Проявление русских национальных чувств немедленно вызвало обвинения в „черносотенстве", а, следовательно, и в антисемитизме. Что-ж, в программе общества „Память" действительно о евреях сказано много клеветы, но есть и доля правды. Евреи, стремящиеся сейчас въехать в США через Италию, в один голос утверждают, что они бегут от антисемитизма, от возможных погромов, что они спасают свои жизни. Тогда, казалось бы, им прямой путь в Израиль, где антисимитизма не может быть. Однако, они настойчиво просятся в Соединенные Штаты. К тому же, думается, что угрозы погромов, исходящие от малочисленных, но крикливых и шумных группировок, образовавшихся в последние годы в СССР, организуются именно для этой цели, в надежде получить статус гонимых беженцев.

Так есть ли антисемитизм в России? Вероятно есть, может быть даже в чуть большей степени, чем в других странах. Вот что писал об этом русский еврей Лев Копелев, прототип Льва Рубина, одного из героев „Круга Первого" А. Солженицина: „Оставалось такое же, вероятно чувство, как то, которое все еще возбуждают негры, евреи, цыгане и вообще инородцы, либо 'простонародье' у тех, кто лишь рассудком, логикой преодолел расистские, антисемитские, шовинистические или сословные предрасскудки. Логические представления одолеваются разумом. Но подсознательные чувства, эмоциональное, почти безотчетное восприятие, сохраняются очень надолго, если не навсегда". Такая юдофобия в России существует, как существует она во всех странах еврейской диаспоры, где

проживали евреи в большом количестве и более продолжительное время. Но от такой юдофобии до погромов и убийств очень и очень далеко.

Прибалтийские страны, Грузия, Армения, Азербайджан громогласно требуют выхода из состава СССР. Бессарабия-Молдавия пока что самостоятельности не требует, а лишь настаивает на применении своего национального языка, обеспечения своих обычаев и традиций. Оно и понятно. Молдаване — это румыны, следовательно, вместо самостоятельности, республика может требовать только присоединения к Румынии, а этого, пока там заправляло семейство Чаушеску и заклятому врагу трудно было пожелать. Теперь „гения Карпат” больше нет. Румыния старается выбраться из коммунистического болота и, пока это длится, Молдавия будет помалкивать, внимательно следя за событими и выжидая, во что они могут вылиться.

Обстановку в советской Средней Азии труднее анализировать, ибо кроме сведений о все услиливающейся взаимной резне населяющих ее народов, мировая общественность располагает малым количеством фактов о происходящих там процессах политизации населения. Вот год назад узбеки начали резать турок-месхетинцев, переселенных туда Сталиным с южных границ Грузии. Турок стали вывозить, но, увы, не в их родные места, а... в Смоленскую и Новгородскую области России, ибо Грузия, обретающая уже навыки гегемона, их назад не принимает, а сама притесняет принадлежащие ей автономные республики абхазцев и осетин. Затем мы узнаем, что в городах Казахстана громят представителей северокавказских народов, якобы забравших в свои руки всю местную торговлю, а в последнее время являемся свидетелями жестокой кровавой киргизо-узбекской вражды в Ошской области, где обе враждающие стороны обращаются к русским, как к третейским судьям и умоляют советское (русское) военное командование не ослаблять воинское присуствие в регионе, ибо и те и другие видят в русских солдатах единственный гарант возможного умиротворения.

Украина и Белоруссия под аккомпанимент лозунгов „незалежности” принимают декларации о национальном суверенитете, претендующие на право иметь собственные армии, денежные единицы и дипломатические представительства за рубежом. Украина расцвечивается „жовто-блакитными прапорами”, Белоруссия — не виданными ранее бело-красно-белыми флагами. Недавно получившие официальное признание униаты во всю налаживают связи с папским престолом. Но столица этого движения не Киев, а Львов, а его инициаторы — галичане.

И в таком вот контексте почти полностью замалчиваются права русского народа. Говорят только, что русские - завоеватели, „колонизаторы", виновники всех бед и катастроф, обрушивающихся ныне на страну: экономических, политических и экологических. Мол, это русские создали Чернобыль, русские засеяли Среднюю Азию монокультурой хлопка и иссушили Аральское море. При этом полностью игнорируется коллективная ответственность интернационального коммунистического руководства,в котором, кстати, этнически русские никогда не составляли большинства. Игнорируется существование в каждой национальной республики своих правящих коммунистических мафий, набивших карманы золотом на уничтожении собственных природных богатств. Игнорируются десятки миллионов гектаров загаженных, отравленных, изувеченных тем же Минводхозом лучших российских земель, гибель тысяч русских деревень. К страшной, поражавшей всех без разбора интернациональной чуме — коммунизму кощунственно приклеивают ярлычок „русский".

Однако, любой объективный анализ заставит нас вспомнить следующие факты: по окончании революции и гражданской войны Советская Россия оказалась нищей и разрушенной. Местные капиталовложения были разграблены, а иностранные увезены. Программа же большевистской партии базировалась на спешной индустриализации. И вот тогда Ленин и его последыши решили превратить в капитал пот, кровь и жизни людей. Сейчас СССР одна из наиболее развитых (хоть и крайне уродливо однобоко) индустриальных стран, а достигнуто это десятилетиями страдания населения, миллионами человеческих жизней. Капитал накоплен огромный, и подавляющий процент этого капитала приинадлежит русскому народу, первой и максимально использованной жертве коммунизма. Капитал этот: постройки, заводы, фабрики , электростанции, грандиозные каскады гидроэнергетики, средства коммуникаций и т.д. разбросан по всему Союзу и лишь некоторая его часть находится на территории РСФСР. Имеет ли право русский народ потребовать возвращения ему его же имущества? Знаю, что и прочие народы вносили свою мученическую лепту в индустриализацию, и не только на своих землях. Весь вопрос в пропорции этой лепты и я думаю, что нет ни у кого сомнения в несоизмеримости жертв, принесенным русским и другими народами. Еще не доходят до нас вести о том, как отзовется русский народ на требования самостоятельности других советских республик, но я не удивлюсь, если во всех, или в большинстве случаях он твердо заявит о своем праве голоса при решении этих вопросов.

Читатель вправе спросить, а редактор потребовать, чтобы я высказал свое персональное мнение по этому вопросу. Честно признаюсь: я бы согласился на пересмотр отношений между будущей Россией и республиками неславянского происхождения, конечно, с каждой в отдельности, и с условием, что этот пересмотр будет происходить в рамках законности и с учетом интересов всех заинтересованных сторон в разрешении вопросов экономических обязательств, гарантий национальных меньшинств и пересмотра границ, принимая во внимание гео-политические и демографические перемены. Установление степени независимости должно быть определено интересами взаимной безопасности и Хельсинскими соглашениями об установленных мирным договором границах существующих государств. Случаи, подобные одностороннему заявлению г-на Ландбергиса о выходе из состава страны удивляют своей политической незрелостью. Они вносят хаос и приносят ненужные страдания его же народу. Так, например, его закон об уклонении от воинской повинности в рядах вооруженных сил СССР привел к тому, что множество молодых литовцев, запутавшихся в безответственных поступках собственнного правительства подверглись уголовной ответственности и грубому аресту.

Резюмируя, считаю нужным сказать, что я не вижу ни возможности, ни необходимости насильно продолжать поддерживать старые формы сожительства в рамках одного государства с этими народами, говорящими на разных языках, исповедующими разные религии и сознательно или бессознательно культивирующими недоверие, недоброжелательство и даже ненависть к русскому народу. До революции, когда уровень неславянских народов был значительно ниже, сожительство в одной стране, при доминирующем положении славян, было возможно. Теперь же, при наличии своей национальной интеллигенции во всех нациях, это стало весьма трудно. Нужно, на мой взгляд, найти новые формы добрососедских отношений, обеспечивающие экономические и демографические интересы и, конечно же, твердые гарантии гео-политической стабильности.

Верю, что когда правовое Российское государство окончательно сменит тоталитарную систему нынешнего Советского Союза, интересы этих малых окраин, окруженных общей границей, приведут их к добровольному осознанию той простой истины, что „брачные узы" с Россией будут им гораздо выгоднее, чем гордое одиночество. Впрочем, выгода эта будет взаимной и потому весьма возможной.

Я далеко не уверен, что все украинцы стремятся отделиться от России. В Западной, Галицийской Украине, сепаратистские стремления, повидимому, доминируют. Относительно же Восточной Украины, той, что три века назад добровольно попросилась под крыло матери России что-либо конкрентное утверждать трудно — „темна вода во облацех". Уж больно переплелись за триста лет русско-украинские корни, особенно в пограничных районах. Трудно, даже невозможно, ожидать мирного расхождения двух народов, если до него дойдет дело. Ведь к Украинской республике присоединены никогда не принадлежащие ей Крым и бóльшая часть Новороссии с такими городами как Одесса, Херсон, Николаев, Мариуполь, где всегда преобладало русское население и практически невозможно услышать украинский язык. Откажется ли русский народ от этого своего исторического достояния, отвоеванного Русской Армией у Турции еще во времена Императрицы Екатерины Великой? Добровольно — вряд ли, а если по принуждениию, то это послужит огромным камнем преткновения на многие годы.

Легко мне, отдаленному на тысячи километров от происходящих событий и наблюдающему за ними „сидя за барьером", как говорят о зрителях боя быков, рассуждать и делать предположения. А каково Горбачеву, ответственному за происходящее, пытающемуся развязать все десятилетиями запутанные узлы так, чтобы и волки были сыты и овцы целы! Опасаюсь, даже боюсь, что фраза, сказанная им недавно в Литве, о том, что его личная судьба зависит от разрешения национальных вопросов, окажется пророческой, что на смену ему придет очередной Держиморда и тогда все „беспочвенные мечтания" погибнут под гусеницами советских танков.

На восток, туда к горам Урала,
Разметалась странная страна,
Что не раз, казалось, умирала,
Как любовь, как солнце, как весна.
И когда народ смолкал сурово
И, осиротелый, слеп от слез,
Божьей волей воскресала снова,
Как весна, как солнце, как Христос.

Всю свою сознательную жизнь я провел в эмиграции. Все эти долгие годы, за исключением первых двух лет советско-германской войны, я считал вышеприведенное стихотворение И. Северянина выражением мечты, а не надежды. Я был уверен, что мечту эту унесу с собой в могилу. Как же не радоваться мне, что на моих глазах мечта превращается в действительность, что в России уже открыто служат панихиду по Государю, а диктор телевидения в вечерних новостях

сообщает об этом факте, как о чем-то само-собой разумеющемся, что вместо кровавых полотнищ появляются национальные флаги, и первый среди них — наш бело-сине-красный стяг, что в моем родном Питере уже выходит газета, хоть и маленькая и бедная, но уже называющая великий город его великим историческим именем Санкт Петербург. Россия воскреснет, это уже не надежда, а уверенность. Скорее всего, потеряет она значительную часть своих территорий, может быть на какой-то срок потеряет свое значение великой мировой державы. Но нет сомнения, что она будет свободной, национальной, православной, очищенной от коммунистической напасти, сбросившей навсегда кровавые цепи рабства, навязанные ей сатанинскими интернациональными силами в роковом 1917 году.

Владимир Бодиско

Павел Пагануцци

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ОБРАЗОВАНЩИНА В БОРЬБЕ С РУССКИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ САМОСОЗНАНИЕМ

Когда Солженицын в своей Нобелевской речи заметил, что русский народ также имеет право на национальное самосознание, на национальное возрождение, после жесточайшей духовной болезни, то это было с яростью объявлено великодержавным шовинизмом, так как, русским не предполагалась возможность любить свой народ.

„Нам, русским, — сказал Солженицын, — запрещено заикаться не только о национальном возрождении, но и о национальном самосознании, даже оно объявлено опасной гидрой". А в вашингтонской речи, говоря об информациях о дореволюционной России, писатель заметил, что получена она Западом „из рук недостаточно компетентных или недостаточно добросовестных".

Все это было сказано задолго до радикальных перемен в Советском Союзе. Ничего в сущности за это время не изменилось. И теперь, за все время перестроечного кризиса,когда у нас на родине повеяло наконец ветром свободы, мы так и не смогли заметить в средствах массовой информации так называемого „свободного мира" ни одной дружеской улыбки по отношению к России, ни одного доброго слова. Только одни угрозы, язвительное шипение и злорадное пережевывание темы о распадении „русской империи" на мелкие куски. И из России приходят тревожные вести о том, что „русофобия снова, как и в 20-30-ые годы легализуется, хотя еще и не достигла того уровня, когда она была официальной доктриной. Впрочем, вседозволенность здесь стала уже реальностью, если вспомнить писания Померанца, Войновича, Абрама Терца".[1]

Во всей этой недостойной кампании в настоящее время большую роль играет русскоязычная образованщина, состоящая из махровых русофобов и ненавистников всего русского. Все эти люди, покинув свою советскую родину доровольно или выдворенные оттуда силой, свив себе уютное гнездо в редакциях, главным образом, русскоязычных и других печатных органов, на радиостанциях „Свобода" и „Свободная Европа", состязаются между собой, кто может похлеще принизить русских людей и их культуру, почернее изобразить прошлое России.

Покидая Советский Союз по национальным соображениям, пишет Э. Володин,[2] эта русскоязычная образованщина, оказавшись за рубежом, вдруг обретает статус политической эмиграции от имени России и русских, начинает вести политическую игру при двух козырях: антисоветизма и русофобии. А устроившись быстро на теплые места эти господа отправляются в выкурившую их родину и налаживают связи между своим окружением „тут" и „там". Жаргон этих людей груб и обилует непристойными в журналистике словами. Желая посильнее уязвить своих оппонентов, они употребляют оскорбительные слова как „лжет", „взбесившийся", „насквозь протухший" и тому подобное. Такой жаргон тем более странен, что все эти господа, как правило, состоят на службе у американской администрации, где грубость выражений считается абсолютно неприемлемой.

Не дает покоя сотрудникам Радиостанции „Свобода" русский трехцветный национальный флаг. Кажется, каждый народ имеет свой флаг. И если балтийцы или кавказцы вывешивают свои флаги, то эти господа не протестуют. Трехцветный флаг был символом нации много лет в царское время, остался флагом нации после февральской революции и был насильственно заменен красным

полотнищем с серпом и молотом. Теперь же, в представлении сотрудников „Свободы" бело-сине-красный флаг является „реакционным"!

Русскоязычная образованщина ополчилась на русскую литературу, на писателей и поэтов. Один из руководителей русскоязычной службы радио „Свобода" заявил, что русские национальные писатели вообще не имеют права говорить о русском патриотизме, так как половина в стране — не русские, а то, что они делают — это, мол, „бессовестно и безнравственно". Багаудин Казиев в „Молодой Гвардии" (n°12 за 1989 год) пишет, что русскоязычный поэт Иосиф Бродский формулирует в настоящее время общественное мнение в литературных кругах Европы и США, указывая, что в советской литературе ценно, а что — нет, привозя своих подопечных в Европу и Америку в качестве первых поэтов и прозаиков России.

Особенно невзлюбили деятели из Радио „Свобода" писателей-почвенников Распутина, Белова и Астафьева, а также поэта Куняева. Один из руководителей русскоязычной службы в Мюнхене, выступая по радио, заявил, что „Белов лжет постоянно, настойчиво и расчетливо". Больше всего неприязни проявляется к народному писателю, известному экологу, защитнику Байкала Валентину Распутину. Его по Р.С. называли просто неприличными словами: „аморальный", „беспринципный", „безнравственный", „бесчестный".

В парижском журнале „Магазен Литерэр" критик Жорж Нива́ представил Распутина, Белова и Астафьева, как лучших представителей советской литературы. Особенно высокого мнения Нива́ о Распутине, которого он считает истинно народным писателем. Московский литератор С. Залыгин пишет, что как народный писатель Распутин хранит память о прошлом и, повествуя о страданиях и надеждах народа, пытается понять его историю.

Среди хулителей русской литературы выделяется Абрам Терц (А. Синявский). Выдворенный из Советского Союза, он поселился в Париже и в печати назвал Россию „сукой", угрожая ей ответственностью за вышвырнутых своих соплеменников, хотя хорошо знал, что вышвырнула его не Россия, а ее враг — советский режим. Терц издал пакостную книгу „Прогулки с Пушкиным", в которой писал неимоверное количество гадостей про русского великого поэта А.С. Пушкина, как он, „на тонких эротических ножках, этаким дураком, вбежал в русскую литературу... А харя у него была черная, обезьяноподобная". Терцу хорошо ответил известный зарубежный русский писатель Роман Гуль очерком „Прогулки хама с Пушкиным". Теперь Терц подвизается на Р.С.,

утверждая, что для единства русской нации взят на вооружение „православный фашизм". Это, конечно, злостная клевета. Хорошо известно, что подъяремная Русская Православная Церковь никакой роли в общественно-политической жизни страны не играет. Терцу не помешало бы посмотреть как распоряжаются религиозные лидеры в Израиле, нанося политической жизни страны несомненный вред. Не так давно, один американский раввин, манипулируя из Нью Йорка, развалил только что с большим трудом созданную премьером Пересом каолицию.

По Синявскому, „русский национализм" сегодня противостоит не коммунизму, а демократии и Западу. Несмотря все изложенное, Терца весьма милостливо приняли в Москве как гостя, а „Московские новости" предоставили для его разглагольствований целую страницу своего номера. Не отстает от Терца и его супруга, обвиняя русских во всевозможных грехах. К антирусской пропаганде за рубежом примкнул и один из проживающих на Западе советских кинорежиссеров. Он обвиняет русских в том, что им свойственно сваливать все на тех, кто обладает властью. „Кто голосовал, кто стучал, кто расстреливал? Евреи? Иностранцы?" В „Московском Литераторе" (n°7 за 1989г.) ему хорошо ответили с подробным перечнем всем известных имен.

Все патриотические общества группировки и движения повсеместно возникающие ныне в СССР, сотрудники Р.С. снабжают почти что всегда провокационными ярлыками: „черносотенный", „шовинистический", „реакционный" и даже „нацистский". Если подобные же общества образуются в Прибалтике или на Кавказе, то они встречают со стороны Р.С. дружественную улыбку. Например, литовский „Саюдис", названный, кстати, в американской печати „ультра националистической организацией".

Особое внимание, естественно, уделяется обществу „Память", о котором в СССР и за рубежом пишется много. И тем не менее, мы точно не знаем, что представляет из себя это общество. Вернее всего, что это целый ряд различных по своему характеру независимых группировок, имеющих общее название. (Впрочем, иногда даже и названия разные, как у сибирской группы „Соборяне") Самая известная группа Васильева. Р.С. заклеймило это общество, как нацистско-антисемитское, члены которого подстрекают население к погромам, которых, кстати не было и нет, хотя многие кем-то „назначенные" сроки уже истекли.[3] Однако, в русскоязычном „Новом Русском Слове" о „Памяти" пишут более объективно, считая, что какая-то его часть молодежи действительно увлекается

нацистскими идеями, но кроме прочего, „занимаются они памятниками русской старины и историей".

Совсем благоприятную характеристику дал „Памяти" в Нью Йорке советский человек, по его словам „семитский квартеронец", известный театральный режиссер Марк Захаров. Со своим театром им. Ленинского Комсомола он гостил в США. Вот что Захаров сказал о „Памяти":

„Как народный депутат я был свидетелем того, как „Память" приводила в порядок небольшой православный храм в Москве, где когда-то была конюшня. Ребята из „Памяти" — народ напористый и трудолюбивый. Этого у них не отнимешь". По Захарову, страшна вовсе не „Память", а стремление экстремистской части многих политических группировок к монополизму. Во всяком случае у „Памяти" много врагов в стране и за рубежом. И эти враги пользуются иногда бесчестными методами, чтобы опорочить это общество. Об одном таком эпизоде придется упомянуть, так как он связан с комментариями лидеров Р.С., которые не постыдились возвести гнусную провокацию чуть ли не на уровень подвига!

О случившимся писалось во многих советских печатных органах. Приведем факты из журнала „Молодая Гвардия" (n°4- 1989): „Кое кому в нашем обществе хотелось бы обвинить руссих патриотов во вражде к евреям. Такую неудачную попытку совершил главный редактор журнала „Знамя" Г. Бакланов[4], поместив факсимиле подметного письма, подписанного, якобы, „черносотенцами" из „Памяти". Хорошо, что страна узнала из передачи Ленинградского телевидения и публикации в газете Правда" (19.11.1988) о личности автора анонимки. Им оказался некий Аркадий Норинский, еврей по национальности, который из стремления опорочить „Память" разослал от ее имени свыше сотни подметных писем с грязными оскорблениями и угрозами расправы в различные организации и самым известным людям в стране, в том числе академику Д. Лихачеву. Об этом провокатор поведал на суде.[5] К слову сказать, через день после его разоблачения и ареста, несколько сот организованных ленинградских молодчиков протестовали против „антисемитизма властей". Об этом тоже поведало Ленинградское телевидение.

Можно ли после этого случая верить всему, что плетется против „Памяти"?[6] Поймали одного, а сколько еще осталось не пойманных? Господа из „Радио Свобода" уделили особое внимание этому эпизоду и не постыдились ложь возвестить как правду, назвав подлый и трусливый поступок Норинского „благородным"! Поистине мы живем в жуткое время. Никогда еще зло не выступало

так бесстыдно!

Не обошло своей милостью Р.С. и пишущего эти строки. В конце прошлого года в „Комсомольской Правде" было помещено мое обширное интервью „Царь и его палачи". Господа из Р.С. снабдили интервью, а, главное, мою книгу об убийстве Царской Семьи, антисемитским ярлыком. И это вопреки тому, что ни в интервью, ни в самой книге, об евреях не говорится ни слова! Кстати, русскоязычное НРС дало блестящий отзыв о книге, еврейский нью-йоркский книжный магазин „Руссика" охотно ее продавал.

В разгар кампании „Радио Свобода" и „Радио Свободная Европа" против русского национального самосознания появилась работа И.Р. Шафаревича, в которой он заклеймил деяния этой братии, и они, как осы из растревоженного гнезда, дружно набросились на маститого ученого, что и было отмечено Вл. Симанским в альманахе „Вече" (n°35-1989) Понимали ли сотрудники Р.С., что они морально не доросли до маститого ученого? Куда им с ним тягаться!

Игорь Ростиславович Шафаревич — выдающийся русский ученый-математик, является членом-корреспондентом Академии Наук СССР, членом Лондонского Королевского Общества, доктором Парижского университета, членом двух американских академий. Помимо того, в стране и за рубежом И. Шафаревич известен как давний и убежденный правозащитник. Еще в 1971 году, когда все его нынешние оппоненты сидели тихо и смирно, славя „родную партию и советское правительство", Шафаревич стал членом комитета по защите прав человека и участвовал несколькими статьями в сборнике „Из под глыб", под редакцией А. И. Солженицина. Даже противники Шафаревича признают, что предметом его особого внимания является духовная защита человека. Из всего вышеизложенного видно, что это человек мужественный и порядочный. Его опоненты, взявшие на себя смелость критиковать его „Русофобию", всеми этими качествами не обладают. Напротив, если покопаться в их прошлом, то у каждого из них можно найти черные пятна на репутации. Есть среди них и партийцы со стажем, занимавшие в партаппарате немалые посты. Теперь же многие из них превратились в противников того, что исповедывали у себя на советской родине.

Группа русских людей во главе с о. Димитрием Дудко, В. Аксючицем и другими отправила „Открытое письмо Конгрессу США и Совету Международного Радиовещания" в котором обвинила Янова, Терца (Синявского), Тольца, Пайпса, Хазанова, Малинковича и других в „оскорбительно русофобских концепциях, находя, что подобная пропаганда на американских и западных

радиостанциях сеет в русском народе агрессивное отношение к Западу и запугивает еврейское население страны". Энергичный протест был послан и „Христианским Патриотическим Союзом". В „Открытом обращении к Конгрессу США" его председатель Е.И. Пашнин писал:

„Работники радиостанции как Матусевич, Ройтман, Маленкович и некоторые другие пользуются каждым своим выходом в эфир для глумления над национальным достоинством русских, натравливая на русских другие народы. Особенно яростны нападки у русского отделения радиостанции „Свобода" вызывает почему-то выдающийся писатель Валентин Распутин. Иногда доходит дело до прямых оскорблений. Распутин уже „взбесившийся мракобес"... Матусевич не мог удержаться, чтобы не попытаться укусить Распутина: 'Неучастие в пропагандных кампаниях застойной поры не делает мракобесие распутиных и куняевых более привлекательным, более нравственным'".

Был послан также протест в Конгресс США и со стороны монахов Оптиной Пустыни. (Его содержание, к сожалению, нам не известно). Русскоязычная образованщина в Нью Йорке старается не отставать от своих собратьев по „Радио Свобода" и „Радио Соболная Европа". Особенно соблазнительно „Новое Русское Слово", которое претендует называться самой старой русской газетой в мире. Когда-то, при покойном М.Е. Вейнбауме, она действительно была русской и все эмигранты из России в ней мирно уживались. Сотрудничал в НРС и пищущий эти строки. Со смертью Вейнбаума и захлестнувшей Нью Йорк третьей волной, подули другие ветры. Новые сотрудники, еще „свежие" из Советского Союза, начали изображать старую Россию и русских людей, как модель империализма. Они трактовали пресловутый закон о „порабощенных нациях" как хороший, прославляли лживую книгу маркиза де Кюстина, представляли русских горькими пьяницами, потомственными алкоголиками.[7] Особой энергией отличается в этой газете один из ее сотрудников с красивым русским именем и звучной исторической фамилией.[8]

В открытом письме директору Р.С. русский журналист Михаил Назаров из Мюнхена рассматривает возможные причины, повлиявшие на характер деятельности Р.С. Одна — весьма распространенная в русской эмиграции — результат стремления США ослабить Россию, как геополитического конкурента. За время своего пребывания в США И.В. Огурцов сказал по этому поводу следующее: „Иногда слышатся голоса, что возрожденная демократическая Россия гораздо опасней для Запада, чем

сегодняшний СССР. Вывод, который следует из такой точки зрения — самоубийственный".

Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви, Митрополит Виталий имеет по этому поводу тождественное мнение. В „Литературной России" (n°52-1989) напечатана небольшая теплая вступительная статья к обращению Митрополита „Молодым людям России", которое задело за живое множество сердец в нашей отчизне: „Злые силы столько потрудились, чтобы сокрушить Православную русскую державу, что для них возрожденная Россия — это ночной кошмар с холодным леденящим потом". Председатель „Христианского Патриотического Союза" еще более радикален. В уже цитировавшимся письме-протесте Конгрессу США он пишет: „Деятельность радиостанции Р.С. прямо связана с Конгрессом США. Это позволяет думать, что „Радио Свобода" является рупором Конгресса и выражает его мнение. Продолжая, можно придти к выводу, что Конгресс США пронизан русофобскими настроениями".

Другая, менее вероятная точка зрения, что Американская администрация утратила контроль над Р.С. Назаров, также как и Огурцов считают, что трудно предположить, что ведущий слой американского народа не понимает опасности возникновения гражданской войны в ядерной сверх-державе. По тому, как Американская администрация реагирует на литовский кризис можно предположить, что нет, не понимает. Несмотря на деликатное положение и натянутые советско-литовские отношения, по крайней мере до сих пор, не произошло еще никакого кровопролития. Но уже „рассматриваются соответствующие меры возмездия, которые должны быть предприняты в свете советских действий". А советские действия пока весьма просты: Советское правительство не желает поставлять горючее и другие материалы одной из своих республик, которая в одностороннем порядке отъединилась от Союза. Не принимаются же меры против правительства Шамира, который ведет войну с палестинцами на оккупированных территориях, хотя кровь там проливается ежедневно. Очевидно сказывается двойственность политической игры.

Каждый народ, даже на самом примитивном уровне развития, гордится своим достоянием, своим прошлым. „Гордиться славой своих предков не только можно, но и должно. Не уважать оной — постыдное малодушие", — сказал Пушкин. А русскому народу есть чем гордиться. И не только „славой, купленною кровью". Холодный сноб, Поль Валери, в своем дневнике назвал XIX век России одним из трех чудес мировой истории: Эллада, Ренесанс и Россия XIX века, когда в области литературы („Золотой век русской литературы"),

искусства, церковного зодчества, иконописи, музыки (светской и духовной), театра, балета и живописи, Россия поднялась на недосягаемую высоту.

В Соединенных Штатах, говоря о вооруженных силах нации, употребляют часто выражение „Старая слава". Это очень похвально. Но разве американцам приходилось вести такие войны, принимать участие в сражениях, какие выпали на долю России? Даже наши недоброжелатели признают, что Бородинское сражение по упорству и мужеству было битвой из битв во всей истории войн! За один день обе стороны потеряли 100 тысяч солдат и офицеров. („Изведал враг в тот день немало, что значит русский бой удалый") После вспышек русофобии в США (убийство Тани Залесской, увечье нанесенное мальчику Абрамовичу, нападение на суботников в Миннесоте, прокламации КРА о том, что их главной задачей является борьба с руссофобией) как то странно слышать каждый день по американскому радио музыку Чайковского. В день американской независимости, по традиции в Бостоне, во время большого концерта, играют увертюру Чайковского „1812 год". Стреляют настоящие пушки и торжественно звучат мотивы „Спаси Господи люди Твоя" и „Боже Царя храни". Под Рождество, во многих городах страны передают русский балет „Щелкунчик". А что бы было с американским балетом без Баланчина, Даниловой, Макаровой, Барышникова, Годунова и других русских танцоров? В американских университетах не так много людей изучают русский язык, так как считают его трудным и не особенно нужным. Но великая русская литература в переводе собирает самое большое количество студентов. Не так давно 22 эксперта по сравнительному образованию установили, что Советский Союз уступает пальму первенства только Японии в таких науках, как математика, естественная история и языковедение, оставляя позади США. Сюзанн Масси, в своей книге „Родина Жар-птицы" писала: „Роскошь царских дворцов и великолепие церквей — все это показывало могущество русской земли. Но дороже, чем драгоценные камни и золото — настоящее богатство России заключалось в одаренном русском народе, богатой крестьянской культуре"[9].

Вот такими короткими штрихами можно показывать величие русского наследия, русской культуры, созданнолй русским народом, которого господа из Р.С. и Р.С.Е. пытаются представить народом прошлого, которого уже больше нет!

Павел Пагануции

СНОСКИ

1)и 2) „Литературная Россия", 15 дек. 1989.

3) Вся антирусская пропаганда Р.С. ведет не только к запугиванию еврейского населения СССР, но и к подстрекательству безответственных элементов к разного рода эксцессам. Быть может „образованщина" на Р.С. именно этого и добивается?

4) Красивая русская фамилия является всего лишь ширмой.

5) Норинский получил полтора года тюрьмы.

6) Нашелся некто предложивший не слишком приветствовать возвращение Солженицина в советскую литературу, так как **«его патриотизм сродни патриотизму общества 'Память'»**!!! (Кагарлицкий Ю. „КО", 36-1988).

7) „Аргументы и Факты" цитируют „Русские Ведомости" от 4 апреля 1910 года, в которых по поводу алкоголизма в Европе пишется следующее: „В России употребляли алкоголя в три раза меньше, чем в Австро-Венгрии, Великобритании и Германии, в пять раз меньше, чем в Бельгии и в семь раз меньше, чем во Франции".

8) Пищущий эти строки, время от времени отвечал сим господам на страницах газеты „Русская Жизнь".

9) И много еще прекрасного писала о России и русских американка швейцарского происхождения Сюзанн Масси в своей замечательной книге. Президент Рейган по достоинству оценил ее знание России, и в последние годы его администрации она была советницей президента по русским делам.

В этой работе использованы материалы из следующих источников:

Московские издания: „Наш Современник", „Молодая Гвардия", „Литературная Россия", „Московские Новости", „Московский Литератор", „Советская Культура", „Знамя", „Неделя".Зарубежные русскоязычные издания: „Новое Русское Слово", „Православная Русь", „Свободное Слово", „Русская Жизнь", а также письмо г-на Михаила Назарова директору Р.С., статья Завалишина „Встречи с Марком Захаровым" и другие материалы.

К стодвадцатилетию со дня рождения

великого русского патриота

Генерала от инфантерии
Лавра Георгеевича КОРНИЛОВА

18 августа 1870 года в семье отставного хорунжего Георгия Корнилова, казака Усть-Каменогорской станицы, в Западной Сибири, в день Св. Флора и Лавра родился сын, нареченный Лавром в честь святого, поминаемого в день рождения мальчика. Маленький Лавр начал свое образование в приходской школе, а в 1883 году в возрасте 13 лет поступает в Омский Первый Сибирский Императора Александра I-го кадетский корпус. В 1889 году, закончив корпус с отличием уезжает в Скт Петербург и поступает в Михайловское Артиллерийское училище. Попутно изучает иностранные языки. В 1892 с отличием оканчивает училище и, не воспользовавшись возможностью служить в гвардии, выходит в артиллерийскую бригаду в Туркестан. Изучает нравы, обычаи и языки народов Средней Азии (пушту, дари, фарси, туркменский и др) а также китайский и готовится к поступлению в Академию. В 1895 году, выдержав первым конкурсные экзамены, поступает в Императорскую Военную Академию Генерального Штаба в Скт Петербурге, которую заканчивает с отличием в 1898 году. Отказавшись от службе в Генштабе, в столице, возвращается в Туркестан и в городе Термезе на границе с Афганистаном поступает в распоряжение генерала М.И. Ионова, исследователя Средней Азии.

В Афганистане, в 50-ти верстах от границы в ущелье Гинди Куш под руководством англичан, была построена крепость Дейдали. Для получения о ней данных была послана разведка, окончившаяся полным крахом — разведчиков поймали и посадили на кол. Капитан Корнилов берет трехдневный отпуск и тайком от всех с тремя преданными ему туркменами из племени теке (текинцев), побрив голову и одев халат, отправляется на разведку. Зная в совершенстве местный язык и обычаи, въезжает в крепость под предлогом службы в коннице Великого Абдурахмана, эмира Афганистана. Сделав план крепости, дорог и фотографические снимки, возвращается, проскакав 400 верст, и передает генералу Ионову результаты своего „отпуска”. За проявленную храбрость и представление ценнейших разведданных о крепости, капитан Корнилов награждается орденом

Св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантом, а за самовольную отлучку заграницу получает выговор с обещанием посадить на гаупвахту на 30 дней.

В 1899 году капитану Корнилову поручают изучение района Кушки и командируют на исследование китайского Туркестана и Кашгарии. Полтора года продолжалось изучение этой дикой выжженой солнцем страны, сопряженное с опасностями и невероятными физическими лишениями. По возвращении из экспедиции, Корнилов описывает результаты изучения и издает книгу: „Кашгария или Восточный Туркестан". Затем он исследует Харестан Сейстан, области Восточной Персии. В течение семи месяцев капитан Корнилов путешествует по Дашти Наумед — степи отчаяния и наносит на карту развалины древних городов, пути караванов, кочевых диких племен и изучает их жестокие нравы и обычаи.

Подполковник Корнилов в 1902 году по поручению штаба Туркестанского военного округа редактирует секретное издание: „Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом". До 1903 года командует ротой 1-го Туркестанского стрелкового батальона. В том же году получает направление в Индию для изучения туземных языков, нравов и обычаев. В Индии застает его русско-японская война. Исполнив поручение в Индии, подполковник Корнилов переводится в действующую армию и получает должность начальника штаба 1-ой стрелковой бригады. С нею принимает участие в боях под Сандепом, Мукденом и Телином. 25-го февраля 1905 года, прикрывая отход 2-ой армии из Мукдена, бригада была окружена превосходящими силами противника, но подполковник Корнилов ночью, воодушевляя свою бригаду, ведет ее в штыковую атаку, опрокидывая японцев, и к утру, считавшаяся погибшей бригада присоединяется ко Второй армии. За проведение этой боевой операции подполковника Корнилова награждают орденом Св Великомученика и Победоносца Георгия 4-ой степени.

После русско-японской войны подполковник Корнилов назначается на должность делопроизводителя Управления генерал-квартирмейстера Генерального Штаба в Скт Петербурге и по делам Штаба совершает поездки на Кавказ, в Туркестан и Западную Европу. В конце 1907 года командируется в Китай на должность российского военного агента и проделывает весь путь Иркутск — Пекин верхом на коне с тремя казаками-ординарцами. Исполняя эту должность, знакомится попутно с китайской культурой, собирает различные экспонаты, совершенствует китайский язык, завязывает

дружеские отношения с китайцами. Ему сообщают о формировании вооруженного отряда в далекой провинции и обучении его европейским приемам и употреблению современного оружия. Он надевает пышный китайский наряд и отправляется, чтобы лично осмотреть этот отряд. Его с почестями принимают, как посланника самого Богдыхана, знакомят с успехом обучения и церемониальным маршем отряд проходит перед ним. Он благодарит начальство за оказанный прием и возвращается в Пекин.

В 1911 гооду полковник Корнилов назначается командиром 8-го эстляндского полка со стоянкой под Варшавой и, отправляясь на место службы, часть пути (Пекин — Туркестан) проделывает верхом.

Вскоре полковник Корнилов получает производство в генерал-майоры и новое назначение: командование двумя пехотными и тремя конными полками, входящими в состав 2-го Заамурского пограничного отряда. Охраняя границы, отряду приходилось вступать в бой с шайками китайских разбойников — „хунхузов", прекрасно вооруженных. Численность некоторых шаек составляла по несколько тысяч человек. Шайки, появляющиеся в полосе отчуждения железной дороги изгонялись в глубину Китая.

В 1912 году генерал-майор Корнилов получает приказ провести расследование о злоупотреблениях интендантства. Раскрывается взяточничество и привлекаются к ответственности руководители интенданства, но министру финансов, в ведении которого находилась пограничная стража, желая скрыть непорядки в его министерстве, удалось прекратить это дело. После чего, по его личной просьбе, генерала Корнилова переводят в военное ведомство и назначают командиром 1-ой бригады 9-ой стрелковой дивизии во Владивостоке.

1914 год. Объявлена германская война. Генерал-майор Корнилов командует 1-ой бригадой 49-ой пехотной дивизии и с нею выходит на австрийский фронт. После шести дней тяжелых боев, получает назначение начальника 48 пехотной дивизии, называемой прежде Суворовской, но при генерале Корнилове получает название „Стальной". Корниловская Стальная дивизия победоносным маршем доходит от Львова до Карпат, переваливает их и спускается в Венгерскую равнину. Генерал Корнилов лично участвует в боях и примером своей храбрости выводит дивизию из тяжелых положений. Три австро-германские дивизии брошены на 48-ую пехотную дивизию с приказом Германского Генштаба уничтожить ее. Дивизия в боях несет большие потери и у города Санно окружена врагом. Генерал Корнилов лично ведет в атаку два резервных

батальона и разрывает кольцо. Дивизия выходит из окружения и занимает господствующую высоту в Закарпатье.

Прорыв фронта по линии Тарнополь-Горлица, отсуствие тяжелой артиллерии и снарядов в конце 1915 года явились причиной отступления Русской Армии из Закарпатья. Дивизия генерала Корнилова прикрывает отступление и ведет бои в двух направлениях: против немцев и против австрийцев. Генерал Корнилов ранен в руку, но остается в строю. Пропустив отступающую Армию и обозы, отправляет три полка своей дивизии на соединение с уходящей Армией, а сам с Рымникским полком прикрывает их отход и в боях несет большие потери. Остатки Рымникского полка штыковой атакой прорывают окружение, и ночью генерал Корнилов приказывает отходить, а сам остается с одной ротой в арьергарде. Четверо суток непрерывных боев спасают полк, но от роты остается **семь** бойцов и с ними тяжело раненый в ногу генерал Корнилов. Австрийцы захватывают его в плен. С первого дня пленения, в госпитале для военнопленных, находящемся в глухом местечке далеко от линии фронта, генерал Корнилов все свои мысли направляет на осуществление планов побега. В организации побега принимали участие русские военный врач и массажисты, работавшие в госпитале, а также санитар, солдат Австро-Венгерской армии, чех Францишек Марньяк, который достал генералу Корнилову обмунидирование и подложные документы австрийского солдата. Генерал Корнилов с Марньяком благополучно вышли днем из лагеря, пришли на вокзал, сели в поезд и на следующий день прибыли на намеченную станцию Караншебеш. В лесу за станцией переоделись в штатское и продолжили свой путь пешком к румынской границе. Чтобы избежать встречь, обходили селения и терпели голод. Чех не выдержал и зашел в одну деревушку за пищей, где его арестовали жандармы. Генерал Корнилов продолжил путь один. Дошел до пограничной реки с Румынией у Турн-Северина. Перебрался на румынский берег, переплыв реку под обстрелом пограничников. Из Турн-Северина протелефонировал в Русское посольство и за ним прислали автомобиль. 22 августа 1916 года генерал Корнилов вернулся в Россию.

По прибытию на родину генерал Корнилов получает назначение командующего 25-ым армейским корпусом, а за бои на Карпатах в апреле 1915 года награждается орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 3-ей степени, а казаки станицы Караклинской присылают своему доблестному станичнику нательный крест и сто рублей деньгами. С должности командующего 25-м армейским корпусом приказом Государя назначается на пост командующего войсками Петроградского военного округа.

Второго марта 1917 года в 15 час. 05 мин. во Пскове Государь Император Николай Второй отрекся от Престола Государства Российского за Себя и за Сына Престолонаследника и передал право на Престол Своему брату Великому Князю Михаилу Александровичу, но последний отказался от Престола впредь до решения судьбы Россиии Учредительным Собранием, и власть была передана Временному Правительству, возникшему по почину Государственной Думы.

В прощальном приказе к Действующей Армии Государь Император, обращаясь к войскам, повелел повиноваться Временному Правительству. Генералу Корнилову, по занимаемой им должности командующего войсками Петроградского военного округа, Временное Правительство поручило сообщить Государыне Александре Федоровне, что Она находится под арестом. Генерал Корнилов исполнил это тягостное поручение, желая избавить Ее, в случае его отказа, от посещения другим вестником в лице представителя Балтийского флота и от возможных в таком случае эксцессов, могущих иметь роковые последствия. Исполняя это поручение, генерал Корнилов принял на себя тяжелый крест и не мог не сознавать, что в последствии подвергнется осуждению.

Генрал Корнилов тяготился своим вынужденным сотрудничеством с Временнным Правительством и настоял на уходе на фронт. В мае мясяце он получает назначение командующего 8-ой армией. Ознакомившись с положением на фронте, настроением солдат и их отношением к офицерскому составу, генерал Корнилов первым поднял вопрос об уничтожении комитетов солдатских депутатов и запрещении политических выступлений в Армии. Для поднятия в войсках духа и возрождения желания бороться за свою родину, генерал Корнилов 19 мая 1917 года приказом по 8-ой армии разрешает, по предложению капитана Генерального Штаба Неженцева, сформировать Первый Ударный отряд из добровольцев. За короткий срок трехтысячный отряд был сформирован и 10-го июня генерал Корнилов произвел ему смотр. После смотра Отряд получил название **«Первый Ударный Отряд им. генерала Корнилова»**,а с 1-го августа приказом ген. Корнилова он был переформирован в четырехбатальонный полк. Создание войсковой части Русской Армии, основанной на идее **добровольчества**, послужило началом **Национального Добровольческого движения**.

Положение на фронте становилось критическим. Несмотря на запрет, в Армии продолжались митинги и распропагандированные солдаты, при малейшем натиске противника, массами покидали позиции и уходили в тыл. Корниловский Ударный полк не мог

закрыть собой все прорывы и фронт был открыт. Стремясь восстановить фронт, Временное Правительство назначает 7 июля генерала Корнилова командующим Юго-Западным фронтом, а 19 июля — Верховным Главнокомандующим. Для восстановления дисциплины в Армии, по требованию ген. Корнилова Временное Правительство вводит смертную казнь. Решительными и суровыми методами, с применением в исключительных случаях расстрелов дезертиров, генерал Корнилов возвращает Армии боеспособность и восстанавливает фронт. Воспользовавшись своим положением Верховного Главнокомандующего, генерал Корнилов предъявляет Временному Правительству ультиматум, известный как „Корниловская военная программа". В Москве на Государственном Совещании 13-15 августа ген. Корнилов, в своем обширном докладе указал на катострофическое положение на фронте, на губительное действие на солдатские массы законодательных мер, предпринимаемых Временным Правительством, на продолжающуюся разрушительную пропаганду, сеющую в Армии анархию. Он ясно показал, что Русская Армия, всегда исполнявшая без колебаний свой долг перед родиной, превращена в обезумевшую толпу людей, потерявших всякий образ воина. Без дисциплины нет Армии, — говорил ген. Корнилов, — Армия, спаянная железной дисциплиной, ведомая единой и непреклонной волей своих вождей, способна к победе и способна выдержать любые испытания. Дисциплина в Армии должна быть восстановлена. **«Нужны решитемость и твердое, непреклонное проведение намеченных мер...»** Этими словами закончил свой доклад ген. Корнилов.

Он требовал установления военной диктатуры и сам выражал готовность беспрекословно подчиниться тому, кому будут вручены диктаторские полномочия. Все стремления генерала Корнилова были направлены на спасение родины, тонущей в революционном хаосе, а социалиста Керенского — на укрепление „завоеваний" революции. Назревало неизбежное столкновение между этими двумя столь противоположно мыслящими людьми, и это столкновение произошло, как следствие подозрения Керенского, что посланный с фронта в Петроград, по просьбе Временного Правительства, конный корпус ген. Крымова на случай восстания большевиков, может быть использован для выступления генерала Корнилова против Временного Правительства и объявления им военной диктатуры. Одержимый этим подозрением, стремясь любыми путями сохранить власть за собой и предотвратить политический переворот в Петрограде, Керенский решается на „великую провокацию": 26 августа 1917 года приказывает ген.

Корнилову сложить с себя звание Верховного Главнокомандующего и, обвинив генерала в „великом преступлении" — в заговоре против Временного Правительства, измене революции, предает его суду. Генерала Корнилова и его ближайших соратников помещают на положении арестованных в Могилеве в гостинице „Метрополь", а 4-го сентября их всех переводят в Быхов, в здание бывшего монастыря превращенное в тюрьму. Охрану узников несут: внутреннюю Текинский конный полк, а внешнюю — Георгиевский батальон.

31-го авгуса 1917 года, Чрезвычайная Следственная комиссия, созданная указом Временного Правительства для расследования дела генерала Корнилова, не нашла доказательств каких-либо намерений со стороны Верховного главнокомандующего вести вооруженную борьбу не только с совдепом, но и с законным Временным Правительством. Однако, быховские узники продолжали находиться в заключении.

Тем временем, 25-го октября большевики подняли в Петрограде второй по счету мятеж, который на этот раз принес им долгожанную власть. Новоиспеченный Главковерх Керенский трусливо бежал из Зимнего дворца, бросил на произвол судьбы оставшиеся верными ему отряды юнкеров и девушек-ударниц и бесследно исчез. Должность Верховного Главнокомандующего принял на себя начальник Штаба ген. Духонин,категорически отказавшийся признать законность власти большевистских узурпаторов. Узнав, что большевики готовятся ликвидировать ставку и быховских узников, Духонин распорядился немедленно освободить из под стражи Корнилоа и его соратников и послал им телеграмму, чтобы они немедленно уезжали в Донскую область, в Новочеркасск, где генерал Алексеев начал формировать Добровольческую Армию.

Второго декабря утром Быховскую тюрьму покинули разными путями генералы Деникин, Марков, Лукомский и Романовский, а поздно вечером и генрал Корнилов с отрядом верных ему Текинцев. Все они последовали на Дон. Генерал Духонин, отлично сознавая, что подписал себе смертный приговор, остался на своем посту. Он был зверски убит матросами из отряда нового „главковерха" Крыленко, назначенного большевистским правительством и прибывшего с целью ликвидировать Ставку и быховских узников.

Большевики, узнав о побеге Быховских узников, послали в догонку бронепоезд и отряд красногвардейцев. Несколько раз ген. Корнилов с текинским отрядом попадали в засады и под обстрел бронепоезда, но продолжали движение на юг, на Дон. При одном переходе, попав в полузамерзшее болото, отряд потерял много лошадей, и генерал Корнилов, видя тяжелое положение, отпустил

своих верных текинцев, а сам,, переодевшись в крестьянскую одежду, сел на поезд на глухом полустанке и 19 декабря прибыл в Новочеркасск. После встречи с генералом Алексеевым, формировавшем Добровольческую Армию для борьбы с большевиками, генерал Корнилов принял предложение последнего возглавить эту формирующуюся Армию и быть Главнокомандующим.

Весть о создании Добровольческой Армии для борьбы с большевиками привлекла истинных русских патриотов и они, преодолевая немыслимые трудности, стекались на Дон для пополнения ее рядов. Разными путями, по одиночке и группами, съезжались Корниловцы в Новочеркасск и в декабре 1917 года, полковник Неженцев собрал заново свой полк. Корниловский полк был первым полком Добровольческой Армии. Сформированы были и другие полки, батальоны, отряды, но численность Армии не была велика: три тысячи штыков, двести сабель, несколько пулеметов, пушек и крайне ограниченное количество боеприпасов. Непоколебимое стремление к борьбе за **честь своей родины** влекло русских патриотов и являлось главной силой Доровольческой Армии.

Добровольческая Армия стояла в Ростове на Дону, несла гарнизонную службу, отряды охраняли железную дорогу Ростов-Таганрог, отражали нападения бесчисленных большевистских банд, неся при этом большие потери. Недоброжелательное отношение масс населения и казаков к Добрармии и желание избежать гибели в результате возможного полного окружения, заставили командование принять решение покинуть Ростов и двинуться на Юг, в Кубанскую область, где, по имевшимся сведениям, казаки подняли восстание против большевиков. Полученная с Кубани информация давала надежду на обретение поддержки и пополнения. Добровольческая Армия всего в 4500 боцов и при восьми орудиях, возглавляемая генералами Корниловым и Алексеевым, выходит из Ростова, переправляется через Дон и задерживается в Станице Ольгинская, откуда, после реорганизации, продолжает путь на Юг. Так начался Первый Кубанский поход Добровольческой Армии, вошедший в историю гражданской войны как **Ледяной Поход генерала Корнилова**.

Без тыла, окруженная в десятки раз превышающими силами войсковых соединений красных, пробивала себе дорогу Корниловская Армия, одерживая победу за победой и добывая боеприпасы захватом их у врага. Корнилов держал направление на Юг в Ставропольскую равнину, а затем в область кубанского

казачества на соединение с армией Кубанского правительства. Однако этот план рухнул. Когда Добровольческая Армия находилась на расстоянии всего только двух переходов от Екатеринодара, поступили неутешительные сведения о Кубанских делах: в ночь на первое марта столица края под давлением многократно превосходящих сил красных,была оставлена.

Несмотря на всю тяжесть создавшегося положения, генерал Корнилов принял решение идти на Екатеринодар и штурмом взять его. Приблизившись к окрестностям Екатеринодара, Добровольцы, несмотря на значительный перевес засевших в городе красных, начали готовиться к штурму. Генерал Корнилов расположил свой командный пункт на ферме Екатеринодарского Экономического общества, в трех верстах от города, откуда наблюдал за боем и руководил подготовкой к штурму, назначенному на первое апреля. Несмотря на то, что большевики держали ферму под сильным артиллерийским обстрелом, ген. Корнилов отказался перевести свой штаб в другое место, ибо выбранная ферма, находящаяся на высоком берегу реки Кубани представляла идеальный наблюдательный пункт для руководства предстоящими боевыми действиями.

И вот около 8 часов утра 31 марта (13 апреля по нов.ст.) 1918 года, накануне штурма Екатеринодара Добровольческой Армией, разорвавшейся русской гранатой, пущенной из русской пушки преступной русской рукой был убит в своем штабе, на ферме **Великий Русский Патриот**, поднявший меч борьбы за **честь своей родины России** генерал от инфантерии Лавр Георгиевич **КОРНИЛОВ**.

Возложил Воин **ЛАВР** на алтарь чести своей родины России самое дорогое, что имел — свою жизнь. **Память вечная и вечная слава болярину воину ЛАВРУ!**

* *
*

Убит генерал Корнилов, любимый вождь и вдохновитель Добровольческой Армии. Душа его отошла к Богу Всевышнему, но дух борьбы добровольцев остался непоколебим, и гибель Главнокомандующего еще больше укрепила желание бороться за честь своей родины. Свершилось то, что изменило ход истории борьбы против покушения сил интернациональных проходимцев на уничтожение Великой Империи Российской и превращения ее в плацдарм распространения по всему миру безумных идей коммунизма.

Добровольцы оставляли Екатеринодар и уходили на Север. Уносили с собой тела Корнилова и полковника Нежинцева, убитого в атаке за два дня до гибели генерала. В окрестностях небольшой немецкой колонии Гначбау, добровольцы решили временно похоронить тела и темной ночью, тайно, несколько корниловцев опустили два гроба в могилу, засыпали землей и сравняли, чтобы скрыть могилы во избежании надругательства. Ни холмика, ни креста. Ни воинской почести, ни салюта. Только кононада большевистской артиллерии нарушала жуткую тишину темной ночи.

Оставив дорогие сердцу могилы, Добровольческая Армия продолжила свой отход с новым главнокомандующим генералом Деникиным под прикрытием конницы генерала Эрдели. Двигались по дороге повозки с ранеными и обозом, а по бокам шли цепи нечеловечески усталых, измученных, но по прежнему полных мужества и отваги бойцов.

Большевики, преследовали Добровольцев. Войдя в оставленную Армией колонию Гначбау, они по свежевскопанным следам обнаружили могилы, откопали и подняли гробы. Тело генерала Корнилова вынули из гроба, отвезли в Екатеринодар и там предали „суду народа богоносца". Толпа, одержимыя нечеловеческой злобой безчинствовала над трупом, обнажив его до гола, плевала, топтала ногами, колола штыками, удовлетворяя свои „высокие революционные чувства". Затем изуродованный труп пытались повесить на суку дерева, но веревка оборвалась и тело упало на землю. Останки положили на телегу, вывезли за город на свалку и там сожгли. Так были отданы „великим русским народом" в порыве революционного подъема последние воинские почести Великому Русскому Патриоту.

В конце осени 1918 года, после освобождения Екатеринодара во время Второго Кубанского похода Добровольческой Армии, на месте раззоренной, опустошенной варварами-большевиками могилы генерала Корнилова и полковника Неженцева, духовенство отслужило первую панихиду в присуствии Корниловцев, Добровольцев других полков, всех тех, кому была дорога память погибшего русского Воина — болярина Божиего **ЛАВРА**.

„Не умеете вы, русские ценить своих талантливых полководцев" сказал командующий оккупационными германскими войсками на Украине, весной 1918 года, генерал фон-Арним, явившейся к нему делегации „красного Ростова", когда, поинтересовавшись судьбой генерала Корнилова, услышал в ответ торжественное заявление, что

„военнослужащий Корнилов убит под Екатеринодаром".

Не ценил русский народ, а судьба не уберегла для России русского патриота поднявшего первым мечь борьбы за спасение России. **Память и вечная слава генералу от инфантерии Лавру Георгиевичу КОРНИЛОВУ!**

В.С. Данилов

Ударник 1-го Корниловского Ударного полка

При составлении биографии Л.Г. Корнилова использованы материалы из книги полк. Левитова „Корниловский Ударный полк".

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА

Судилище в Англии

Суд над графом Николаем Толстым-Милославским по обвинению его в клевете на бригадира английской службы Тоби Лоу, после войны возведенного в звание лорда Алдингтона, закончен. Суд, в котором, по словам наблюдателей, с самого начала было заметно отсуствие объективности, за недоказательством выдвинутых гр. Толстым обвинений, присудил его к уплате истцу компенсации в размере полутора миллионов фунтов стерлингов.

Гр. Н. Толстой, автор двух публикаций, исследовавших насильственную выдачу англичанами русских, югославов и других, как военных, так и гражданских лиц, включая женщин и детей, указал на прямых виновников совершенного преступления. Книга „Жертвы Ялты", статья „Военные преступления и ректор Винчестер Колледжа", а также последняя книга Н.Толстого „Министр и избиение" основаны на рассекреченных документах и опросах свидетелей. Когда в 1972 году английское правительство сняло запрет на публикацию части секретных документов, касающихся

выдачи, и вскоре вышла из печати книга „Последняя тайна" Николаса Бетелла, английского журналиста, члена палаты лордов и Европейского парламента, мир содрогнулся от содеянного, узнав, что „англичане 1 июня 1945 года выиграли последнее сражение Второй мировой войны — сражение с безоружными обманутыми казаками, седобродыми стариками, слабыми и беззащитными женщинами и их несчастными малолетними детьми". (М. Бугураев) Преступление вскрыто — виновные не указаны.

Мы печатаем ниже статьи, появившиеся после суда в швейцарской и английской печати, иллюстрирующие реакцию мировой общественности на решение суда. Редакция нашего журнала от всей души желает гр. Н. Толстому добиться справедливого решения Аппеляционного суда в полной уверенности, что честь английского военного мундира будет восстановлена только правдой а не покрывательством.

Н.В. Козякин

Скандальный процесс в Лондоне

Статья из швейцарского журнала «L' Impact»

„Последняя тайна Второй мировой войны" — так Александр Солженицин определил насильственную репатриацию русских союзниками в 1945 году. Больше двух миллионов людей, включая женщин и детей, были отправлены в СССР, чтобы удовлетворить Сталина согласно Ялтинским соглашениям. Граф Николай Толстой, пятидесятипятилетний британский публицист и историк, внучатый племянник великого русского писателя, вскрыл подоплеку той части операции „Килевание"*, которая состояла в отправке Сталину и Тито казаков, хорват и словенцев, взятых в плен британской армией.

---

*Килевание (Keel-haul) — так называлось наказание провинившихся матросов, существовавшее в английском флоте, когда виновного протягивали на канате под килем корабля с одного борта до другого. Здесь это слово употреблено как кодовое название операции по выдачи казачьего стана англичанами большевикам.

В Лондоне полемическая книга Толстого „Военные преступления и ректор Винчестер Колледжа" развязала знаменитый клеветнический процесс, продолжавшийся два месяца, начатый лордом Алдингтоном, бывшим английским бригадиром Тоби Лоу, предположительно ответственным за эти преступления в Австрии в 1945 году. Несмотря на то, что лорд Алдингтон выиграл процесс против Толстого и последний обязан уплатить ему в качестве компенсации полтора миллиона фунтов стерлингов, граф Толстой намерен обжаловать решение трибунала. Ниже мы публикуем интервью, которое граф Толстой любезно согласился дать нашему корреспонденту.

Вопрос: *Обстоятельства, касающиеся операции „Килевание", то есть насильственной репатриации русских и югославов, теперь, в значительной степени хорошо известны на Западе. Так почему же Ваша статья вызвала такую резкую полемику в Англии?*

Ответ: Солженицин, хотя и не описывал операцию детально, но рассказал, что случилось с этими несчастными, когда они были выданы Сталину: их ждали пытки и смерть. Он это назвал „Последняя тайнай Второй мировой войны". Работа лорда Беттела „Последняя тайна" дает об этом приемлемую версию для британского истаблишмента* , частью которого он является, что, мол, это действительно была прискорбная акция, но фактически никто конкретно не несет отетственности за происшедшую трагедию. Это утверждение для меня было неприемлемым. Я считаю,что лица самых различных степеней обязаны нести за это ответственность. А задача историков — установить их конкретные личности. Вот это и не нравится британскому истеблишменту.

Процесс, в течение которого, лорд Алдингтон смог доказать что вы его оклеветали, назвав „военным преступником" теперь закончен. Что вы можете сказать о вашей нынешней судебной битве?

Многие в Англии, также как и многочисленные газеты заметили, что судья действовал в пользу лорда Алдингтона, как будто бы он был его защитником. Наш фонд защиты был заморожен властями. Все последующие денежные взносы фонду были блокированы, чтобы не допустить их использования. Мы предполагаем аппелировать и разбирательство произойдет в конце года. Мы представим новые доказательства о том, что происходило в Лиенце в 1945 году. Согласно судебному постановлению получается так, что события, во

*Истаблишмент — новое обиходное слово определяющее политическое и административное управление государством, а также и класс им управляющий.

время которых погибли тысячи людей, якобы никогда не существовали.

Тогда как операция „Килевание" вошла в стратегию союзников после немецкой капитуляции в мае 1945 года, ваша книга „Министр и избиение" относит ее к моменту, когда казаки и хорваты капитулировали в Австрии.

Всего около 2,75 миллиона лиц были репатриированы от Норвегии до Египта всеми союзниками. То что произошло в Каринтии — особый случай, поскольку использованные методы, особенно против женщин и детей — похожи на методы, применявшиеся нацистами к своим жертвам. Было ужаснейшее злоупотребление властью. Другая сторона дела — это обширный обман, который даже можно определить, как заговор. Верховный комендант Союзных сил маршал Александэр отдал письменный приказ не применять насилия при репатриации казаков. Тем не менее, каждый знает, что были применены жестокости в явном противоречии с отданным приказом. Это так и не нашло своего объяснения и я буду стараться выяснить все обстоятельства.

Каковы были особенности операции, развернувшейся в долине Дравы, во время которой 75 тысяч человек были депортированы?

В мае 1945 года Белые русские, хорваты, словенцы, сербы, казаки — мужчины, женщины и дети были выданы британской армией советским и югославским властям. Британская администрация пыталась затемнить свои действия. Например факт, что не только казаки, служившие в немецкой армии, но также и много русских Белых, пожилых эмигрантов, которые даже никогда не были советскими гражданами, были выданы Сталину, в полном противоречии Ялтинскому соглашению. Таким же образом „четники" — югославские роялисты и „усташи" — хорватские националисты были выданы титовским партизанам вопреки Ялтинскому соглашению.

Не есть ли в заговоре только один ответчик?

Их может быть много. Мало вероятно, чтобы лорд Арлингтон был зачинщиком этого. Он был начальником штаба 5-го британского корпуса с высокой степенью ответственности. По этой причине я и заострил внимание на его положении. Он играл решающую роль, но все же не он мог быть инициатором. Я уверен, что это было политическое решение и человек, который его принял был Харольд Макмиллан — политический советник Черчилля при главнокомандующем союзными силами средиземноморских операций, ставший впоследствии британским премьер-министром.

Какова роль премьер министра Черчилля в этом сценарии?

Я думаю, что он там совсем не фигурирует. Есть надежные факты, доказывающие, что Черчилль вообще не был осведомлен о том, что происходит, а когда он это открыл, то был потрясен и поражен. Во время Потсдамской конференции он объявил, что политика союзников — не репатриировать людей, которые не желают возвращаться в свою страну.

В таком случае, кто же скрыл сообщение: министр обороны, министерство иностранных дел или просто сеть секретных заговоров?

Вопрос о секретных заговорах не стоит. Министр обороны был основательно замешан. Улик не осталось, так как подлинные документы исчезли, а вместо них были сфабрикуованы другие и все прочее в том же духе. В течение процесса, документы, известные с начала семидесятых годов, в которых так нуждалась наша защита, были изъяты, чтобы не дать нам возможность ими воспользоваться. Министр обороны играл самую темную роль в этом деле. Мое мнение, которое, впрочем разделяют многие британские офицеры, — нельзя спасать честь британской армии таким путем, покрывая это позорный период истории, который, наоборот, должен быть полностью освещен.

В эпоху политической гласности, которая высвечивает темные стороны советской истории, если советы могут говорить о Катыни и „Килевании", то почему этого не могут сделать англичане?

Не могут и ясно о том предупреждают: если вы будете говорить на эту тему, то будте осторожны, иначе вам придется заплатить полтора миллиона фунтов стерлингов с процентами. Значительность данной суммы предназначается для устрашения газет. Между тем, этот вердикт угрожает раззорением моей жене и четверым детям.

А какова реакция на Ваше полемическое произведение?

В Загребе, в Югославии, в коммунистической стране, будет вскоре опубликована моя книга „Министр и избиение", а английские издатели боятся. Не потому ли моя книга здесь запрещена? Видите ли, вам дозволяют сказать, что в 45-ом году в южной Австрии произошло нечто ужасное, но при этом, будте добры,обратите внимание на умеренность своих высказываний и, ради Бога, никогда не проявляйте сочуствия к жертвам. Таково предупреждение английского государства.

Но все-таки, ведь кто-то должен был подписать приказ или нажать курок? Разве операция не была приказом свыше?

Британцы во время процесса, на девяносто процентов были на

нашей стороне... В то же время, в понятии государства — немыслимо, чтобы англичанин был обвинен в военном преступлении. Великобритания поддерживает официальную версию, что не было совершено никакого преступления, а все происшедшее был всего лишь печальный инцидент. Как утверждает лорд Алдингтон, казачьи офицеры добровольно возвратились в Советский Союз!

В том социально-политическом вихре, который захватил, как СССР, так и Югославию, нашлись ли историки, которые занялись операцией „Килевание„?

Советы намекали об этом, не принимая на себя официальную ответственность. По выражению Советов, это было ужасное преступление. Но если вы подумаете о всех уничтоженных Сталиным, то несколько десятков тысяч казаков, о которых мы говорим, выглядят, относительно, не очень многочисленным частным случаем. В Югославии же, число сербов, словенцев и хорват, уничтоженных за время власти Тито — огромно по отношению к общему количеству населения. Вы с трудом найдете семью, в которой бы никто не пострадал. Поэтому преступление это ужасает там гораздо больше. Все эти факты выглядят очень смущающими для Британского правительства. Существует вероятность, что Хорватия предпримет официальный запрос об этом периоде.

Считаете ли Вы, что новые факты будут способствовать вашим обвинениям?

С течением времени, приток новой информации приносит все новые и новые доказательства. Я думаю, что если бы я ошибался, факты давно бы меня опровергли. А политические открытия и широкая гласность нашего процесса вызвали новый интерес к этому.

Что это означает для советской системы?

Я бы не удивился, если бы Советы занялись расследованием этого дела, ибо оно живо интересует Россию. Более того, если моя версия происшедшего верна, то они бы имели веский повод сказать: „Вы, британцы, с вашим самодовольством, делаете упор исключительно на наши преступления. А что вы скажете об этом ужасе, в который вы сами тогда так глубоко погрузились?

И это бы фактически подтвердило, что Лондон был в полном сговоре с Кремлем под прикрытием Ялтинского соглашения?

И это был бы способ показать, что в то время как СССР, в силу характера своей сталинской системы, просто не имел другого выбора в своей линии поведения, Запад,напротив, имел полную свободу выбора.

Будет ли Ваша версия событий способствовать преодолению

сталинского наследия в СССР и, в частности в исторической науке?

Узел всего этого дела — страшное столкновение основных начал Запада, которые были готовы сотрудничать со Сталиным, не только слева, но и внутри этого темного истаблишмента, по причинам ему свойственным, еще более ужасным и сильным. Это составляет основу дела и объясняет значительное сопротивление моему изложению.

В итоге, какова будет сущность Вашей предстоящей аппеляции?

В конечном итоге, моя цель — одна: доказать, что это событие не было забыто, и что страдания этих людей не оказались напрасными. Этих людей, которых судья рассматривает с такой бесчеловечной точки зрения, только лишь потому, что они не были англичанами... Что-то вроде нацистского „untermensh". Жизнь не всегда будет легка для английского истеблишмента. Она меняется в Европе и на Востоке. Недавно я беседовал в Любляне с югославским комиссаром, который заключил договор с лордом Алдингтоном о репатриации хорватов, сербов и словенцев. Одно из двух: или он нарушил присягу, или лорд Алдингтон. Во всяком случае их версии не совпадают. В следующем апреле будут свободные выборы в Словении и Хорватии, и похоже, что там проявляется большой интерес к этой информации. Даже если инициатива принадлежала английскому лорду, это еще не означает, что все англичане солидарны с тем, что произошло в 45-ом году. Один гвардейский офицер Нигель Никельсон, который принимал участие в операции „Килевание", заявил, что этот день был самым позорным во всей истории Британской армии. Большинство англичан разделяют это мнение.

John J. Metzler

(Перевела с французского Е. Перкова)

ФОНД ТОЛСТОГО

Письмо в редакцию журнала «The Spectator»

(3 марта 1990 г.)

После странного приговора, вынесенного судом графу Николаю Толстому, обязующего его уплатить лорду Алдингтону полтора миллиона фунтов стерлингов компенсации за понесенные лордом убытки, основан фонд семьи Георгины Толстой для оказания финансовой помощи супруге и четырем детям школьного возраста графа Толстого. Доверительными руководителями этого фонда являются Sir Bernard Braine P.C., MP [The Father of Hause of Commons], Niegel Nicolson and Ludovic Kennedy].

Даже если присужденная компенсация будет значительно уменьшена аппеляционным судом, совершенно очевидно, что судебный процесс поглотил все средства к существованию этой семьи. С редкой смесью презрительного снисхождения и затемнения самой сути дела судья Майкл Девис инструктировал присяжных не приговаривать обвиняемого к „миккимаусовскому" уровню компенсации. Неизвестно, что он под этим подразумевал, но это определило судьбу судьи войти в историю под кличкой „Судья Микки Маус", которая уже широко распространилась.

Не обязательно соглашаться со всеми выводами, сделанными Николаем Толстым в его исчерпывающем историческом исследовании, чтобы почувствовать глубокое сострадание к его жене и детям. Следует отнести к непоколебимой чести леди Алдингтон, что она в конце процесса публично выразила сочувствие Георгине Толстой. Среди участников Фонда — не только известные писатели, как Hugh Thomas, Colin Thumbron, генерал Sir David Fraser, но также и бывший генеральный прокурор Шотландии и председатель Совета директоров компании Роллс-Ройс и Лазарус.

Когда я основывал Мемориал жертв Ялтинского соглашения, который был возведен в Thurloe Place, напротив Виктории и музея Альберта, читатели „Спектейтора" были очень щедры. Теперь же существует возможность помочь живым, а не только помянуть мертвых. Чеки для „Georgina Tolstoy Family Fund" могут быть посланы секретарю по адресу: Miss Kathy Mc Grath, 10 Barley Mow passage, London W 4, England. [Tel. 01-994-6477].

John Jolliffe

(Перевел с английского Н.В. Козякин)

МИКРОФОН В КАБИНЕТЕ ГЕНЕРАЛА Е.К. МИЛЛЕРА

Гласность в СССР коснулась архивов ОГПУ-НКВД. Так в №№ 19 и 20 московского еженедельника „Новое Время" от 14 и 11 мая 1990 года напечатана большая статья Леонида Млечина „Министр в эмиграции. Неизвестные страницы советской разведки". Речь идет о С.Н. Третьякове, установившем микрофон в кабинете генерала Е.К. Миллера. Млечин не сообщает о том, как и почему Третьяков стал агентом советской разведки. Поэтому следует привести сведения об этом бывшем министре из „Эпилога" моей книги „Незримая Паутина".

Сергей Николаевич Тертьяков происходил из именитой московской семьи. Его дед Сергей Михайлович, состоятельный человек, был одно время московским городским головой. Он основал всемирно известную Третьяковскую галерею. Третьяковым принадлежали Большая Костромская льняная мануфактура, домá и земли в Москве. Внук основателя галереи, Сергей Николаевич, был женат на Наталии Саввишне Мамонтовой, происходившей из богатейшей московской семьи.

В сентябре 1917 года С.Н. Третьяков занимал пост председателя Высшего экономического совещания в последнем коалиционном правительстве А.Ф. Керенского. Во время гражданской войны Третьякову был предложен пост министра торговли и промышленности в Сибирском правительстве адмирала Колчака. В сентябре 1919 года Третьяков прибыл в Омск и вступил в управление своим министерством. Но в это время началось отступление Сибирской Армии, и правительство было вынуждено переехать в Иркутск. Вместо ушедшего в отставку П.В. Вологодского, премьер-министром был назначен В.Н. Пепеляев, предложивший Третьякову пост заместителя председателя Совета министров и министра иностранных дел. Третьяков согласился. Крах Белого Дела вынудил Третьякова уехать в Париж. В 1921 году в Париже образовался Торгово-промышленный союз, и Третьяков стал одним из наиболее деятельных его членов.

Эмигрантская жизнь была нелегкой. Семья Третьяковых, у которых были две дочери и сын, нуждалась в деньгах. Французские банки считали господина Третьякова кредитоспособным и дали ему

взаймы несколько сот тысяч франков. И свою кредитоспособность он оправдал, сумев продать Рябушинским национализированную большевиками Б. Костромскую мануфактуру. Состоявшаяся в Лондоне сделка окутана туманом. Полученные от Рябушинских сто тысяч долларов, сумма по тем временам немалая, позволили Третьякову расплатиться с французскими банками и на несколько лет обеспечить семье безбедное существование. Но шли годы, средства исчерпались и настала острая нужда. Пришлось покинуть просторную и удобную квартиру и поселиться в дешевом отеле в Бийанкуре, поблизости от Порт де Сэн Клу. Жена торговала парфюмерией, одна из дочерей мастерила дамские шляпки. Сам Третьяков поступил на службу к Миронову, издателю популярного журнала „Иллюстрированная Россия". Разъезжая по Парижу в метро, он собирал подписку на журнал и заказы на объявления. В своих разъездах Третьяков нередко бывал в юридическом кабинете И.А. Кириллова, бывшего деятеля Союза городов в Сибири. Тут он случайно встретился со старым знакомым, инженером Окороковым, управлявшим в Сибири министерством торговли. Окороков не скрыл от него своих связей с большевиками. Вероятно, эта встреча оказалась роковой для Третьякова.

В то время он опустился, сильно пил. Часто его можно было видеть пьяным, сидевшим на скамье в сквере около Порт де Сэн Клу. Однажды он покушался на самоубийство, приняв большую дозу веронала. И умер бы, если бы в критическую минуту не пришла его дочь, вызвавшая скорую помощь. В больнице врачи вернули его к жизни. И он стал советским агентом. По словам Млечина, „Сергей Третьяков, бывший министр Временного правительства, оказавшийся после революции в Париже, начал работать на советскую разведку в 1930 году. Первоначально ОГПУ пыталось использовать его в процессе над 'Промпартией'. Потом он получил из Москвы неожиданное задание".

Вот это первоначальное задание ОГПУ использовать Третьякова на процессе „Промпартии" „чуть не привело к его провалу". Выступая с обвинением, Крыленко „лихо выбрасывает свой главный козырь: но всё же не все документы были уничтожены. В материалах, касающихся деятельности текстильной группы, имеются письма Третьякова к Лопатину и Лопатина к Третьякову." Прочитав эту фразу в советской газете, парижский резидент ОГПУ, занимавшийся Третьяковым, „буквально похолодел". В течение некоторого времени советские разведчики опасались встреч с Третьяковым. „Но никакого волнения в эмигрантских кругах по поводу заявления Крыленко не наблюдалось. Связной встретился с Третьяковым и

между делом поинтересовался, не читал ли он речь Крыленко. Третьяков равнодушно кивнул головой. В Париже никто не рискнул предположить, что ОГПУ получило письма от Третьякова. Эмиграция решила, что переписка была конфискована после смерти Лопатина". А Лопатин умер в 1927 году, за три года до процесса. Сам же Третьяков, в разговоре с советским разведчиком заявил, что „никого из обвиняемых по делу 'Промпартии' я лично не видел и разговоров с ними не вел". В довольно подробном докладе советскому разведчику он сообщал, что не французское правительство, а деятели Торгово-промышленного союза давали крупные суммы главному обвиняемому Рамзину. В 1920-1924 годах, особенно много давал богатый промышленник Денисов. В то время кое-что давал и Третьяков.

Сначала Третьяков доносил о деятельности Торгово-промышленного союза. Однако, советскому разведчику пришла мысль о неискренности Третьякова. Тогда на встрече с ним в январе 1931 года бывший министр заявил ему: „Я ваш приказчик, а вы мой хозяин". И в доказательство вручил агенту чистый лист со своей подписью внизу. Третьяков обещал только точную информацию, только то, в чем был полностью уверен. И, по словам Млечина, „с середины 1931 года материалы Третьякова становятся всё более интереснее". Своим хозяевам он сообщил, что вообще вся эмиграция „это — одна пыль". Но одновременно указал, что настоящим противником СССР надо считать РОВС.

Между прочим, Млечин пишет: „Советская разведка всегда стремилась завербовать людей, имеющих доступ к тайнам РОВС и среди ее агентов были *весьма высокопоставленные сотрудники* (курсив мой, Б.П.) Общевоинского Союза". Это признание примечательно. Однако Млечин, даже сейчас, в эпоху гласности, не называет „высокопоставленных", как и вообще умалчивает о „внутренней линии", опутавшей РОВС, начиная примерно с 1924 года. Из „высокопоставленных" Млечин называет генерала Скоблина, агента ЕЖ/13. А „высокопоставленные" и некоторые их вольные или невольные помошники на местах отмечены в моей книге „Незримая паутина". Все же сведений о „высокопоставленных" оказалось недостаточно. Нужно было проникнуть в тайны председателя РОВС'а генерала Е.К. Миллера. И вот „летом 1933 года советская разведка начинает одну из своих самых успешных операций".

По словам Млечина, один из советских разведчиков „обратил внимание на то, что семье Третьяковых принадлежит дом на улице

Колизе, где расположен штаб РОВС". Откуда же собственный дом у разорившегося Третьякова? Тут Млечин лжет. На самом деле Третьяков снял сразу три квартиры в доме № 30 на рю дю Колизе. Нет никакого сомнения в том, что советская разведка и ссудила его деньгами, поскольку Третьяков, он же „Иванов" был ее агентом с 1930 года!

Прежнее помещение канцелярии РОВС'а на рю Казимир Перье было дорогим. Желая сократить расходы, генерал Миллер искал с 1933 года более дешевое помещение. Узнав об этом, Третьяков предложил генералу квартиру в этом доме. Цена оказалась подходящей, и в 1933 году управление РОВС переехало на рю дю Колизе. А Третьякову, как пишет Млечин, дали денег на ремонт квартиры. Затем попросили Москву доставить „самый примитивный по чувствительности прослушиватель", прозванный чекистами „Петькой".

Млечин пишет, что „установка аппаратуры оказалась непростым делом, но с 12 января началось постоянное прослушивание разговоров, ведущихся в кабинете председателя РОВС Евгения Карловича Миллера, командовавшего когда-то Белыми войсками на Севере России". Млечин приводит длинные выдержки из донесекний Третьякова. Не только секреты, но и общая картина жизни и деятельности РОВС'аА становится ясной для ОГПУ-НКВД. Сведения подслушивавшего „Иванова" подтверждал и Скоблин, агент ЕЖ/13.

Во второй части своей статьи Млечин приводит ряд секретных в те времена документов НКВД. В одном из них говорилось: Когда Фоссу стало известно о подготовке в Софии по директиве Исполбюро Национального Союза Нового Поколения покушения на полпреда тов. Раскольникова, он немедленно поставил в известность болгарскую полицию". Дальше больше: „Основываясь на информации, полученной в том числе и от Сергея Третьякова, советская контрразведка ликвидировала террористические группы, направлявшиеся РОВС'ом через румынскую границу. Об этом свидетельствуют записи Третьякова и сообщения других агентов внутри РОВС". В частности эти документы проливают свет на провалы в работе румынской линии полковника Жолондковского, что очень возмутило начальника IV Отдела РОВС'а генерала Барбовича, узнавшего о гибели в СССР Е.К. Димитриева и А.А. Богдановича не от Жолондковского, а из сообщений советской печати. Следует отметить, что еще до своей трагической гибели, генерал Кутепов был встревожен деятельностью Жолондковского.

В „Незримой паутине" есть глава „Бунт маршалов". Так на

обиходном языке РОВС'а были названы действия тринадцати старших начальников, во главе с генералами Фоком, Туркулом и Скоблиным. По получении сведений от своих агентов в ИНО ГУГБ был составлен секретный документ следующего содержания: „ИНО ГУГБ получены сведения, что 22 февраля с.г. к генералу Миллеру без предупреждения явилась группа командиров отдельных воинских объединений РОВС во Франции. Командиры вручили ген. Миллеру меморандум, суть которого сводится к следующему: к моменту похищения ген. Кутепова главное командование РОВС обладало огромным моральным престижем и, кроме того, имело крупные средства. Последние годы жизни Кутепова ознаменовались активной борьбой с большевиками. Теперь у главного командования авторитета нет, и борьба не ведется. РОВС не имеет никакой политической линии и поэтому уже давно потерял среди эмигрантов всякий престиж. В меморандуме предлагается провести реорганизацию РОВС. В противном случае лица, подписавшие этот документ, выйдут из организации. Зам нач. ИНО ГУГБ..." В „Бунте маршалов" Скоблин сыграл двойную роль. Вместе с остальными начальниками он участвовал в составлении меморандума о политизации РОВС'а и в то же время осведомлял обо всем генерала Миллера.

Млечин пишет: „Сравнительно молодые генералы пытались гальванизировать свой Союз, сделать его более боевым"... Но это не всё. Тут нужно указать на роль „Внутренней линии", агенты которой сеяли в группах РОВС'а на местах, а особенно в Париже недоверие к генералу Миллеру, названному в ее документах „старческой головкой". Пытались сменить его на посту председателя РОВС'а молодым и энергичным. На такую роль могли претендовать Туркул и Скоблин. Генерал Миллер отверг требования „маршалов", но его престижу был нанесен несомненный ущерб. Генерал Туркул увел из РОВС'а большую группу дроздовцев и организовал Русский Национальный Союз Участников Войны — РНСУВ, на деньги японцев обзавелся газетой „Сигнал" и вместе с ближайшими помошниками выработал политическую платформу. Уход Туркула очень устраивал Скоблина — тем самым у него исчезал соперник в среде „молодых".

Млечин пишет, что недовольные Е.К. Миллером генералы готовили переворот втайне от Ивана Егоровича Эрдели, и называет его начальником контрразведке РОВС'а. В это время И.Е. Эрдели был начальником 1-го Отдела РОВС'а. Мне известно, что он заинтересовался деятельностью крупного агента „Внутренней линии" капитана Н.Д. Захаржевского, по переписке Димитриева.

Думаю, что именно это обстоятельство и послужило поводом для Млечина назвать генерала Эрдели начальником контрразведки.

На следующий день после встречи „маршалов" с генералом Миллером в его кабинете в газете „Последние новости" появилась сенсационная заметка об этом событии. По словам Млечина „Бунтовщики вычислили, что заметку в газете через своих людей дал Эрдели. Но от кого он узнал о совещании? Начальник артиллерии Алексеевского полка Бурлаков подал рапорт с требованием провести техническое исследование кабинета Миллера, чтобы выяснить, не установлен ли там микрофон. Миллер, правда не придал значение рапорту Бурлакова, считая его рассуждения смехотворными, но молодые генералы пришли к выводу, что Эрдели вполне способен установить прослушивание кабинета своего начальника. И все эти разговоры записывал Третьяков, испытывавший, должно быть в тот момент только одно желание: немедленно бежать. Работающий с ним сотрудник советской разведки писал в центр: „Получасовой обыск микрофон обнаружит. По проводам они дойдут до 'Иванова'. Но ломать сейчас систему нельзя. Во-первых, это технически неисправимо. Во-вторых, это связано с необходимостью проникнуть ночью в кабинет Миллера, ломать карнизы... Шума будет столько, что провал неминуем".

Думали, гадали и рекомендовали Иванову в случае необходимости сказать Миллеру: „Микрофон я поставил в своей квартире из соображений сугубо частных. Сдавая часть моей квартиры РОВС'у я вел переговоры с Иваном Георгиевичем Эрдели, которому счел нужным сказать о существовании микрофона. Именно Эрдели убедил меня, что о нем нужно молчать, и просил делиться подслушанным. Эрдели вел работу против вас в чью-то пользу, видимо, Деникина. Что касается меня, то я собирал материал для книги о военной эмиграции".

В изобретательности советской разведки не откажешь. Но генерал Миллер был однополчанином Эрдели по лейб-гвардии Гусарскому Его Величества полку и трудно было бы поверить в то, что Эрдели шпионил в чью-то пользу. Он был джентельмен в лучшем смысле этого слова. Итак, Третьякову повезло. Обыска не было, и продолжалось дальнейшее подслушивание разговоров в кабинете генерала Миллера. Так длилось вплоть до похищения Миллера Скоблиным 22 сентября 1937 года. Ночью с 22 на 23 сентября, по словам Млечина, убежавший из помещения РОВС'а разоблаченный запиской генерала Миллера Скоблин нашел временное приют у Третьякова, тем оказавшего „советской разведке огромную услугу". Из Франции его переправили в Испанию, где он погиб при

невыясненных обстоятельствах".

Последняя ночь Скоблина в Париже описана в „Незримой паутине". А гибель Скоблина вполне объяснима: как „сожженный" агент, он был ликвидирован.

О Скоблине Млечин пишет, что он стал советским агентом в 1930 году. Но это неверно, как и неверно утверждение, что Скоблин, якобы, не имел отношения к похищению генерала Кутепова. Именно после похищения Кутепова он разбогател и в конце мая 1930 приобрел в рассрочку за 82 тысячи франков дом № 345 на авеню Марешаль Пэтэн в городке Озуар-ля-Феррьер, в 40 км от Парижа. И французское следствие по делу о похищении генерала Миллера приписало Скоблину похищение Кутепова. Соучастница похищений известнейшая певица Плевицкая, жена Скоблина, была судима и приговорена к 20 годам каторожных работ. Вопреки современной гласности КГБ и теперь продолжает лгать. А если и говорит правду, то далеко не всю.

Млечин не пишет о том, как Третьяков продолжал пользоваться „Петькой" после похищения генерала Миллера. Кабинет похищенного занял новый начальник 1-го отдела РОВС'а генерал Витковский, и Третьяков подслушивал разговоры нового хозяина кабинета. Во время войны с СССР немцы обнаружили, по сообщениям берлинских газет „Локаль Анцайгер" и „Новое Слово", в архивах Минска бумаги, свидетельствовавшие о работе Третьякова на большевиков. В июне 1942 года агенты Зихерхайтсдинст явились в кабинет генерала Витковского и обнаружили, к большому удивлению генерала, микрофон, спрятанный под плинтусом около камина, напротив его письменного стола. Провод от микрофона привел их в квартиру Третьякова. По словам Млечина его „вынужденного покинуть родину, но преданно служившего ей до конца", арестовали и вывезли в Германию. 16 июня 1944 года Третьякова расстреляли в концлагере в Ораниенбурге, вблизи от Берлина. Бывший министр Третьяков, ставший негодяем „Ивановым", получил по заслугам.

Б. Прянишников

Павел Пагануцци

ШЕСТОЙ ВСЕЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МОЛОДЕЖИ В МОНРЕАЛЕ

(ЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ)

С 4-го по 12 августа в городе Монреале проходил прекрасно организованный Шестой Всезарубежный Съезд Русской Православной Молодежи. Приехав из Флориды дней за 10 до этого значительного события, мы попали на празднование храмового праздника Казанской Богоматери, в курортном местечке Роудон, где над зданием сити холла, как и в прежние годы, развивается среди других русский национальный флаг. Живя в Роудоне мы не были в состоянии посещать все мероприятия Съезда, как доклады, круглый стол, просмотры фильмов, беседы, церковные службы, но не пропустили главных.

Шестой Съезд ознаменовался очень важным событием. На него приехали делегаты из России: из Москвы, Ново-Николаевска (Новосибирска), Севастополя, Риги и других городов. На Съезде присуствовал и писатель Владимир Солоухин. Некоторым делегатам из России организаторы Съезда послали авиабилеты и подорожную, другие прилетели за свой счет. На Съезд прибыла и группа Московской Центральной Студии документальных фильмов в составе режиссера Киселева и кинооператоров А.В. Браташа и И.К. Мазаева. Большинство участников Съезда из России прилетело в Канаду заранее и, в ожидании его открытия, они группами посещали русский Роудон. Таким образом мы получили возможность провести время в беседе с некоторыми из них в домашнем кругу.

В первый день Съезда митрополит Виталий с сонмом духовенства отслужил торжественную литургию и молебен. Большой по размерам храм был переполнен молодежью. Прекрасно пел соборный хор под управлением своего долголетнего регента, г-на Саига. Гости из Москвы интересовались напевами, ходили на хоры посмотреть, кто поет: молодежь или „старики". Во время пения Иже-Херувимской песни ученый из Сибири спросил имя композитора и

узнав, что это „Царская" Херувимская № 7 Бортнянского, с грустью заметил: „А у нас нот Бортнянского не достанешь ни за какие деньги".

После обеда того же дня, в одном из парадных залов университета Мак Гилл состоялось открытие съезда под председательством митрополита Виталия, при участии о. Валерия Лукъянова (США), писателя Владимира Солоухина (Россия), церковного деятеля А. Казакова (Россия). Вопрос размещения и питания делегатов был хорошо организован. А ведь их приехало и прилетело из России, Австралии, Европы, Южной и Северной Америки, без малого 250 человек. Всех приезжих разобрали по своим домам члены прихода. Они увозили и привозили своих гостей к собору. Для питания, заботами госпожи Лагодич, была устроена большая красивая столовая в церковном зале. Там делегаты получали хорошее трехразовое питание.

Помещение где происходили доклады и прочие встречи, находилось в нескольких кварталах от собора. Каждый день утром и после обеда туда шла процессия с пением. Священнослужители несли чудотворную икону Курской Коренной Богоматери. На второй день Съезда для молодежи был намечен выезд за город в Роудон, церковная служба в местном храме, общий завтрак в церковном павильоне, панихида на русском кладбище у памятников русскому воину и жертвам революции; купание на озере. Но случилось непредвиденное: резко похолодало и пошел мелкий дождь продолжавшийся два дня. Однако организаторы решили не менять расписание и к 9 часам утра школьные автобусы с молодежью стали прибывать к храму и началась литургия. Пел большой молодежный хор под руководством г-на Скока.

В своей горячей проповеди отец Валерий Лукьянов сказал молодежи следующее: „Вас тут собралось более двухсот русских девушек и молодых людей! Знакомтесь между собой, вступайте в браки, создавайте русские семьи. Я твердо верю, что среди вас найдутся хоршие священники, матушки, церковные старосты, русские общественные деятели... Как бы я хотел иметь в своем храме такой хор, как пел сейчас здесь!"

Затем под крышей павильона был сервирован обильный завтрак. Дождик не помешал общему настроению. На дворе задымили большие жаровни, начали готовить „гамбургеры" и сосиски. После того, как все утолили голод, о. Валерий провел с собравшимися беседу, а потом общим хором молодежь стала петь старые русские светские и солдатские песни по специально для этого приготовленному нотному песеннику. Несколько дней до этого, два

участника Съезда из России жаловались на зарубежную молодежь за то, что те говорят между собой преимущественно по английски. Во время пения я спросил тех же самых ребят, не переменили ли они свое мнение о зарубежной молодежи. „Да, переменили, — ответили они решительно, — у нас так не поют, а если и поют, то орут." И несмотря на ненастную погоду, время пролетело быстро и участники Съезда в прекрасном расположении отбыли в Монреаль, где должен был состояться вечерний показ фильмов из России.

8-го августа состоялись два, на мой взгляд, центральных доклада: „Белая Россия. Идеология религиозного и народного возрождения. И.А. Ильин, П.Б. Струве" и „И.А. Ильин об основах русской христианской культуры". Первый доклад прочитал известный в России молодой религиозный деятель Александр Казаков. В своей пламенной речи докладчик изобразил картину духовно-политического положения в России и нарисовал пути духовного возрождения. Он сказал, что нужно продолжать дело начатое Врангелем в Крыму, что монархическое движение в России имеет много последователей и, что он представляет будущую Россию конституционной монархией. После доклада развилась нескончаемая горячая дискуссия. Один из выступавших, регент Св. Николаевского храма на Братском кладбище в Севастополе, где похоронены герои обороны Севастополя во время Крымской войны, В.А. Веряскин рассказал, как он нашел для себя Путь к Истине. (Тема „Путь к Истине" была объявлена главной темой Съезда). После закрытия Съезда он приехал в Роудон, принял участие в богослужении, пел, читал апостола, а затем, на церковно-приходском обеде повторил историю своей жизни. Она настолько необычна для нас, живущих на Западе, и в то же время настолько типична для советской действительности, что я попросил его изложить на бумаге все сказанное и ниже привожу его рассказ с небольшими пропусками.

Фамилия его Веряскин. Родился он в заброшенной сибирской деревушке в год смерти Сталина. Рос вне Церкви, да церквей и не было ни одной в округе. Родители тоже были неверующими. Военная служба переменила все его мировозрение. В часть, где Веряскин служил, прибыл новобранец, который наотрез отказался давать присягу безбожному советскому воинству. На комсомольском собрании части солдаты его избили, посидел он в психушке, но ничего не могло его сломить. В конце концов его оставили в покое и отправили нестроевиком в „каптерку" (бельевой склад), а замполит пришел и пожал ему руку. Веряскин начал с ним встречаться, подолгу беседовать... А по окончании военной службы, двадцати лет отроду,

в Барнауле он принял Крещение. Затем поступил в Одесскую семинарию. Там были советские порядки. Семинаристам запрещалось прикладываться к иконам, ибо это считалось „ханжеством”. В ходе учебы, он был назначен псаломщиком к одному молодому батюшке — отцу Евгению. Он только что кончил семинарию и проходил на приходе практику. И Веряскин увидал, что это была за „практика” в советской патриаршей церкви.

Как то молодые родители принесли к отцу Евгению ребенка, чтобы тот его крестил. Священник спрашивает отца и мать: „А вы то сами верите в Бога?” „Нет, зачем, это, — отвечают они, — но мы деньги уже заплатили, так что крести́те!” „А если вы неверующие, так зачем же вам крестить ваше дитя?” — спрашивает батюшка и слышит неожиданный ответ: „А потому что бабушка не хочет ходить за некрещенным басурманином.” Тут вмешивается староста и приказным тоном говорит священнику, чтобы тот не дурил, а крестил, иначе он ему такую характеристику напишет, что он нигде прихода не найдет. И ребенок все-таки был крещен. А Веряскин покинул семинарию.

Конец его рассказа я привожу дословно по тексту, который он мне дал: „Оставив семинарию, я прошел извилистый путь, ошибался и искал, пока не увидел ориентир для себя в позиции Русской Православной Зарубежной Церкви, в ее бескомпромиссности. Нашел ответы на многие вопросы, укрепился на борьбу со злом... Переписка с Митрополитом Виталием и другими представителями Русской Зарубежной Церкви, помощь от них книгами, нотами, духовными советами, при моем служении регентом в недавно возродившимся приходе Св. Николаевского храма, на Братском кладбище в Севастополе, поддержали меня и прояснили дальнейший путь.”

Во время обеда гость из Севастополя выразил восхищение связью отца настоятеля со своей паствой-приходом. „А у нас пока — совсем иное, — Священник — сам по себе, и никакой связи с прихожанами он не имеет и власти не хотят, чтобы эта связь существовала.

В другом докладе зарубежный эрудит, проф. Полторацкий, признанный за рубежом и на родине знатоком Ильина, обрисовал взгляды этого большого зарубежного мыслителя на основе русской христианской культуры и морали. Нужно отметить, что как Казаков, так и другие лекторы из России, всячески подчеркивали ту важную роль, которую играет Русская Православная Зарубежная Церковь, „малая величиной, но великая духом”, как выразился один из них, во всенародном покаянии и очищении Русской Православной

Церкви на родине от греха Сергианства.

Необходимо также подчеркнуть, что руководитель Съезда, организационный молодежный комитет и многие члены сравнительно небольшого Св. Николаевского прихода, сделали все возможное, чтобы делегаты и гости из России чувствовали себя даже лучше, чем дома. Для сибирской группы было собрано 4 тысячи на покупку мини-типографии. Комитет дал две тысячи, остальное собрали прихожане, которые старались помочь своим соотечественникам, всем, чем могли: богослужебными книгами, нотами, а также денежными суммами. От моего внимания не ускользнула, как одна вдова старушка подошла к гостю из России и тихо сказав ему: „Я не могу вас пригласить, так примите мой дар от чистого сердца!", сунула ему в руку деньги. Ну разве можно было от такого дара отказаться.

И русские гости отплатили нам сторицей своим душевным теплом. С ними как бы попали к нам живые уголки бесконечной России. Они привезли привет из далекого отечества, поделились с нами своими горестями и надеждами, рассказали нам о сегодняшних судьбоносных днях нашей родины. В последний день Съезда, вечером, после дневных встречь за круглым столом посвященных совместным поискам „Пути к Истине", в которых участвовали о. Виктор Потапов (США), писатель В. Солоухин (Россия), журналист В. Назаров (Германия), религиозный деятель А. Казаков (Россия), гости из России и все участники Съезда, состоялся русский молодежный вечер „Сказка": нарядно украшенный русскими мотивами переполненный зал, где в розовом полумраке парили жар-птицы и играл громоподобный оркестр, где царило неподдельное веселье давно невиданного множества радостных молодых лиц, и где выступал прекрасный танцевальный ансамбль Монреальской молодежи...

А на другой день „сказка" Шестого Всезарубежного Съезда Русской Православной Молодежи кончилась и вернулась реальность нашей повседневной жизни. После литургии и напутственного молебна все участники разлетелись по домам, чтобы потом вспоминать все виденное и пережитое.

Павел Пагануцци

ОТ РЕДАКЦИИ

По вполне понятным причинам семейной скромности автор отзыва о Шестом Всезарубежном Съезде Русской Православной Молодежи не упомянул имени организатора и руководителя Съезда, который, несмотря на многочисленные и ответственные служебные обязанности, посвятил подготовке и организации Съезда весь свой личный досуг, все свободное время и прекрасно, на высоком уровне провел Съезд, решив, кроме остального, ряд сложных вопросов отбора,приглашений и вызова делегатов и гостей из России. Этим организатором и руководителем Съезда являлся инженер Петр Павлович Пагануцци. Поблагодарим же его от имени нашего журнала за большую патриотическую работу в это критическое для нашего Отечества время и будем надеяться, что его примеру последуют и другие русские патриоты.

ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ УЧАСТНИКОВ БЕЛОЙ БОРЬБЫ

19 сентября 1990 года Юрию Константиновичу Мейеру (Ю.К.) исполняется 93 года. Неутомимый журналист и общественный деятель, Ю.К. продолжает работать с энергией, которой могут позавидовать люди вдвое его моложе... Только за последние пять лет более пятисот его статей были напечатаны в зарубежных русских газетах и журналах.

С помощью двух единомышленников Ю.К. перевел с немецкого на русский язык книгу Сергея Борисовича Фрёлиха„Генерал Власов" (Русские и немцы между Гитлером и Сталиным), которая в феврале 1990 года вышла в издательстве „Эрмитаж". В этой кропотливой работе ему очень много помогала Татьяна Владимировна Петровская, вдова однополчанина Ю.К., флигель-адъютанта последнего Русского Императора, генерала Николая Александровича Петровского.

Живет Ю.К. в районе Вашингтона и продолжает, по мере сил, принимать активное участие во многих русских начинаниях столицы США. Несколько лет назад умерла Ирина Александровна, урожденная Лихарева, супруга Ю.К., с которой он прожил 62 года. Дочь Ю.К. Наталия Кларксон занимает ответственную должность шефа русского отдела „Голоса Америки". В интервью с нами Ю.К. не без гордости заметил, что у него четыре внука, гренадерского роста, самый низкий из которых достигает 6 футов и 2 дюйма.

У Ю.К. мы ознакомились с черновиками записей его воспоминаний о жизни на Юге России в период гражданской войны. В этих записях прежде всего чувствуется правдивость. Автор описывает жизнь своей семьи, свою молодость, фронт и тыл, Белых и красных, так как он это видел своими глазами без прикрас и преувеличений. Кроме описаний событий того времени в записях Ю.К. присуствует множество философских выводов и заключений, проверенных опытом долгой жизни. Ниже мы процитируем некоторые выдержки из этих интересных воспоминаний.

* *

*

Юрий Константинович родился 19 сентября 1893 года в городе Вольске, Вологодской губернии, где его отец служил в Удельном ведомстве. Когда маленькому Юре было одиннадцать месяцев от роду, семья переехала в Самару, где и обосновалась надолго. В мае 1915 года Ю.К. окончил с серебряной медалью Первую Самарскую мужскую гимназию, а осенью того же года был принят по конкурсному экзамену в Императорский Александровский Лицей в Петербурге, (А.С. Пушкин окончил Лицей в составе первого выпуска, когда еще здание Лицея находилось в Царском Селе).

По окончании первого года Лицея (третьего университетского класса), весной 1916 года, Ю.К. перешел во второй класс, но уже осенью, отвечая на призыв студентов в войска, поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Семеновский полк. С 1-го февраля по 1 сентября 1917 года Ю.К. провел на ускоренных офицерских курсах при Пажеском Е.В. Корпусе и был произведен Керенским в чин прапорщика общеармейской кавалерии. Роковые месяцы русской истории Ю.К. провел в Петрограде и был свидетелем февральской и октябрьской революций.

В ноябре 1917 года он был командирован в родной город его родителей — Орел, в запасной дивизион конной артиллерии. Совмещая службу с учебой, Ю.К. сдал экзамены у профессоров Лицея, который к тому времени прекратил занятия, и 15 апреля 1918 года получил диплом последнего 75-го выпуска Лицея. (Кажущаяся арифметическая неувязка между 1-ым, „пушкинским" выпуском и 75-ым, последним в 1918 году объясняется тем, что некоторое время курсы продолжались полтора года.)

Оенью 1918 года, уходя от советской власти, семья Мейеров с трудностями добралась до Киева. В Киеве они встретили многих знакомых по Петербургу и Москве, которые уже служили в администрации гетмана Скоропадского. Это помогло Мейерам найти службу. После разгрома гетманской Украины и захвата власти большевиками, семья Мейеров не смогла покинуть Киев. Вскоре там была объявлена регистрация бывших военнослужащих Императорской Армии и началась их мобилизация в красную армию. Ю.К. попал в штаб 12-й красной армии, где встретил много бывших Царских офицеров. Начальником Ю.К. был бывший генерал-лейтенант Семенов, его начальником штаба — бывший генерал-лейтенант Давыдов..

В своих воспоминаниях Ю.К. так объясняет большое число бывших русских офицеров пошедших на службу к большевикам после известного приказа Троцкого: „Когда в конце 1917 и в начале

1918 годов старая Русскя Армия развалилась, офицеры вернулись к своим семьям. К лету 1918 года по всей России установилась советская власть. Пробраться на Юг или за Волгу было исключительно трудно. Офицеры оказались перед тяжелой альтернативой: брать с собой семью и рисковать ей при переходе строго охраняемых рубежей, или оставлять на полный произвол судьбы, с риском, что она подвергнется большевистским репрессиям после бегства главы семьи. По призыву Троцкого, офицеры пошли в красную армию. Саботировать действия красных решались, может быть единицы; большинство исполняло свои обязанности... Новая власть была поддержана унтер-офицерским составом бывшей Царской Армии, где значение фельдфебелей и унтер-офицеров было необыкновенно высоко. По знанию военного дела и по боевому опыту унтер-офицерский состав далеко превосходил молодых офицеров, недавно выпущенных из военных училищ и школ прапорщиков". Поэтому, по мнению Ю.К. опытные кадры унтер-офицеров смогли успешно заменить прежних командиров рот, батальонов, полков и даже дивизий. Ю.К. приводит примеры Буденного, Тимошенко, Жукова, Рокоссовского и многих других.

Летом 1919 года события в Киеве пошли быстрыми темпами. Добровольческая Армия, несмотря на свою малочисленность, широким фронтом продвигалась на север России. Была взята Полтава, готовился удар на Бахмач, отрезающий Киев от Москвы.

Украинские части Петлюры двигались на Киев с запада. Их ядром были так называемые „галлерчики" — кавалеристы генерала Галлера — галичане, бывшие военнослужащие австро-венгерской армии. В штабе 12-ой армии был получен приказ готовиться к отходу на Чернигов. Ю.К. и его семья не хотели покидать Киев и ему удалось убедить комиссара Кирильчука выдать ему удостоверение, как связному с оставшимися в Киеве красными и таким образом семье Мейеров удалось остаться в Киеве. Они дождались прихода Добровольцев. Ю,К. встретился с ними и обрадовался тому, что взводом передового отряда командовал его приятель по Петербургу Евгений Энден, бывший офицер 4-го л.-гв. стрелкового полка Императорской фамилии, а в его взводе был другой приятель Ю.К. Николай Курис, бывший однокашник Ю.К. по лицею.

Добровольцы не уступили Киев петлюровцам и после незначительной перестрелке, те оставили город в руках добровольцев. Через несколько дней Ю.К. отправился в вербовочное бюро, открытое ротмистром Кирасирского Е.В. полка Г.А. Доленга-Ковалевским, коренным киевлянином. Приток добровольцев был отличным. Вскоре Доленга набрал свыше 120

кадет, гимназистов и студентов. Ю.К. прикомандировали к 3-му эскадрону кирасир Его Величества. Он расстался со своими родителями, которые поехали в Ростов на Дону и отправился в большое село Полтавской губернии Шарковщину, где формировались запасные части полка.

В своих воспоминаниях Ю.К. пишет, что это были самые счастливые дни его жизни. С фронта приходили радостные вести: освобожден Курск и дивизии Добровольцев подходят к Орлу. Одни из самых сильных страниц его мемуаров посвящены героизму русской военной молодежи. он пишет: Верность Долгу, верность Присяге, гордое чувство служения своему Отечеству, честность, верность данному слову — вот те душевные качества, с которыми российские кадеты и юнкера вступали тогда в жизнь и в борьбу за Россию... Они отличались также еще одной чертой своего характера — верностью до гроба дружбе со своими однокашниками. Ныне, когда от последнего выпуска из Кадетского корпуса просуществовавшего в Югославии до начала Второй мировой войны, прошло почти пол века, описанный дух доблести, чести и взаимной дружбы сохранился нетронутым, таким, как он царил в дореволюционных выпусках в кадетских корпусах. И этим объясняется, что теперь, к концу 80-х годов, объединения кадет являются самыми крепкими союзами в эмиграции, несмотря на то, что их ряды быстро редеют из-за преклонного возраста и человеческой слабости..."

Как пример всего вышесказанного, Ю.К. приводит своего друга и однополчанина, ныне покойного полк. „Ганю" — Доленга-Ковалевского, которому он уделяет много места в своих воспоминаниях. Доленга скончался 10 лет назад и похоронен в Вашингтоне на русском участке кладбища „Рокк Крик".

В конце сентября 1919 года Ю.К. получил задание совершить глубокую разведку со своим взводом 3-го эскадрона кирасир в районе деревни Шостка, затем на 40 км дальше к большой слободе Марчихина Буда, в Севском уезде Орловской губернии. В середине октября кирасиры продвинулись в город Глухов. За этот промежуток в полтора месяца у Ю.К., как и в других частях, не было возможности снабжаться из собственных обозов, которых вообще не существовало. Снабжение шло за счет населения. Это снабжение иногда переходило в чистой воды реквизиции имущества, а в холода и в отбирание теплой одежды. Но, подчеркивает Ю.К., он не знал случаев грабежей или насилий. Были случаи, когда местное население выдавало скрывавшихся у них красных. Коммунистов обычно расстреливали.

Ю.К. не раз упоминает в этой части своих воспоминаний, что он только потом понял, что у Белых не было четкой идеологической программы, в чем они полностью уступали красным, у которых идеологическая часть стояла на первом месте. За полтора года пребывания Ю.К. на фронте он ни разу не видел ни одного чина или служащего ОСВАГ'а , который выступил бы в освобожденном селе с рассказом о программе Белых, за что они борются.

Зимой Ю.К. откомандировали в штаб полка в качестве временно исполняющего должность полкового адъютанта при командире полка графе Бенигсене. Он справлялся со своими обязанностями „с грехом пополам"... Под конец стоянки полка в Глухове, Ю.К. сдал обязанности адъютанта вернувшемуся из отпуска адъютанту полка ротмистру Безобразову, а сам присоединился ко 2-му эсадрону, что дало ему возможность участвовать в кавалерийской атаке на красный пехотный батальон. Ю.К. свалился с конем в глубокую рытвину, но не пострадал. Атака удалась, красные сдались и кирасиры взяли 113 пленных.

Вернувшись в штаб полка Ю.К. нашел телеграмму от своего отца с просьбой навестить семью в Киеве. Граф Бенигсен дал ему отпуск. Путешествие от Глухова до Киева в товарных вагонах заняло три дня. Киев имел вид вымершего обреченного города. Семья Мейер собиралась ехать в Одессу, а оттуда в Новороссийск... В отсуствие Ю.К. началось отступление Белой Армии по всему фронту. В начавшейся неразберихе он пытался через штаб разыскать местоположение своего полка, но ничего не узнав, решил ехать в Одессу вместе с родителями. Отцу Ю.К. отвели целый товарный вагон, так как вместе с ними ехали и чиновники штаба генерал-губернатора Киева. Путешествие до Одессы заняло 32 дня. В поезде Мейеры познакомились с жутким врагом — сыпным тифом. Первым заболел двоюрдный брат Ю.К.. Его поместили в госпиталь в Кременчуге. На узловой станции Знаменка положили в железнодорожную больницу и Юрия Константиновича. Родители его остались с ним в Знаменке. В течении 15-ти дней судьба решала, спасется ли семья Мейеров или погибнет. Красные банды уже подходили к Знаменке, но Господь помог и Ю.К. преодолел кризис тифа. Через несколько дней их подобрал проходящий Белый бронепоезд и семья благополучно прибыла в Одессу.

В Одессе Ю.К. удалось узнать, где находятся запасные части его полка. Это была немецкая колония Окреч, в Крыму, у станции Грамматиково, на железной дороге Джанкой — Владиславовка. Ю.К. туда добрался ночью и попал в объятия своего друга Всеволожского. Ю.К. пишет: „Так в Грамматиково начался

последний год, последний этап моего участия в гражданской войне". Там кирасиры создали свою штаб-квартиру на весь 1920 год. В штаб-квартире, благодаря стараниям хозяйственного полковника Заботкина, у кирасир было все, что нужно для войны и для жизни. Из Кирасирского Е.В. полка в Крым попали лишь несколько взводов разных эскадронов. Многих скосил тиф, в боях погибли маркиз делли Альбицци, старший Кучин и А. Черкасский.

До прибытия в Крым генерала Врангеля, Крымским фронтом командовал генерал Слащев. Войск у него было мало, положение безнадежное, и все уповали только на нового Главнокомандующего. Генерал Врангель оказался блестящим стратегом, тактиком и политиком. Ю.К. пишет о нем: „Наша Крымская кампания 1920 года осталась малоизвестной военным историкам. Однако, она замечательна тем, что после сильнейшего разгрома, длиннейшего отступления с боями, морской эвакуации, генерал Врангель сумел поднять остатки духовных сил Русских Воинов на новый победоносный поход, на выход в Северную Таврию, на выдвижение до Александровска! Победы летом 1920 года над многократно превосходящим по численности врагом давались нам гениальностью задуманного маневра. Военные эксперты, изучая походы Наполеона, считают, что он проявил свой военный гений в зимней кампании 1814 года. Такая же и даже большая серия побед с крохотными силами была нами одержана благодаря военному гению ген. Врангеля!"...

В первые месяцы Крымской кампании Ю.К. не попал на фронт. Его назначили исполн. должность адъютанта запасной части при полковнике князе Девлет-Кильдееве, и только в августе пришел приказ отправляться ему на фронт. Его сводный гвардейский полк находился в Северной Таврии в громадных селах Константиновке и Алексеевке. Ю.К. был назначен командиром взвода незнакомых ему солдат и снова сел в седло. Когда подошли красные, командир полка приказал Ю.К. взять взвод кавалергардов с двумя пулеметами на тачанках и атаковать во фланг позицию красных. Он повел рысью взвод в направлении заданной цели — белеющего вдали дома. Хотя тачанки и были рессорные, трясло их страшно, что мешало пулеметчикам вести прицельный огонь. Однако, Ю.К. выполнил поставленную задачу, кавалергарды выбили красных из окопов. Ю.К. ранило в ногу, из сапога била кровь. Ему удалось влезть в одну из тачанок, где он попытался снять сапог с раненой ноги. Его привезли в полковой лазарет у станции Грамматиково, а оттуда отправили в Джанкой, где „свирепствовал" главный полевой хирург, которого все боялись, так как он, не задумываясь, ампутировал руки

и ноги. Постарался избежать хирурга и Ю.К. и попал в госпиталь гор. Окреча. У Ю.К. развилась флегмона. Однако, ему повезло: японская пуля малого калибра, пробив кость не ращепила ее, а только порвала сухожилие. Пролежал Ю.К. в госпитале 42 дня, вышел из него на костылях и был отправлен в санаторий в Ялту. Заведующей там была строгая и принципиальная княгиня Барятинская, которая в своем дворце устроила госпиталь для раненых. Наступили неожиданные холода. Фронт катился на юг. После Рижского мира с поляками, Троцкий перебросил свои войска с польского фронта против Русской Армии ген. Врангеля. Красные превосходили Белых более чем в десять раз, а главное — замерз Сиваш и укрепленные позиции на перешейках Перекопа и Таганаша красные обошли по льду...

Судьба опять оказалась милостливой к Ю.К. В пустынной гавани у пирса стоял итальянский грузовой пароходик „Корвин". Совершенно было непонятно, как его сюда занесло... 31 октября 1920 года, в 10 вечера, „Корвин", перегруженный ранеными из госпиталя княгини Барятинской и другими беженцами, вышел в море. На борту пароходика находилась 13-ти летняя Таня Шуцкая, будущая жена генерала Петровского и теперешняя незаменимая помошница Ю.К. в его работе переводчика и журналиста...

Ю.К. было 23 года, когда он добрался до Белграда, где уже жили его родители, выехавшие из Крыма раньше. В трудные первые годы эмиграции Ю.К. поставил себе три цели: не опуститься морально, преуспеть материально и продолжить борьбу с коммунизмом. Знание немецкого и французского языков помогло ему устроиться в немецкую фирму в Белграде, представлявшую иностранные фирмы для торговли на Балканах и на Ближнем Востоке. Впоследствии он стал директором отделения, а затем и самостоятельным торговым агентом.

В интервью с нами Ю.К. с грустью вспоминал, что в эти первые годы жизни заграницей, борьба с советами часто подменялась внутренней борьбой и сведением счетов в среде политических партий и группировок русской эмиграции.

После капитуляции Югославии в апреле 1941 года и оккупации страны немецкой армией, Ю.К. удалось связаться с одним из бывших своих сослуживцев и поступить на работу в его частную контору в Берлине, где он и провел всю войну. За эти годы, по подсчетам дочери Ю.К. Наташи, семья Мейеров укрывалась в различных бомбоубежищах Берлина 273 раза.

С началом войны Германии против Советского Союза русская эмиграция переживала внутреннюю трагедию. Альтернатива

победы нацистов („пораженцы") или победы большевиков („оборонцы") мало кого из русских патриотов устраивала. Поэтому еще не сформированная идея „Третьей силы" (за Россию без немцев и большевиков) жила в сердцах и надеждах многих русских людей.

Ю.К. с самого начала примкнул к движению генерала Власова. Он был назначен чиновником по особым поручениям при гражданском управлении, возглавляемом генералом Закутным. Ю.К. хотел попасть в Киев, который тогда еще не был занят советскими войсками, и получил туда назначение от Гражданского управления РОД. Однако, несмотря на многие попытки, получить разрешение от немцев на поездку в Киев для того, чтобы приступить к этой работе, так и не увенчались успехом. Чувствую подсознательно в Ю.К. русского патриота, немцы так и не пустили его в Киев.

Ю.К. с горечью рассказал нам о трагическом положении вождей Русского Освободительного Движения (РОД) генералов Власова, Малышкина, Буняченко и других русских патриотов-антикоммунистов, которые, по выражению Ю.К. ходили в потемках, не зная, кому из немцев можно доверять. Большинство нацистских бонз воспринимали Национальную Россию, как врага Германии, а Власова, всего лишь как временное средство, способное спасти их от полного поражения. Эти обстоятельства играли на руку большевикам и предопределили как поражение Германии, так и трагичный исход борьбы Русской Освободительный Армии против коммунизма.

С 1945 по 1953 год Ю.К. жил и работал сначала в Мюнхене, а затем в Оберамергау, где преподавал русский и немецкий языки в Школе военной разведке американской армии. Отдавая себе отчет, что вооруженная борьба с коммунизмом перестала быть реальной возможностью, Ю.К. обратился к борьбе словом — словом правды. В 1947 году Ю.К. издал книгу С.С. Ольденбурга „Царствование Императора Николая Второго". В 1982 году он организовал второе издание и сумел часть тиража переправить в Советский Союз.

С самого приезда в США, в 1953 году, Ю.К. поселился в Вашингтоне, где он и живет по сей день. Продолжая свою педагогическую деятельность, он еще 15 лет проработал в Школе разведке американского ВМФ в Анакостии (пригород Вашингтона). В отличие от большинства русских в Америке, Ю.К. принимал деятельное участие в американской политике, состоял в республиканской партии, посещал политические конференции и совещания и в течении 5 лет являлся членом Президентского Республиканского клуба.

Сознавая необходимость создания представительства русской этнической группы в США, Ю.К., вместе с проф. Е.А. Александровым и др., основал в 1973 году Конгресс Русских Американцев (КРА), и в течении нескольких сроков входил в состав Главного Правления КРА, будучи также председателем вашингтонского отделения этой организации.

По личной инициативе Ю.К. ежегодно добивается от губернаторов нескольких штатов соответствующих официальных деклараций ко дню Скорби и Непримеримости — 7 ноября. Будучи секретарем, а затем и Председателем Финансового комитета первого прихода Русской Зарубежной Церкви Заграницей в Вашингтоне, Ю.К. собрал в пятидесятые годы сумму в 250 тысяч долларов на постройку здесь первого храма. Ю.К. также по мере сил помогал русским детям и старикам, будучи Председателем Русского Детского Общества и Русско-Американского Общества Помощи.

Как мы уже упоминали в начале этой статьи, Ю.К. принимал и продолжает принимать деятельное участие в русской журналистике. Он один из старейших сотрудников (с 1952 года) ньюйорского Нового Русского Слова, а также регулярно помещает свои статьи в газетах „Русская Мысль" (Париж), „Русская Жизнь" (Сан Франциско), „Наша Страна" (Буэнос Айрес) и в журналах „Возрождение" (Париж), „Возрождение" (Нью Йорк) и „Наши Вести" (Монтрей).

Заканчивая эту статью посвященную Русскому Патриоту и неутомимому борцу пером и мечем против интернационального коммунизма, захватившего власть на нашей великой многострадальной Родине, мы желаем дорогому и глубокоуважаемому Юрию Константиновичу доброго здоровья и бодрости душевной, которую ему не занимать стать. Дай ему Господь дожить до светлого дня Возрождения свободной национальной России!

Всем нам, кадетам и читателям „Переклички", пусть Юрий Константинович послужит примером того, что календарный возраст является только цифрой, и что большинство из нас, с Божией помощью и при твердом желании и решимости, смогут послужить еще долгие годы делу Возрождения нашей великой Родины — России.

Владимир БУТКОВ *Алексей БОГОЛЮБОВ*

БЛАГАЯ ДУША

Посвящается памяти Марии Алексеевны Неклюдовой, бывшей начальницы Харьковского Девичьего института им. Императрицы Марии Федоровны, репатриированной в 1945 году советскими властями из Германии в СССР и помещенной в глухое село Кузькино Новодевичьего района Куйбышеской области, где и умерла в 1948 году от истощения и отсуствия медицинской помощи на 82-ом году жизни.

Много усилий тратят люди, чтобы отыскать смысл жизни. Как часто падают на пути, не добившись разгадки. Как страдают, как чувствуют болезненную пустоту из-за отсуствия в своей жизни идеи, способной их жизнь осветить и придать ей смысл. А ведь секрет счастья, разгадка жизни и ее назначения заключаются в трех словах, сказанных Христом: „Любите друг друга”. Многие люди, с громкими словами на устах, проводят бесплодную жизнь, не улучшив ничьей участи, и отходят от жизни, как дерево, плодоносное по природе, но не принесшее никакого плода и без пользы засохшее.

Но что это за великое и редкое сокровище — „добрый человек!” Добрый не по принципу, не по самопринуждению, а добрый инстинктивно, „светящий и греющий” окружающих, как светит и греет благое, прекрасное солнце, не задумываясь о бесконечном добре, творимом на земле его лучами. Именно таким добрым человеком и была в жизни покойная Мария Алексеевна.

Будучи из старинной дворянской семьи, Мария Алексеевна получила образование и воспитание в знаменитом Смольном Девичьем институте в Санкт Петербурге. По окончании института с шифром Императрицы она решает посвятить всю свою жизнь воспитанию детей и зачисляется воспитательницей при том же институте. Своим вниманием и заботливостью о детях, умением подойти к ним, усердным исполнением своих обязанностей, она обращает на себя внимание начальствующих лиц и, с течением времени, назначается на должность инспектриссы классов, а затем и на должность начальницы Харьковского Девичьего института.

Но вот наступает лихолетье на Руси: германская война, а затем ужасы революции 1917 года. Предвидя страшные последствия революции и видя оторванность многих детей от своих родителей, судьба которых становится неизвестной вследствии полной дезорганизации железных дорог и почтово-телеграфных служб,

Мария Алексеевна принимает мужественное решение на свой страх и риск эвакуировать институт на Юг России в Одессу. Нужно было иметь сильную волю, чтобы не пасть духом и не растеряться в охватившем страну революционном хаосе, и достигнуть намеченной цели. Однако, и в Одессе не удалось надолго задержаться, так как волны гражданской войны докатились и до берегов Черного моря. Мария Алексеевна, не желая оставлять русских девочек на произвол разнузданных банд, смело решается на эвакуацию института в Болгарию, а затем, с разрешения короля Александра, в братскую Сербию, где институт находит, наконец, тихое пристанище в банатской области в городе Новом Бечее. Здесь были предоставлены здания для размещения учениц и предоставлены средства на содержание института. С удивительной энергией Мария Алексеевна подбирает надежных и опытных помошников в лице инспектора классов генерал-лейтенанта Захара Андреевича Макшеева, бывшего директора Первого Кадетского корпуса, и заведующего хозяйственной частью сенатора Александра Николаеви ча Неверова. Одновременно с ними подбирается педагогический и воспитательный персонал соответствующей квалификации.

Необходимо было позаботиться во что одеть и обуть детей, так как за время бесконечных эвакуаций вся одежда и обувь износились. Мария Алексеевна ко всем взывает о помощи, твердо веря в отзывчивость добрых людей. И она не ошиблась: пожертвования потекли, люди приносили и присылали им и деньги и вещи. Были приобретены швейные машины и музыкальные инструменты: рояль, пианино. Девочки в скором времени были одеты в форменные платья по классам, как это и было на родине. Программы эвакуированных русских учебных заведений были расширены до восьми лет обучения с предоставлением права поступать после их окончания в высшие учебные заведения.

К своему вступлению на должность Законоучителя в 1926 году, я уже застал институт в образцовом порядке. Все было оборудовано и приспособлено для нормальной жизни института. Обращалось большое внимание на физическое развитие и здоровье детей. При институте имелась своя больница и опытный русский врач. В случаях сложных заболеваний, приглашались врачи-специалисты из Белграда, а при необходимости операционного вмешательства больных отправляли в русский госпиталь в Панчево. Слабогрудых, с зачатками туберкулеза Мария Алексеевна умудрялась отправлять в прекрасный санаторий Вурбург, где чудный воздух, усиленное питание и умелое лечение известного доктора Около-Кулак творили чудеса.

При институте имелась прекрасная библиотека в 10 тысяч томов, классы рисования, музыки, рукоделия и пластической гимнастики, с опытным составом преподавателей. Единственно, что отсуствовало — это своя институтская церковь, а дети ходили в сербскую, причем только по классам, так как весь институт не мог вместиться в храме вместе с сербскими прихожанами. Этот пробел был быстро восполнен. Ознакомившись с начальницей, инспектором классов и заведующим хозяйством, я поднял вопрос о необходимости устройства своей церкви, где бы могли присуствовать одновременно все ученицы, принимая участие в пении и чтении. Выделено было помещение, устроен иконостас, сшиты облачения, найдена необходимая утварь на престол и на жертвенник. Стройное пение русского хора стало привлекать в церковь, не только русскую колонию, но и сербов. Словом, институт представлял из себя русский уголок, как бы случайно заброшенный в далекую Сербию.

Мария Алексеевна не оставляла детей без развлечений. Устраивались вечера в русском духе, вокально-музыкальные концерты, постановки спектаклей, традиционная елка с Дедом-Морозом, а Великим Постом по воскресеньям проводились духовные беседы. Посещал институт Митрополит Антоний, иеромонах Иоанн (Шаховской).

Ежегодно к выпускным экзаменам Министерством Народного Просвещения направлялся в институт делегат, который знакомился с постановкой учебного дела во всех классах, а затем присутствовал на всех выпускных экзаменах, а по их окончании скреплял своей подписью выдаваемые аттестаты зрелости. Русские девушки, в основном справлялись с расширенной программой и свободно поступали в учебные заведения страны. Некоторых же, по их желанию, направляли во Францию, Бельгию и Англию, для усовершенствования знания иностранных языков, стенографии и т.п. По выходе из института, ни одна ученица не была забыта Марией Алексеевной и бывшие воспитанницы часто обращались к ней в трудную минуту, как к родной матери.

Но вот счастливые дни для института в Бачее закончились. Из-за сокращения бюджета русские учебные заведения стали закрываться и в 1932 году был закрыт и Харьковский институт. Это был большой удар для Марии Алексеевны. Однако, несмотря на все хлопоты и старания представителей города, факт совершился. С переездом в Белград и с ликвидацией имущества и дел института, Мария Алексеевна не падает духом. Ей вверяется заведывание девичьим студенческим общежитием на 50 душ. Опять у нее заботы и хлопоты по оборудованию интерната, наблюдению за поведением взрослых

девиц, предостережению их от дурных знакомств и т.д. Она радовалась их радостям и болела их горем. Как любящая мать она их благословляла на семейную жизнь и искренне радовалась их семейному счастью. Каждая студентка свободно заходила к ней и за чашкой чая делилась своими жизненными проблемами, трудностями и успехами в своих занятиях.

Но великим людям Господь посылает и великие испытания. Наступает Пасха 1941 года, и в этот самый день, немцы бомбили Белград. Каменные громады рушились, как карточные домики, всюду бушевали пожары. Одна бомба падает недалеко от здания интерната. От взрыва вылетают все стекла, сыпется штукатурка. Мария Алексеевна мужественно стоит на своем посту и этим вносит успокоение в среду своих подопечных. Затем немцы оккупируют Белград, всюду царит растерянность и неизвестность, а Мария Алексеевна уже полна забот: как привести общежитие в порядок после бомбежки. Отлично владея немецким языком, она отстаивает здание от вселения в него немецких солдат, производит необходимый ремонт и оказывает приют многим русским беженцам. В это время в Югославии формируется для борьбы с большевиками Русский Корпус, главным образом, из бывших чинов Добровольческой Армии Врангеля. Немцы использовали русские силы в боевых действиях против титовских патризан-коммунистов. В этой борьбе многие погибают геройской смертью, оставляя после себя детей-сирот. Мария Алексеевна не оставляет их и общежитие наполняется малышами.

Наступает критический 1944 год. Натиск коммунистических партизан усиливается, доходят слухи о наступлении красной армии на Югославию. Начинается эвакуация немцев, а советская армия подходят к Белграду. Мария Алексеевна, желая спасти детей от ужасов войны, решает вывезти их на запад в Шейцарию, но так и не добирается до нее. Тысячи людей устремляются в Австрию и Германию, и этот поток подхватывает Марию Алексеевну с детьми. Немцы разбиты и советская армия занимает Берлин. Война окончена, но подлинные испытания для русских беженцев только начинаются. По Ялтинскому соглашению между Сталиным, англичанами и американцами происходит кошмарная, невиданная в истории человечества насильственная репатриация русских прямо в пасть сталинских палачей. В число репатриированных попадает и Мария Алексеевна с транспортом детей, хотя сам факт этот уже был вопиющим нарушением того самого позорного ялтинского сговора, ибо в нем речь шла только о бывших советских гражданах. Ни Мария Алексеевна, ни дети бойцов Русского корпуса советскими

гражданами, естественно, не были и быть не могли. Их отправляют в СССР через Киев в далекую Куйбышевскую область, в глухое село Кузькино Новодевичьего района. По прибытии транспорта на место детей поселяют в здание церкви, где священные изображения были замазаны известкой. По отношению к детям со стороны советских властей никакой заботы проявлено не было. Крестьяне, сами будучи бедными, не могли им уделять достаточного питания. Мария Алексеевна, вместе с детьми копает грядки, сажает овощи и картошку, собирает в лесу ягоды, грибы и орехи. Так проходят два-три года голодной советской жизни. Часть детей, по настоянию американских и английских властей, а также титовского правительства, были возвращены обратно к родителям. Мария Алексеевна просит советы разрешить ей выехать в Ленинград, где надеется найти родственников или знакомых. Но на ее просьбы Москва не отвечает. Наконец, ее племянницы в Белграде выхлопотали разрешение на ее возвращение в Югославию, но советы не дают разрешение на выезд. Детей, начиная с двенадцати лет большевики забирают и определяют в ремесленные училиша, и Мария Алексеевна поселяется в лачуге сапожника, ухаживает за его детьми, занимается шитьем и починкой одежды. Ее письма доходили до Белграда. Она по прежнему была спокойна и единственная ее жалоба заключалась в том, что в селе нет церкви, и за все три года ее только один раз крестьяне свезли в церковь на Пасху, за 20 верст от Кузькина. Ее племянница, жившая в Ленинграде, посылала ей по 200 рублей в месяц. Но доктора в Кузькино не было и ее силы стали падать. За отсуствием обуви она ходила в туфлях, сшитых из кусков старой материи. Ценности ее разокрали и она умерла от простуды и всевозможных лишений. Похоронили ее осенью 48 года, конечно же без священника. Однако, через два-три месяца нашелся священник, который на ее могиле совершил отпевание и отправил горсть земли родственнице в Ленинград, а та положила ее на могилу матери.

Так отблагодарил „отец народов — великий Сталин" русскую женщину за ее шестидесятилетний бескорыстный труд в деле воспитания и образования русских детей. Поистине Мария Алексеевна была благая душа и Христова невеста. Вечная ей память!

Митр. Протоиерей Флор Жолткевич

Бывший Законоучитель Института

Мотивы и сюжеты

К 150-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова

Лермонтовский гений блестящим метеором осветил небо России, чтобы превратиться в путеводную звезду для целого ряда русских поэтов и писателей. А его мятежный талант, сквозь полтора столетия, продолжает тревожить сердца людей, пленять красотою творчества, силою своего характера. В русской литературе нет ни одного благородного мотива, в котором бы не слышался голос безвременно погибшего поэта. По меткому выражению одного из критиков, Лермонтов стремился разгорячить кровь русской поэзии, вывести ее из состояния пушкинского равновесия.

В своей прозе Лермонтов достиг небывалого совершенства стиля и, недаром, Гоголь заметил, что никто до сих пор не писал у нас такой „благоуханной прозой". А Чехов добавил, говоря о „Тамани": Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова." Влияние Лермонтова на русскую поэзию было исключительным. Его отзвуки потекли к Алексею Толстому, Полонскому, Фету. Тоже можно сказать и о поэзии „бунтарей", а особенно о сильном и самобытном Некрасове, который начал с подражания Лермонтову. А о Надсоне, Минском, Жемчужникове, Огареве, Мережковском и говорить не приходится.

В блоковском романтизме XX века с неотразимой силой воскресли отзвуки Лермонтовской поэзии:

Из-под таинственной холодной полумаски
Звучал мне голос твой отрадный, как мечта,
Светились мне твои пленительные глазки
И улыбалися лукавые уста.

Это уже „прямо по Блоковски", сказал метко один из биографов, желая подчеркнуть влияние Лермонтова на Блока. В своей прозе Лермонотов подготовил путь Толстому и Достоевскому, и уже достигнув мировой славы „лев русской литературы" хотел походить на Лермонтова. „Севастопольские рассказы", „Казаки", „Хаджи Мурат", да и некоторые страницы „Войны и мира" отзываются Лермонтовым. Ценя в безвременно погибшем поэте „способность проникать в сущность явлений и давать высшую, для своего времени, точку понимания", Толстой говорил: „Он начал сразу, как власть имущий". На вопрос литературоведа Дурилина в 1909 году, какие произведения в русской литературе он считает совершеннейшими, Толстой, не задумываясь ответил: „Тамань".

Мережковский, сравнивая Пушкина с Лермонтовым, писал: „Пушкин в жизни — весь в людях, но в творчестве он — один. Лермонтов обратно: в жизни — один, но в творчестве он идет к людям.” Мережковский как-то в одной из своих работ упрекал Достоевского в том, что он почти ничего не говорит о Лермонтове, хотя в своей мистике многим ему обязан...

В октябрьские дни 1989 года Лермонтовский праздник поэзии прошел по всей России. Главные торжества состоялись в Тарханах, Пензенской губернии, где покоится прах поэта. Большие празднования прошли и в Москве, которую поэт любил „как русский, сильно пламенно и нежно” Прошли также торжества в Ставрополе, Тамани, Скт Петербурге и других местах. Было выпущено юбилейное издание поэта тиражом 20 миллионов экземпляров.

Павел Пагануцци

Книжная полка

Петра Александровича Муравьева природа наградила обширными творческими способностями. Два года назад он порадовал нас выставкой в музее Рериха своих живописных композиций. Не считая себя достаточно компетентным для профессиональной оценки художественного творчества Петра Александровича, хочу только высказать мои личные впечатления вынесенные мною после посещения выставки.

Манеру письма П. Муравьева я, без претензии на техническую точность, охарактеризовал бы как среднее между реалистической и абстрактной живописью. Скажем „полуабстракционизм”. Эта манера письма как бы связывает две эпохи: классическую и модернистскую, что дает автору возможность внести в творчество больше личного, в то время как живопись его вполне доступна для понимания широкой публики. Подбор живых красок, светотеней и игра форм оставляют глубокое впечатление и как бы связывают зрителя невидимой нитью с мыслью автора. Я это особенно ощутил, стоя перед картинами „Предместье”, „Памятник погибшим”, „Тибет” и несколько других. Сочетание абстрактных форм с

реальным изображением действительности для меня было ново и вызвало в душе положительные эмоции. Было выставлено и несколько чисто абстрактных композиций, но они, по моему мнению, не могут конкурировать с „полуабстрактнными” полотнами Муравьева. Пожелаем ему дальнейших успехов на этом поприще.

Помимо художественного дарования Петр Александрович известен и в литературе. Нами получены две его книги: „Звезда над Смоленском” и „Полюс лорда”. Есть у него и другие произведения. Первая книга это — сборник рассказов с включением одной пьесы. Большинство рассказов представляют собой живо и увлекательно написанные сцены из жизни, в манере, чем то напоминающей чеховскую, когда одним точным штрихом открываются перед читателем характеры персонажей и становятся зримыми описываемые места. Два больших рассказа „Звезда над Смоленском” (по заглавию которого названа книга) и „Сумерки кумира” описывающие эпизоды из Второй мировой войны, держат читателя в напряженном внимании с начала до конца. Первый из них затрагивает трагическую тему борьбы чувства человечности с суровой действительностью жизни. Несколько небольших аллегорических рассказов уводят читателя от общего жанра книги, направляя его в иное русло. Этой книгой автор утвердил себя, как мастер короткого рассказа.

Книга „Полюс лорда”, в которой автор выступает как романист, освещает читателю сложные взаимоотношения людей большого города, где преступность и интриги представляют собой повседневное явление жизни, хоть и приходящие извне, однако оставляющие в душе саднящие раны. Трагедия любви одинокого человека, растворенного в равнодушной толпе, приводит его к психологическому шоку и к безысходности, из которой есть только один предельный выход.

Увлекательное содержание романа интересно еще и тем, что автор в невысказанной форме наводит читателя на сравнения характерных черт женских и мужских персонажей романа. Героини Муравьева в сложных ситуациях как то прочнее стоят на ногах, быстрее и разумнее реагируют, в то время как мужчины теряются и поддаются эмоциям. Я думаю, автор прав. Действительно, современные женщины все увереннее обгоняют мужчин в беге на трассе жизни.

Н. Козякин

СПИСОК ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ

в Фонд журнала

От Торонтского Объединения кадет через О. Гипп (Канада), 40 дол; Н. Мурзин, 5 дол; М.Н. Воробьева, „В память моего любимого мужа Коли", 100 дол; Е. Лазарев-Миронов, 10 дол; М.М. Миро, 5 дол; А. Политанский (Бразилия), 10 дол; А. Берендс, 30 дол; В.А. Бабкин (Канада), 5 дол; г-жа Л.Зозулина, 20 дол; получено из Сан Франциско через Телятникову: В.В. Гранитов, 5 дол; Е. Квасников, 20 дол; А. Истомин, 5 дол; В.И. Турский, 20 дол;А. Федюшкин(Чили), 6 дол; В.В. Сигов(Франция), 70 дол; от Чикагского Объединения кадет через Л. Хантеля, 20 дол; от Торонтского Объединения кадет через О. Гипп (Канада), 50дол, И.М. Буланова, 15 дол; А.А. Хазов (Франция), 20 дол; Т.К. Багратион, 50 дол; Г.И. Шидловский, 20 дол; И.К. Кузнецов, 80 дол; В.Т. Соболевский (Югославия) 10 дол; К.Н. де Гарднер, 10 дол; И. Свентитский, 5 дол; К.А. Шереметов, 10 дол; А.А. Бехтеев (Бразилия), 5 дол; др. Ю.С. Тарновский, 10 дол; г-жа Л.Зозулина, 5 дол; Г.Н. Сапегин (Канада), 20 дол; З.Г. и Л.Н. Пульхритудовы „Вместо цветов на могилу Эльмурзы Мистулова", 100 дол;К.А. Шереметов, 50 дол; От Торонтского объединения кадет через О.Гипп (Канада), 40 дол; А. Московченко „Доброй памяти старших однокашников Р. Хлопова, А. Стацевича и В. Базилевича", 30 дол; А. Филатьев, 20 дол; В.В. Сигов (Франция), 200 дол.

Всем жертвователям приносим глубокую благодарность.

ИСПРАВЛЕНИЯ:

В статье Б. Прянишникова „Донской Юнкерский Полк" напечатанной в № 48 нашего журнала обнаружены следующие неточности:

на стр. 111, третья строка снизу напечатано „развернулись в степь". Следует читать „развернулись в цепь";

на стр. 112 в строке 13-ой напечатано „правофланговых". Следует читать: „левофланговых";

на стр. 113, строке 18 пропущена клича лошади „Беженка"

на стр. 116, в первой строке напечатано: „посланы нашн сотни". Следует читать: „посланы разъезды нашей сотни".В 4-й строке снизу слово „пирса" следует заменнть словом „пристани".

Типография приносит извинення читателям и автору за допущенные ошибки.

Результаты разжигаемой руссофобии

Елена Георгиевна Тараканова, профессор русской литературы Окландского университета в шт. Мичиган сообщает, что за неделю до Пасхи, в городе Фликт (Мичиган) на православном кладбище при церкви св. Николая вандалы разбили на могилах более двадцати памятников, в том числе и памятник на могиле ее мужа Юрия Тараканова, кадета 8-го выпуска Крымского кадетского корпуса. Надгробие памятника, сброшенное на гранитный цоколь разбилось на три части. Плита с надписью и крестом разбита на мелкие осколки. Кадеты выражают искреннее глубокое сочувствие дорогой Елене Георгиевне и сообщают, что по инициативе сан-францисского „Бюллютеня" производится сбор пожертвований на восстановление памятника. Чек направлять по адресу: V. Sokoloff, 773 Cypress Avenue, San Bruno, Ca. 94066 с пометкой „На памятник Ю.Т."

Розыск

Мы получили письмо от проживающих в России родственников с просьбой способствовать им в сборе сведений о Николае Александровиче Белоновском, 1889 г, рождения, бывшем мичмане в Амурской речной флотилии, как указано в „Списке офицеров Флота" за 1916 год; затем в годы гражданской войны служившего у Колчака, где значился в 1918 году как лейтенант Амурской речной флотилии. В 1921 году получено от него было письмо из Читы, после чего связь оборвалась. Позже дошел слух, что он жил в Харбине.

Любые сведения о нем или членах его семьи помогут восстановить прерванную связь между близкими родственниками. Сведения следует направлять в редакцию „Кадетской Переклички".

Памяти ушедших

В Сан-Пауло (Бразилия) в декабре 1989 года скончался

Петр Петрович Норожный

кадет V выпуска 1-го Русского Вел. Кн. Константина Константиновича кад. корпуса. Похоронен в семейном склепе на кладбище Муромби. Объединение кадет в Бразилии выражает семье усопшего искреннее соболезнование

А. Политанский

* *
*

В Парагвае в декабре 1989 г. скончался полковник парагвайской армии

Анатолий Николаевич Флейшер

кадет Владикавказского и Крымского кадетских корпусов.

* *
*

В штате Нью Джерси (США) 32 мая с.г. скончался

Владимир Павлович Заткалик

Покойный родился в Гродно в 1897 году. окончил Суворовский кадетский корпус в Варшаве. На первую мировую войну вышел с Ларго-Кагульским полком. После революции проживал во Франции. Вторую мировую войну провел во французской армии. По окончании войны переехал в США. Последние 19 лет жил в доме для престарелых, где и скончался.

* *
*

В Лос Анжелесе 5 февраля 1990 года скончался корнет

Павел Романович Брезгун

кадет Полоцкого и Русского кадетских корпусов. Похоронен на Голливудском кладбище.

* *
*

В Лос Анжелесе в мае 1990 года скончался

Е.К.В. Князь Андрей Карагеоргиевич

младший сын почившего Короля Югославии Александра I

* *
*

Но забыть мне не дано вкус вчерашних слез

(*Анна Ахматова*)

1 Августа с.г. в Мексико Сити, после тяжелой продолжительной болезни скончался

Владимир Николаевич Козякин

окончивший факультет коммерческого искусства при институте Прат. По окончании института покойный одно время состоял иллюстратором телевизионной станции NBC, а затем самостоятельно работал, как коммерческий художник и издатель многотиражных детских книг.

Володя, единственный сын редактора нашего журнала Николая Васильевича покинул отца в расцвете своих лет и надежд. Николай Васильевич просит передать всем друзьям, близким, знакомым и незнакомым, приславшим ему слова участия, свою глубокую благодарность. В эти трудные дни, эта дружеская поддержка была очень нужна

Редакция

В Менло Парке, Калифорния 12 мая с.г. скончался

Анастасий Михайлович Израилов

кадет Тифлисского, Морского и Донского кадетских корпусов

Светлой памяти Эльмурзы Мистулова

Кадеты и соратники из Бразилии приносят Вам, глубокоуважаемая Лидия Евгеньевна, семье и родственникам наше глубокое соболезнование в тяжелой утрате мужа, отца и верного сына национальной России, который так ярко соединил в себе самые лучшие качества русского офицера: доблесть, благородство, товарищество, исполнительность, отзывчивость, доброту, верность своим идеалам, религиозность. Его жизненный путь предопределенный роком — путь верного воина, жертвенно отдавшего свои молодые годы на борьбу с красными захватчиками Святой Руси.

Эти яркие качества ушедшего от нас друга, кадета, соратника привлекли к нему симпатии широких кругов эмиграции, среди которой в дальнейшем он занимал ответственные посты в различных национальных организациях.

Спи спокойно, дорогой друг! Да будет Тебе легка чужая земля вдали от любимой Отчизны Твоих доблестных предков, за честь и любовь к которой Ты был готов отдать свою молодую жизнь. Склоним головы перед светлой памятью Друга-однокашника и соратника и будем молить Всевышнего о даровании усопшему Георгию (в Св. Крещении) покоя в Селениях Праведных, а Вам, дорогая Лидия Евгениевна и Вашей семье, пусть будет хоть малым утешением то, что друзья усопшего глубоко разделяют Вашу боль и горе.

Август 1990 г,

Сан Пауло, Бразилия

А.С. Политанский

Председатель Об-ва Александра Невского

и вице-председатель Кадетского объединения.

Кончина Эльмурзы Мистулова

30 мая 1990 года, находясь в гор. Вашингтоне и участвуя в Съезде бывших воспитанников русских гимназий в Белграде, скоропостижно скончался хорунжий Эльмурза (в Крещении — Георгий) Дзанчекович Мистулов, кадет XXI выпуска 1-го Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

Это — тяжелая потеря не только для Объединения кадет российских кадетских корпусов, но и для всей русской общественности, ибо Эльмурза Мистулов был широко известен своей многолетней национально-патриотической деятельностью. И свидетельством этой его известности было множество венков от воинских (в том числе, разумеется, и от Объединений кадет), общественных, молодежных и других организаций, а также присуствие большого числа однокашников, соратников, друзей и просто знакомых на панихидах, на отпевании и на похоронах, которые состоялись в Лос Анжелесе 9 июня. Чин отпевания совершил Преосвященный Антоний, Архиепископ Лосанжелесский и Южнокалифорнийский, в сослужении прот. о. Александра Лебедева и диакона о. Георгия Григорьева. От объединения кадет присуствовали и несли почетный караул у гроба также и однокашники покойного, прибывшие как из Сан-Франциско, так и с восточного побережья США.

Эльмурза Дзанчекович родился в 1922 году в Югославии и происходил из офицерской казачье-осетинской семьи ст. Черноярская, Терской области. Дядя его, имя которого он носил, генерал-майор Э.А. Мистулов, был героем Терека и в гражданскую войну командовал войсками Терского Казачьего Войска. Это обстоятельство сыграло значительную роль в формировании его как личности, ибо ему с детства было известно, каким благородством отличался его дядя и какой популярностью пользовался он среди казаков. И всю свою, к сожалению тяжким недугом укороченную жизнь, покойный старался быть достойным наследником славного рода Терских казаков Мистуловых.

Обучались они с братом Эльбердом в 1-ом Русском Вел. Кн. Константина Константиновича кадетском корпусе, который закончили в 1941 году. В конце 1936 года от болезни легких скончалась их мать Ольга Алексеевна, урожд. Сосиева; по окончании кадетского корпуса на работе, при невыясненных обстоятельствах трагически погиб его брат Эльберт, а в 1945 году, предательски

выданный англичанами вместе с казаками Казачьего Стана, его отец, есаул Дзанчек Асланбекович, окончил свою жизнь заключенным в сталинском ГУЛАГ'е.

Национально-патриотическая настроенность усопшего еще в юношеском возрасте побудила его стать членом созданной генералом М.Ф. Скородумовым военно-монархической организации „Русское народное ополчение". И до конца своих дней он не только не изменил монархическим убеждениям, но и всегда, при всех обстоятельствах, открыто их исповедовал. А готовя себя к исполению воинского долга в предстоящей борьбе за освобождение России, по окончанию кадетского корпуса он поступил в „Роту допризывной подготовки молодежи РОВС'а" полковника М.Т. Гордеева-Зарецкого.

Накануне формирования Русского Корпуса (12 сентября 1941 года) упомянутой выше роте была поручена охрана казарм, и взвод из 18 человек, в составе которого был и юнкер Мистулов, таким образом оказались первыми добровольцами Русского Корпуса. Когда же вскоре „Рота молодежи" стала „Юнкерской ротой", его назначили пулеметчиком с производством в ефрейторы. В составе своей роты он принимал участие в боях с титовцами, а по окончании курса военных наук был произведен в подпоручики, хотя офицерской должности и не занимал, так как корпус на 80% состоял из офицеров. Благодаря своей военной выправке и строгой дисциплине Э.Д. заслужил повышение по службе и в 1944 году был назначен на унтерофицерскую должность в новосформированный полк. За проявленную храбрость в тяжелых боях под с. Бусовача в январе 1945 года награждается Железным крестом 2-го класса, а месяц спустя был командирован в Офицерскую школу РОА для переподготовки и занятия офицерской должности.

По окончании войны поселяется в беженском лагере в Меммингене (Бавария), где проявляет незаурядный артистический талант, выступая в театре известногоо артиста и режиссера Бастунова. Его успехам на сцене и доброму отношению к нему окружающих во многом способствовало его врожденное чувство юмора, которым покойный покорял, как театральную публику, так и любую товарищескую компанию, являясь незаменимым тамадой и душой общества.

В Лос Анжелес Э.Д. Мистулов прибыл в 1951 году. В следующем году он женился на Л.Е. Кулаковой, а в последующие годы у них родились сыновья Георгий-Эльберт и Александр. Очень скоро, окунувшись в общественную жизнь русской эмиграции, Э.Д. стал

ведущим членом ряда военных и патриотических организаций. Это он в рамках деятельности Комитета объединенных русских антикоммунистических организаций, ежегодно устраивал траурные собрания „Дня Непримиримости", и неизменно принимал активное участие в постановках „Дня русской культуры", проводимых по инициативе Конгресса русских американцев. К тому же, благодаря недюжинным сценическим способностям, он быстро сделался желанным участником постановок местного русского театра.

Со смертью Эльмурзы Мистулова, помимо Объединения кадет российских кадетских корпусов, осиротели многие русские национальные организации, в том числе: Союз чинов русского Корпуса, Объединение русских антикоммунистических организаций в Лос Анжелесе, председателем которого он был выбран единогласно после смерти основателя Я.Я Эллерта, Общество русских ветеранов в Лос-Анжелесе, местный отдел Конгресса русских американцев, Общество имени Св. Иоанна Кронштадского и др.; осиротело также казачество — Терское войско, где он исполнял обязанности заместителя Войскового атамана, Объединение дивизиона С.Е.В. Конвоя, старшим офицером которого он стал в 1986 году, и Горско-казачья станица в Лос-Анжелесе, многолетним атаманом которой он был; осиротели и организации молодежи: общество „Русский Сокол" и Организация российских юных разведчиков (ОРЮР). И, конечно, осиротел и Спасо-Преображенский соборный приход Русской Зарубежной Церкви, верным сыном которой он стал после принятия Православия. Много трудов приложил он на внедрение в учащихся церковно-приходской школы русского духа, на воспитание в них любви к отчизне, к исторической России.

Покойный был для всех примером благородства, чести и товарищества в самом лучшем понимании этого слова. Его общительность и доброжелательность притягивали к нему сердца окружающих, что и было засвидетельствовано той глубокой печалью, с которой повсюду было встречено известие о его такой преждевременной кончине.

Вечная память нашему дорогому однокашнику, доблестному офицеру и казаку, большому русскому патриоту и прекрасному товарищу и другу! Душа его во благих водворится!

Группа однокашников

Светлой памяти
Василия Георгиевича Данилова

Все быстрее и быстрее безжалостное время стало уносить тех юношей — участников гражданской войны. Вот и снова аргентинская чужая земля приняла одного из старейших императорских кадет, Корниловца и офицера Русского корпуса.

Василий Георгиевич Данилов родился 31 декабря 1900 года в городе Вильно в семье полковника Генерального Штаба Российской Императорской армии. В 1910 году отца переводят из Вильно в Одессу, где Вася сдает экзамен в первый класс Одесского кадетского корпуса. Однако вскоре он покидает Одесский корпус, ибо отец, получив производство в генералы, был переведен по службе в Туркестанский военный округ, в Ташкент и Вася меняет корпус.

При объявлении германской войны отец уезжает на фронт, а семья переезжает в Петербург, где Вася поступает в 3 класс Первого Кадетского корпуса, который заканчивает в составе последнего выпуска в 1918 году. 18-летним юношей он, тайком от родителей убегает на Юг, где по слухам действует Белая Армия. Благополучно миновав все большевистские кордоны, он оказывается на Дону, где просит быть зачисленным в славный Корниловский полк. В составе этого полка он провел всю гражданскую войну, участвовал во всех сражениях. Был ранен и после ранения снова вернулся в полк, где на тачанке с пулеметом не раз врывался в занятые красными селения.

После гражданской войны вместе с полком эвакуируется в Галлиполи, где через некоторое время узнает что его родители находятся в Югославии. Приехав в Югославию, он, подобно большинству русских эмигрантов, терпит трудности и лишения. Но, устроившись работать на железную дорогу и подрабатывая игрой на балалайке в ночных ресторанах, он сумел закончить геодезические курсы и как специалист устраивается работать в строительство.

После нападения Германии на Советский Союз и появления надежды на военную борьбу с большевизмом, в нем просыпается кадровый военный, и он поступает в Русский корпус. В последние дни войны с остатками Корпуса отступает в Австрию, а в 1948 году, после тяжелейших мытарств и испытаний, попадает в Аргентину. Там он, не зная испанского языка, устраивается строительным техником. Там я с ним и познакомился 30 лет тому назад, когда мы оба с ним оказались в одной строительной фирме. Его всегда ценили не только как выскоквалифицированного специалиста, но и как человека

редких душевных качеств. Он никогда не отказывался от самых сложных и трудных работ, всегда выполнял их исключительно добросовестно и профессионально, а с сослуживцами был настолько добрым и отзывчивым, что его прозвали „Уютным".

Выражаю мое глубочайшее соболезнование супруге, проведшей с ним последние 23 года его жизни, а также дочери Шуре, проживающей в Югославии.

А. Алферов.

Светлой памяти
Александра Александровича Зеркача

„Кадеты — не сословие, не класс и не каста. Это — Орден беззаветного служения Родине и ее Монарху. Завет этот по силе самоотверженности, бескомпромисной убежденности и готовности принять даже венец мученической кончины, может быть сравним только с монашеским обетом святых мучеников и великомучеников нашей Церкви".

„Кадет, став им однажды, остается им до конца своих дней, независимо от того, имеет ли он генеральский чин, ученое звание или духовный сан. Так неискоренимо заложено в нем начало этого особого мироощущуния — „кадетства", нераздельной принадлежности к Ордену товарищества и братства".

Так понимал и писал о нашем „кадетстве" Александр Александрович, а для нас, кадет, — Шура,... Саша Зеркач, скончавшийся 4-го сентября 1979 года в городе Сиднее (Австралия). Прошло больше десяти лет, как Шуры больше нет с нами. Нет с нами кадета, который так верно понимал значение „кадетства" и так честно служил ему личным примером всю свою жизнь до последней минуты.

Шура — Саша Зеркач родился в 1905 году в семье офицера Кубанского Казачьего Войска. Он был самым младшим в семье и рано осиротел. В 1916 году, поступил в 1-ый класс Владикавказского кадетского корпуса. Во время гражданской войны прошел с корпусом по Военно-Грузинской дороге в Грузию, откуда корпус был переведен в Крым, где сводный Полтавско-Владикавказский корпус был переименован приказом ген. Врангеля в Крымский

кадетский корпус. С ним же Саша эвакуировался из Ялты и прибыл в лагерь Стрнище в Словении, будучи в составе 3-го класса.

Шура был прекрасный товарищ, у него в корпусе не было врагов. Его добродушный характер располагал к нему всех. Он обладал тонким чувством юмора, прекрасной памятью, незаурядным природным умом и веселостью. У него был приятный мягкий бас и тонкий слух. Будучи потомком запорожских казаков, он в особенности любил петь казачьи и украинские песни.

При переходе из 6-го в 7-ой класс, Шура уехал на каникулы в город Новый Сад к другу своего старшего брата — Корниловскому офицеру, который устроил его на каменоломню, где Шура заработал деньги на выпускной жетон. В 1925 году, по окончании 7-го класса и получении аттестата, он возвращается в Новый Сад, где ему удается найти место чиновника военной авиации, которую вскоре перевели в гор. Земун.

Во время войны Шура работал в Австрии, в Вене. А после войны, вмсесте с женой Ниной Егориевной уехали в Австралию и поселились в Сиднее. В Австралии Шуре не повезло со здоровьем: он перенес несколько операций и сердечный удар, а работать ему приходилось очень много. Когда в 1972 году в Мельбурне был создан Отдел Объединения Российских Кадетских Корпусов Зарубежья, Шура, по просьбе ныне покойного Гриши Чикалова, принял самое деятельное участие в привлечении в ряды Отдела бывших кадет, проживавших в Сиднее и его окрестностях. Своим тактом, скромностью и умением подойти к людям Шура привлек в ряды Отдела много бывших кадет как Императорских, так и Зарубежных корпусов. Отдел пришлось переименовать в Общекадетское Объединение в Австралии и разбить на два отдела: Мельбурнский и Сиднейский. Покойный Шура становится бессменным секретарем Сиднейского Отдела и фактически главным инициатором всех его начинаний.

На годовом собрании 1979 года Шура из-за болезни уже не присуствует и просит его освободить от должности секретаря, хотя и очень тягостно переносит отказ от столь любимой и близкой его сердцу работы. По воле злого рока, осенью того же гоода Шура покинул нас, уйдя в лучший мир. На одном из годовых собраний он сказал: „Отшагаем до конца с честью в рядах Объединения Кадет."

Дорогой Шура! Ты сам полностью исполнил данный Тобою нам завет, оставив в наших сердцах светлую по себе память.

Твои однокашники

Светлой памяти
Александра Станиславовича Рагузского

29 января 1990 года в Сиднее (Австралия) скончался Александр Станиславович Рагузский, председатель Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов в Австралии. Еще с середины прошлого года, Алик, как все мы его звали, начал страдать легкими. Он стал быстро задыхаться, и это болезненно на нем отразилось. Госпитальная помощь мало помогла, в сентябре, его здоровье резко ухудшилось, но все же он нашел в себе силы, чтобы отстоять в день праздника Георгиевских кавалеров нашу кадетскую панихиду.

Родился Алик в Киеве, в 1911 году. Поначалу поступил в Русский Кадетский корпус в гор. Сараево, а затем перевелся в Крымский Кадетский корпус в гор. Белая Церковь, который и окончил с 8-ым классом в 1929 году. По окончании корпуса Алик поступает на геодезические курсы генерала Свищева, окончив которые, начинает работать геометром в городе Зайчаре, а с 1941 года — в руднике Бор. При отступлении немецкой армии из Сербии, Алик поступает в Русский Корпус, с которым в мае 1945 года переходит австрийскую границу. Затем, после долгих мытарств в лагерях перемещенных лиц (Ди Пи) в 1950 году уезжает в Австралию.

В силу существовавших тогда в Австралии законов, Алику не удается получить работу по своей специальности — геометра и ему пришлось устроиться на фабрику холодильников, на которой он и работал до выхода на пенсию. В Австралии Алика и его верную подругу жизни постигает большое горе — в автомобильной катастрофе погибает их сын Георгий — Жорик. Эта трагедия оставляет глубочайший след в жизни Алика и Босы.

С самого начала существования Кадетского Объединения в Австралии Алик — его активнейший член, а с 1975 года становится председателем Сиднейского Отдела Общекадетского Объединения Австралии. Всякая созданная организация имеет годы своего подъема и упадка. Тоже самое случилось и с Сиднейским Отделом. Довольно большой вначале по своему числу, Отдел стал из года в год уменьшаться, ибо многие его члены стали болеть и уходить в мир иной. Не было случая, чтобы Алик не навестил больного однокашника, а умершего не проводил до места вечного упокоения. Он всегда присуствовал на всех панихидах и навещал вдов почивших, стараясь всеми силами чем-нибудь им помочь. В своих письмах за последние годы Алик грустит, видимо предчувствуя свой конец.

Несмотря на тяжелую жизнь и болезнь, дух бодрости никогда не покидал его. Алик твердо верил в кадетскую спайку, дружбу и наши традиции. Каждая встреча с однокашниками его радовала и придавала ему сил и бодрости духа. Это особенно было заметно, когда в 1988 году на праздники Объединения в Мельбурне приехала группа однокашников из Сиднея во главе с Аликом и его супругой Босой. Это был первый приезд Алика в Мельбурн на наш праздник и, увы, последний.

Всегда скромный, вежливый и искренний в обращении, Алик пользовался среди нас любовью и общим уважением. Проводить Алика в его последний путь пришло множество друзей и знакомых, не говоря уже о кадетах Сиднейского Отдела, которые вместе с другими, приехавшими из других городов, несли почетный караул у гроба, накрытого русским национальным флагом, в котором лежал их дорогой председатель. На русском кладбище, рядом с преждеушедшим от нас секретарем Шурой Зеркач, нашел вечный покой и наш Председатель.

Спи спокойно, дорогой Алик!

В. Касперович

Памяти Михаила Яковлева

Коренной княже-константиновец, Михаил Яковлев поступил в корпус в Белой Церкви в сентябре 1929 года и кончил вице-унтер-офицером 17-го выпуска в июне 1937 года. Мы, его одноклассники, помним Мишу как скромного и прилежного кадета. В старших классах, в составе духового оркестра, он хорошо играл на кларнете и уделял много внимания этому занятию.

После окончания корпуса Миша мало общался с теми из нас, кто жил в Белграде. Мы не видели его на студенческих вечеринках или в театре Русского Дома. У его отца был молочный магазин и Миша много помогал в семейном деле. В 1941 году прошел слух, что он погиб при бомбардировке Белграда немцами.

Сравнительно недавно я узнал, что Миша некоторое время жил в Аргентине, где и погиб при невыясненных обстоятельствах. Когда я восстановил связь с теперь уже покойным одноклассником Борисом Сербиным, тоже жившем в Буэнос Айресе, то в одном из писем

попросил его сообщить мне, что он знает о жизни и смерти Миши. Вот что он написал мне в ответ 13 ноября 1987 года:

„Ты пишешь о Мише Яковлеве. Вспоминая его, у меня всегда тяжело на душе... Это так давно было, что даже год стерся в памяти... Вдруг в один прекрасный день заявился Миша ко мне. Радость моя была большая. Еще бы, — друг с самого раннего детства, сосед по парте! Приехал он в Аргентину через Италию и Африку. Не часто, но заходил ко мне. Своего адреса мне не давал. Честно говоря, я побаивался, не было ли у него „обязательств" в Югославии перед выездом оттуда. Я ему тысячу раз говорил: „Миша! Откройся, вместе подумаем, что можно сделать!" Он отмалчивался. Знаешь, какой он был: скромный, застенчивый, скрытный. И вот однажды, кажется была суббота и мы были приглашены в гости. Я, как вседа, замешкался, и мы опаздывали. Выскакиваем второпях на улицу. И, вдруг, Миша: „Борис, я к тебе, хочу с тобой поговорить!" „Миша, мы торопимся, — отвечаю, — можем завтра встетиться в любой час. Идет?" „Идет", — ответил он мне.

Так я его больше и не видел. Позже узнал, что он мертв... рана была страшная, в голову... До сих пор себе простить не могу, что не остался с Мишей в этот несчастный субботний вечер!"

Вот все, что я узнал о последних годах жизни и смерти моего одноклассника Михаила Яковлева. Может кто-нибудь из живших в то время в Буэнос Айресе знает больше и найдет возможным сообщить подробности о Мишиной трагической жизни и смерти. Прошу тех, кто знал Мишу Яковлева, молиться об упокоении души раба Божия Михаила.

Алексей Боголюбов

б. кадет 17-го выпуска

1-го Р.К. Корпуса

Светлой памяти
Бориса Юрьевича Сербина

Борис Юрьевич Сербин родился 22 июля 1918 года на хуторе Романовский, вблизи станицы Кавказская на Кубани. До 5-го класса он учился в Донском Императора Александра III кадетском корпусе в городе Гаражде, Югославия, а после его закрытия в 1933 году, был переведен в 5-й класс 1-го Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса в Белой Церкви, Югославия.

Борис окончил корпус в 1937 году в составе нашего 17 выпуска. Стройный, подтянутый, он был хорошим товарищем, с ровным, сдержанным характером. Проявлял большой интерес к чтению и рисованию. В течении первого года студенчества в Белграде, мы с Борисом жили дружно и весело в одной комнате студенческого дома Короля Александра, через парк от Технического факультета, где мы оба учились. Борис собирался стать архитектором, а я — инженером-строителем. Случилось так, что мы оба закончили образование в Мюнхене, но в разное время. Во время войны мы раз встречались в Вене, а потом потеряли друг-друга из вида.

Связь восстановилась в 1986 году. К этому времени Борис вышел на пенсию после многих лет работы в немецкой фирме „Симменс" в Буэнос Айресе в Аргентине. Мы не часто, но регулярно обменивались письмами, из которых я узнал о постоянной заинтересованности Бориса историей России и русской архитектурой. Писал он по старой орфографии и в его письмах чувствовалась верность заветам старины — девизу Донского корпуса. Как то к Рождеству прислал он мне поздравительную открытку — свою акварель знаменитой церкви Покрова на Нерли в Селе Боголюбове между Владимиром и Суздалем.

Кадетские годы и своих однокашников Борис не забывал. Когда ему представилась возможность навестить брата в Канаде, он писал о намечавшейся встрече с нами: „Так вот я думаю, Бобка, что если бы мы встретились у Сапегина: ты, Коля, Джока, Сапежка и я! Вот была бы лафа!" К сожалению наша встреча так и не состоялась, но по телефону мы с Борисом тепло и долго поговорили. В дальнейших письмах мы обсуждали, как ему устроить приезд на съезд в Сан Франциско в сентябре 1990 года.

Но Господь судил иначе. После сравнительно недолгой болезни, Борис умер 7-го августа 1989 года в Буэнос Айресе. О его смерти мы

узнали значительно позже.

Первым браком Борис был женат на Нине Бартош, бывшей ученицы русской гимназии в Белграде. Сын Бориса, Андрей живет в Венесуэле, а его старший брат Владимир — в Торонто. Им всем мы одноклассники и друзья Бориса, выражаем наше сердечное, глубокое сочувствие.

Спи спокойно, дорогой Борис!

Алексей Боголюбов,

б. кадет 17 выпуска IРКК

Книжная полка

Printed by "Monastery Press". 8011 Champagneur Ave.,
Montreal, Que. H3N 2K4. Canada.